

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

12

Выпуск (906)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

12

Issue (906)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 12 (906)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 12 (906)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alieвна	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmirina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Senki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дискурс как языковая реализация нарратива: ризоматический и интермедиаальный подходы БОГДАНОВА Е. А.	9
Медиатизация концепта «Патриотизм» как фактор создания единого ценностно-ориентационного пространства БОРИСОВА Т. Г., ПЕЧЕНЮК А. Н.	18
Влияние медийного дискурса на изменения в современном немецком языке ВОРОНИНА Г. Б.	28
Кодификация топонимов на платформе «Национального словарного фонда»: проблемы и решения ЕВТУШЕНКО О. В., КОСМАРСКАЯ И. В.	36
Особенности функционирования семантической структуры со значением «физиологическое состояние» в русском и испанском языках ЗУБОВ М. Д.	42
Средства вербализации характеристик эмоционального интеллекта в современном медиадискурсе КОСТРОМИН Д. Г.	51
Терминология военной авиационной техники французского языка в синхронии и диахронии КУЗНЕЦОВ В. Г.	60
Ординальная сравнительная модель с антропонимом в современном немецком языке КУЛИКОВА В. А.	68
Особенности изучения жестов в языках разных модальностей: жестовые и звучащие языки ЛЕОНТЬЕВА А. В., ХАРИТОНОВА В. Д.	75
Полисемия как субъективная характеристика слова ЛУЗЯНИН В. В., КОТЮРОВА И. А.	85
Вербализация фреймового состава концепта СПИД во французском политическом дискурсе МАСЛОВА Л. О.	93
Лингвокультурологические и концептуальные параметры эвфемии в современном итальянском языке ПОРОХНИЦКАЯ Л. В., МИЩЕНКО Е. Ю.	102
Лингвокогнитивные механизмы языкотворчества в современной английской фразеологии в перспективе дискурсной интерпретации знания РЫЖКИНА Е. В.	113
Репрезентация культурно-идеологических кодов в постколониальном дискурсе алжирской художественной литературы СОКОЛОВА В. Л.	122
Прагматика номинативных предложений во французском публицистическом тексте экономической тематики ТУНИЦКАЯ Е. Л.	129

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Китайские стихи Н. С. Гумилева: реминисценции из Теофиля Готье ОСЬМИНИНА Е. А.	137
Феномен русского поэтического авангарда в эстетике художественного слова ПЕРЕВЕРТОВА К. Н.	144

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Формирование культурной идентичности в пространстве современных образовательных коммуникаций ДАЛЕЦКИЙ Ч. Б.	152
Духовный образ человека в аксиологической перспективе будущего МАСЛОВА А. В.	163
Традиционные ценности в культурософском диалоге искусств ЛИТВИНОВА Н. Б., ПУСТОВИТ В. Ю.	171

LINGUISTICS

Discourse as a Linguistic Realization of Narrative: Rhizomatic and Intermediality Approaches BOGDANOVA E. A.	9
Mediatization of “Patriotism” Concept as a Factor in Creating a Unified Value-Orientational Space BORISOVA T. G., PECHENYUK A. N.	18
The Influence of Media Discourse on Changes in Modern German VORONINA G. B.	28
Codification of Place Names on the Platform of the National Dictionary Fund: Problems and Solutions EVTUSHENKO O. V., KOSMARSKAYA I. V.	36
Peculiarities in the Functioning of the Physiological State Semantic Structure in Russian and Spanish ZUBOV M. D.	42
Verbalization Means for Emotional Intelligence Characteristics in the Modern Media Discourse KOSTROMIN D. G.	51
Terminology of Military Aircraft Equipment of the French Language in Synchrony and Diachrony KUZNETSOV V. G.	60
Ordinal Comparative Model with an Anthroponym in the Modern German Language KULIKOVA V. A.	68
Aspects of Studying Gestures in Languages of Different Modalities: Signed and Spoken Languages LEONTEVA A. V., KHARITONOVA V. D.	75
Polysemy as a Subjective Characteristic of a Word LUZANIN V. V., KOTIUROVA I. A.	85
Verbalisation of the Frame Structure of the AIDS Concept in French Political Discourse MASLOVA L. O.	93
Linguocultural and Conceptual Parameters of Euphemism in the Modern Italian Language POROKHNITSKAYA L. V., MISCHENKO E. YU.	102
Linguocognitive Mechanisms of Idiom Creativity in Modern English Phraseology in the Perspective of Discursive Interpretation of Knowledge RYZHKINA E. V.	113
The Representation of Cultural and Ideological Codes in the Postcolonial Discourse of Algerian Fiction SOKOLOVA V. L.	122

CONTENTS

The Pragmatics of Nominative Sentences in the French Journalistic Text
on Economic Subjects

TUNITSKAYA E. L. 129

LITERARY STUDIES

Chinese Poems by N. S. Gumilev: Reminiscences from Theophile Gautier

OSMININA E. A. 137

The Phenomenon of Russian Poetic Avant-Garde in the Aesthetics of Artistic Words

PEREVERTOVA K. N. 144

CULTUROLOGY

Cultural Identity Formation in the Space of Modern Educational Communication

DALECKIY C. B. 152

Spiritual Image of Human in the Axiological Perspective of Future

PEREVERTOVA K. N. 163

Traditional Values in the Culturosophical Dialogue of Arts

LITVINOVA N. B. , PUSTOVIT V. YU. 171

Дискурс как языковая реализация нарратива: ризоматический и интермедиаальный подходы

Е. А. Богданова

*Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
elena-8306@mail.ru*

Аннотация. Цель данного исследования – анализ языковой репрезентации налогового нарратива в пространстве медиадискурса. Материалом исследования послужили французские медиатексты, содержащие выражение антиналоговой семантики «Платит Николя». При работе с материалом применялись методы сплошной выборки и дефиниционного анализа, а также элементы дискурс-анализа. В результате исследования установлено, что налоговый нарратив реализуется с помощью репрезентации воображаемого вирусного образа француза по имени «Николя», олицетворяющего налоговую усталость французов. Антропоморфная репрезентация экономической проблемы налогового нарратива разрастается в пространстве медиадискурса по типу ризомы, захватывая другие дискурсивные практики на основе явления интермедиаальности.

Ключевые слова: нарратив, налоговый нарратив, ризома, интермедиаальность, медиадискурс

Для цитирования: Богданова Е. А. Дискурс как языковая реализация нарратива: ризоматический и интермедиаальный подходы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 9–17.

Original article

Discourse as a Linguistic Realization of Narrative: Rhizomatic and Intermediality Approaches

Elena A. Bogdanova

*Adyghe State University, Maikop, Russia
elena-8306@mail.ru*

Abstract. The purpose of this research is to analyze the linguistic representation of the tax narrative in the space of media discourse. The research material was French media texts containing expressions of anti-tax semantics of anti-tax semantics by Nicolas Pays. When working with the material, methods of continuous sampling and definitional analysis, as well as elements of discourse analysis, were used. As a result of the study, it was found that the tax narrative is realized through the representation of an imaginary viral image of Nicolas, personifying French tax fatigue. The anthropomorphic representation of an economic problem grows in the space of media discourse like a rhizome, capturing other discursive practices based on the phenomenon of intermediality.

Keywords: narrative, tax narrative, rhizome, intermediality, media discourse

For citation: Bogdanova, E. A. (2025). Discourse as a linguistic realization of narrative: rhizomatic and intermediality approaches. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 9–17. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультурное сообщество, основанное на плюрализме взглядов, научных подходов и многообразии идей, продуцирует множество текстов в разнообразных контекстах. Перед дискурсологами встает вопрос о том, каким образом выстраивать дискурс-анализ в современных условиях, учитывая междисциплинарный характер дискурса [Синельникова, 2017].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска новых моделей дискурс-анализа, выходящих за пределы традиционной линейности и иерархии, с целью выявления языковых механизмов манипуляции в пространстве медиадискурса и установления истинности транслируемой информации и ее оригинального источника в рамках конкретного нарратива. Следует отметить, что работы, связанные с исследованиями реализации нарратива в дискурсивных пространствах, достаточно многочисленны и затрагивают такие проблемы языкознания, как делимитация понятий текста, дискурса и нарратива [Андреева, 2007; Селезнева, 2014; Милостивая, 2015], реализация нарратива в немецком политическом дискурсе [Андреева, 2019], модели наррации [Моштылева, 2021], газетный нарратив как кооперативное действие [Милостивая, 2022], культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива [Тамерьян, Шаипова, 2024] и др. В работах, связанных с лингвистическим подходом к изучению ризомы и интермедиальности, поднимаются вопросы специфики ризома-анализа в современной дискурсологии [Синельникова, 2017], лингвистической специфики и взаимодействия интертекстуальности и интермедиальности [Титаренко, 2017; Бушев, 2019], коррелятивности интермедиальности, интертекстуальности и интердискурсивности [Марченко, 2020], ризомы как модели исследования медийного текста [Четыркина, 2024] и др.

Новизна проведенного исследования заключается в комплексном анализе дискурса как пространства реализации нарратива с позиций ризоматического и интермедиального подходов. Впервые предпринятая попытка интегративного подхода к дискурс-анализу позволила описать специфику языковой реализации налогового нарратива в пространстве французского медиадискурса.

Термин постмодернистской философии «ризома» реализуется во множестве текстов, репрезентирующих различные виды дискурса. Ризоматический подход становится инструментом широкого спектра гуманитарных наук, включая лингвистику. Мы разделяем точку зрения Л. Н. Синельниковой о том, что лингвистический «ризома-анализ» текстов способствует более глубокому дискурсологическому

исследованию в области филологического знания [Синельникова, 2017].

Понятие ризома изначально является термином ботаники (*фр.* rhizome – корневище), обозначающим особый вид корневой системы. Впервые термин ризома был предложен постмодернистской философией Ж. Делёза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1976]. Философы утверждали, что «мир потерял свой стержень» и «абсолютно необходимы неточные выражения, дабы обозначить что-либо точно» [Делёз, Гваттари, 2010, с. 36]. Основное понимание ризомы связано с подвижностью системы и ее способностью к самоконфигурированию. Ризома противопоставляется корню как статичной и замкнутой системе. Клубень ризомы способен развиваться в любом направлении в отличие от корня – замкнутой линейной системы, прорастающей в одном направлении. Абсолютно любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой. В основе понимания мироздания лежит метафора «древо мира», структурирующая целостность мироустройства, имеющая стержень. «Причинно-следственное движение с “корневой” основой выглядит так: от корня – к стволу, от ствола – к ветвям, от ветвей – к веточкам и листьям, от листьев – к прожилкам листьев. Все из единого центра. У ризомы отсутствует стержень, и корешки ризомы могут прорасти, ветвясь в любом направлении, и неожиданно исчезать» [Синельникова, 2017, с. 807].

Под нарративом мы понимаем сложную систему, включающую отправную точку, представленную в виде истории (реальной или вымышленной информации) и ее развития в виде сюжетов, оформленных в языковой форме в различных видах дискурса. Одна информация способна получить неограниченную возможность трансформаций, проявляющихся в разнообразных конфигурациях языковых единиц. Так истории перетекают из одного дискурса в другой, получая новые смыслы.

С позиции ризоматического подхода медиадискурс возможно рассматривать в качестве особого пространства обмена информацией, порождающего новые смыслы и часто уводящего отправную историю в совершенно иную систему, в свою очередь, связанную с базовой информацией определенными точками соприкосновения смыслов.

Ризоморфное пространство также связано с динамическим явлением интермедиальности, в процессе реализации которого пересекаются различные нарративные системы, порождаются новые смыслы, и тексты получают динамическое развитие в различных дискурсивных практиках. Интермедиальность понимается как «взаимодействие и посредничество в культуре, реализуемое в текстах» [там же, с. 808].

Интермедиаальные исследования дискурса в лингвистике касаются вопросов интерсемиотичности [Седых, 2008], интертекстуальности [Титаренко, 2017], аспектов языка цифровой культуры [Хаминава, Зильберман, 2014].

Зарубежными исследователями интермедиаальность понимается как: процесс создания целостного текста взаимодействием различных медиаальных пространств – структуральный подход [Müller, 1994]; процесс эволюции медиаальных форм, основанный на их взаимодействии¹; синтез медиа, с репрезентацией в одном медиа концептов другого медиа в совокупности с процессом понимания одного медиа через сопоставление с другим [Schröter, 2011].

Интермедиаальность является зонтичным термином, что позволяет применять интермедиаальный подход в различных гуманитарных исследованиях при условии уточнения аспекта исследуемого объекта [Марченко, 2020].

«Интермедиаальность основывается на основных положениях теории интертекстуальности» [Бушев, 2019, с. 87]. Лингвистическое исследование текстов в рамках одного нарративного пространства, но реализующихся в разных дискурсивных практиках, способствует продвижению дискурс-анализа в направлении ризома-анализа.

Интермедиаальный подход позволит установить, каким образом информация трансформируется в процессе медиаобмена. Основы методологии интермедиаальности, заложенные австрийским исследователем Вернером Вольфом, получили широкое развитие в рамках установления основных системных принципов анализа взаимодействия медиа. В. Вольф предложил уровневую модель ядра методологии, выделив формальный, семантический и прагматический уровни [Wolf, 2002].

На наш взгляд, интермедиаальный подход может быть успешно применен в лингвистическом анализе медиатекстов, позволяя определить, каким образом нарративы и разные виды дискурсивных практик переплетаются в пространстве медиадискурса. Интермедиаальный подход в сочетании с ризома-анализом позволит установить способы вербализации развития нарративных историй и трансформации смыслов, множимых медиапространством по типу ризомы.

В работе рассмотрен один из способов применения интермедиаального подхода с элементами ризома-анализа на примере текстов французского медиадискурса. Для анализа нами было выбрано выражение *Nicolas qui paie* (*Платит Николя*)², которое впервые появилось в соцсетях и стало

вирусным, получив реализацию не только в медиадискурсе, но и в социальных и политических дискурсивных практиках. Нами обнаружено более 60 публикаций во французских СМИ за первое полугодие 2025 года, в которых упоминается *Nicolas qui paie*. Во французских социальных сетях имя *Николя* используется пользователями для ироничного обозначения французских налогоплательщиков, которые своими налогами оплачивают все расходы государственных органов. Отметим, что согласно открытым данным во Франции 10 % французов платят 70 % налога на доходы.

В задачи данного исследования входит:

1) определить статус исходного налогового нарратива как «базовой ризомы» и выявить языковые механизмы его разрастания в пространстве медиадискурса;

2) изучить эволюцию вербализации образа *Николя* и проанализировать интермедиаальные переходы феномена *Платит Николя*.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источник образа *Николя* не установлен, встречаются данные о первом упоминании синекдохи Николя, обозначающей коренных французов, в 1980 году³. Словосочетание *Платит Николя* впервые встречается в социальном аккаунте в 2020 году. Это был мем (рис. 1), высмеивающий социальный договор, предлагаемый французским гражданам.

Рис. 1. Первое употребление *Платит Николя*

Пост социальной сети представлен в виде мема, содержащего минимальную языковую репрезентацию социально-экономической проблемы, но достаточную для понимания смысла. Идея ясна:

¹Paech J. Artwork – Text – Medium: Steps en route to Intermediality // ESF "Changing Media in Changing Europe". Paris, 26–28 May, 2000.

²Здесь и далее перевод наш. – Е. Б.

³URL: www.huffingtonpost.fr/politique/article/avec-c-est-nicolas-qui-paie-l-extreme-droite-adoube-un-cheval-de-troie-raciste-et-reactionnaire_251804.html (дата обращения: 01.07.2025).

тридцатилетний (30 ans) *Николя* «платит», в частности, чтобы пенсионеры Бернар и Шанталь (*Bernard & Chantal*), обоим по 70 лет (70 ans), могли отправиться в роскошный круиз (*croisière Costa*). Скорее всего, здесь имеется в виду французская пенсионная система *pay-as-you-go*, в которой работающие люди финансируют пенсии.

Если аспект мема, связанный с характеристиками *Николя*, может, пусть и довольно грубо, поднять вопрос о финансировании пенсионеров и среднем уровне жизни *Николя* по сравнению с остальным населением, то вторая его часть несет в себе откровенно расистский образ. *Николя* также «платит», чтобы *Карим* (*Karim*), которому 25 лет (25 ans) и который получает социальную помощь (логотип RSA – Revenu de solidarité active – базовое пособие во Франции), мог отправлять деньги в Африку через международную систему платежей (*Western Union*).

Выбор распространенного мусульманского имени (*Karim*) и карты Африканского континента репрезентируют идеи крайне правых. В 2023 году в одном из социальных аккаунтов вновь возникает анализируемый мем с *Николя*, затем появляются его вариации в других странах. В Соединенном Королевстве *Николя* становится *Ником*, в Германии *Берндом*, а в Ирландии его зовут *Шоном*. Почти систематически *Карима* заменяют человеком с небелым цветом кожи, с иностранным именем (*Ахмед, Баба*)¹.

Рассмотрим наиболее яркие примеры исследуемого выражения.

В статье журнала *Le Figaro*, посвященной проблемам системы налогообложения во Франции *Elle paie pour tout le monde et n'a rien en retour: ce ras-le-bol fiscal de la jeune génération de contribuables* (Оно *платит* за всех и ничего не получает взамен: молодое поколение налогоплательщиков *сыто по горло налогами*), формальный уровень медиатекста представлен визуализацией в виде мема (рис. 2) изображающего пенсионеров, радующихся получению пенсии, которая выделена за счет работающих налогоплательщиков, рядом изображен президент Франции, который доволен строительством несуществующего моста за 3 млн евро (*pont de néant* – мост в небытие) – недостроенный мост во французских Арденнах, который никуда не ведет). Э. Макрону приписывается оценочная реплика:

Pas mal non? C'est Nicolas qui paie². – Неплохо, правда? Платит Николя.

¹URL: www.huffingtonpost.fr/politique/article/avec-c-est-nicolas-qui-paie-l-extreme-droite-adoube-un-cheval-de-troie-raciste-et-reactionnaire_251804.html (дата обращения: 01.07.2025).

²URL: www.lefigaro.fr/conjoncture/elle-paie-pour-tout-le-monde-et-n-a-rien-en-retour-ce-ras-le-bol-fiscal-de-la-jeune-generation-de-contribuables- (дата обращения: 20.06.2025).

Рис. 2. Мем из издательства *Фигаро*

Предметом статьи становится описание финансовых сложностей французских граждан. Вновь используется и разворачивается метафора *Николя*, воплощающая активного молодого специалиста (*Il est jeune, diplômé, actif*), который платит слишком много. *Николя* олицетворяет налоговую усталость поколения активных людей (*la lassitude fiscale d'une génération d'actifs*), которые считают себя жертвами, финансирующими растрату государства. Таким образом мы выходим на семантический уровень медиатекста, влияющий на смысл. Образ *Николя* усиливает понимание освещаемой проблемы и воздействует на получателя информации. Употребление только обобщающих лексических единиц *les contribuables* (налогоплательщики) или *une génération d'actifs* (активное поколение) не привлекло бы внимание читателя. К образу *Николя*, как к конкретному человеку, быстрее и легче вызвать эмпатию.

Характер *Николя* описывается с помощью оценочных лексических и фразеологических единиц: *généreux* (благородный), *altruiste* (альтруист), *le cœur sur la main* (щедрый). Далее автор разрушает описанный им же идеальный образ француза:

Ce Français n'existe pas. – Такого француза не существует³.

Для характеристики *Николя* автор использует как фамиллярную лексику, так и прибегает к философским терминам. Например:

Nicolas, c'est *la bonne poire*. Il paie pour tout le monde et il n'a rien en retour. – Николя – *дурак (лох)*. Он платит за всех и ничего не получает в ответ.

Ce trentenaire, qui souhaite rester *anonyme*, dit se rapprocher *du minarchisme identitaire*⁴. – Этот тридцатилетний человек, который хочет остаться *анонимным*, говорит, что приближается к *личностному минархизму*.

³URL: www.lefigaro.fr/conjoncture/elle-paie-pour-tout-le-monde-et-n-a-rien-en-retour-ce-ras-le-bol-fiscal-de-la-jeune-generation-de-contribuables- (дата обращения: 20.06.2025).

⁴Там же.

Проанализируем примеры из других источников. В издательстве левого толка встречается:

Avec «C'est Nicolas qui paie», l'extrême droite adoube **un cheval de Troie raciste et réactionnaire**¹. – Своим лозунгом «Платит Николя» крайне правые поддерживают **расистского и реакционного троянского коня**.

Приведенный пример иллюстрирует новую интерпретацию образа *Николя*. Французская партия левых начинает обвинять правых в распространении расистской сути медийного образа *Николя*, используя метафору *расистский и реакционный троянский конь*.

В течение нескольких недель должностные лица и политические деятели использовали мем *Платит Николя*, вследствие чего политики были обвинены в поддержке изображения, передающего расистский стереотип под видом критики налогового распределения во Франции.

La figure de Nicolas – prénom qui a connu son heure de gloire en 1980 où il a été donné près de 22 000 fois – est aujourd'hui **essentiellement prisee de la droite et de l'extrême droite**². – Фигура Николя – имя, которое имело свой звездный час в 1980 году, когда его произнесли почти 22 000 раз – сегодня **в первую очередь ценится правыми и крайне правыми**.

Образ *Николя* расширяется, обрастает ультра-правыми, даже расистскими, характеристиками, например:

Il symbolise un homme, trentenaire, salarié et **caucasien** qui «paierait» pour tout le monde. Une sorte de victime absolue de l'État social, traitant plus avantageusement les retraités et **les minorités** que les pauvres gentils actifs **«de souche»**. Pour cette partie de l'échiquier de politique, ce contribuable a le mérite de répondre à deux de leurs marottes principales: **le «ras-le-bol fiscal»** et l'immigration³. – Он символизирует тридцатилетнего, работающего, белого мужчину, который «заплатил бы» за всех. Этакая абсолютная жертва государства всеобщего благосостояния, относящегося к пенсионерам и меньшинствам более благосклонно, чем к **бедным, добрым, «коренным»** рабочим. Для этой части политического спектра этот налогоплательщик имеет заслугу в том, что отвечает двум их главным навязчивым идеям: **«налоги по горло»** и **иммиграция**.

¹URL: www.huffingtonpost.fr/politique/article/avec-c-est-nicolas-qui-paie-l-extreme-droite-adoube-un-cheval-de-troie-raciste-et-reactionnaire_251804.html (дата обращения: 01.07.2025).

²Там же

³URL: www.huffingtonpost.fr/politique/article/avec-c-est-nicolas-qui-paie-l-extreme-droite-adoube-un-cheval-de-troie-raciste-et-reactionnaire_251804.html (дата обращения: 01.07.2025).

Автор использует прилагательное *caucasien* – *белый* (о расовой принадлежности) по отношению к *Николя*. Но общеизвестно, что значительная часть граждан Франции являются выходцами из бывших французских африканских колоний, и они тоже платят налоги. Далее автор противопоставляет *пенсии и меньшинств бедным, добрым, «коренным» рабочим Франции*. Создается конфликт, основанный на социальной дискриминации, и автор сам транслирует идею о том, что образ *Николя* репрезентирует самые острые проблемы современного французского общества: налоги и миграция (*le «ras-le-bol fiscal» et l'immigration* – «налоги по горло» и иммиграция). В аспекте социального неравенства появляется понятие «boomerocratie» («бумерократия»):

solidement installée «boomerocratie», où les retraités restent la première classe de consommation, financée par une jeunesse contributrice sans retour⁴ – «бумерократия», при которой пенсионеры остаются первым классом потребителей, финансируемым за счет молодежи, вносящей вклад и ничего не получающей взамен.

Воздействующий эффект мема наблюдается и на государственном уровне. Он замечен, принят и даже оценен.

Selon l'eurodéputée Reconquête, c'est grâce à ces comptes que se **«gagner[a] la bataille culturelle»**. Une image vaut parfois mille maux⁵. – По словам депутата Европарламента Реконквета, именно благодаря этим аккаунтам **«будет выиграна культурная битва»**. Иногда изображение стоит тысячи слов.

Образ *Николя* прорастает дальше. Теперь не только он является оценкой социально-экономической ситуации в государстве, но и сам его образ подвергается более глубокой оценке в медиадискурсе. Например, издательство BREIZH-INFO (СМИ правого толка, освещающее бретонские и международные новости) характеризует концепцию «Nicolas qui paie» как:

un chef-d'œuvre involontaire de panique idéologique : on y voit deux scribes en apnée face à l'irruption du réel dans **leur aquarium conceptuel**⁶ – невольный

⁴URL: www.lefigaro.fr/conjoncture/elle-paie-pour-tout-le-monde-et-n-a-rien-en-retour-ce-ras-le-bol-fiscal-de-la-jeune-generation-de-contribuables- (дата обращения: 20.06.2025).

⁵URL: www.huffingtonpost.fr/politique/article/avec-c-est-nicolas-qui-paie-l-extreme-droite-adoube-un-cheval-de-troie-raciste-et-reactionnaire_251804.html (дата обращения: 01.07.2025).

⁶URL: www.breizh-info.com/2025/07/04/248748/cest-nicolas-qui-paie-chronique-dun-aveuglement-mediapart-la-fiscalite-et-le-refus-du-reel/ (дата обращения: 10.07.2025).

шедевр идеологической паники: в ней показаны два писца, затаивших дыхание, когда реальность врывается в их **концептуальный аквариум**.

Автор описывает ситуацию непринятия образа *Николя* левыми, используя метафористичные выражения: *deux scribes* (два писца), *aquarium conceptuel* (концептуальный аквариум), критикующие левых, борющихся с идеей «Nicolas qui paie». В поддержку образа Николя автор пишет:

Oui, la formule «C'est Nicolas qui paie» est un slogan. Oui, elle est simplificatrice. Mais elle a le **mérite de nommer l'évidence**: dans ce pays, certains paient toujours plus, pour des raisons toujours plus floues, à destination de bénéficiaires toujours plus lointains¹. – Да, фраза «Платит Николя» – это лозунг. Да, он упрощен. Но он имеет то **достоинство**, что **констатирует очевидное**: в этой стране некоторые люди платят всё больше и больше, по всё более неясным причинам, всё более далеким бенефициарам.

Используется положительная лексика, укрепляющая позиции *Николя*: *mérite de nommer l'évidence* (имеет то достоинство, что констатирует очевидное).

Приведем еще некоторые примеры разрастания идеи «Nicolas qui paie».

Paris: plus de 600 vélos en libre-service disparaissent par semaine...et c'est **encore «Nicolas qui paie»**². – Париж: более 600 велосипедов самообслуживания исчезают каждую неделю...и **опять «платит Николя»**.

Поскольку использование велосипедов в регионе Иль-де-Франс стремительно растет, вандализм достигает беспрецедентных высот, каждую неделю угоняют более 600 велосипедов, ранее, согласно статистике, это было 230 велосипедов, государственная служба проката сталкивается с большими расходами, что обременяет местные бюджеты. Это дорогостоящая разница для местных властей, которую пытаются компенсировать за счет налогов граждан.

Николя оплачивает не только велосипеды, но и жертвует автобусы Тунису:

«**C'est Nicolas qui paie**»: la Région Île-de-France et la RATP **font cadeau** de 165 bus à la Tunisie³. – «**Николя**

платит»: регион Иль-де-Франс и RATP (пассажирская компания) **дарят** 165 автобусов Тунису.

В статье противопоставляются 85 автобусов, пожертвованных Францией, 300 автобусам, проданных Тунису Китаем.

Après un premier envoi en avril, la France a livré cette semaine 85 bus à la Tunisie. En parallèle, la Chine a vendu 300 bus à la Société des transports de Tunis⁴. – После первой поставки в апреле Франция на этой неделе поставила в Тунис 85 автобусов. Тем временем Китай продал 300 автобусов Тунисской транспортной компании.

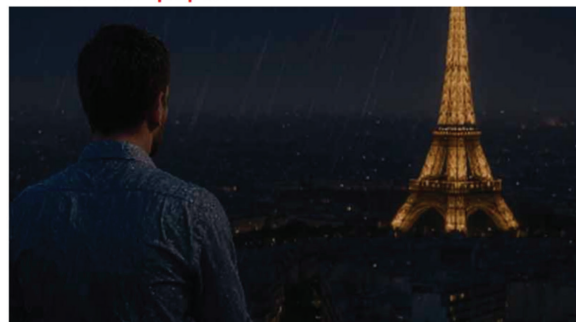
Ультраправое СМИ *Nouvel ordre mondial* распространило изображение, очень четко и емко иллюстрирующее представление правых об образе *Николя*. На рисунке 3 видно, что к изображению добавлен революционный призыв:

Debout Nicolas la France a besoin de toi⁵. – Вставай, Николя, Франция нуждается в тебе.

C'est Nicolas qui paie !

10 avril 2025 Emmanuel

C'est Nicolas qui paie !

Debout Nicolas la France a besoin de toi.

Nous sommes 20.000 Nicolas ! pic.twitter.com/UMS5CL704L

— Nicolas ? (@NicolasQuiPaie) April 10, 2025

Рис. 3. Ультраправый образ *Николя*

Таким образом, в современном французском медиадискурсе выражение *Nicolas qui paie* становится вирусным и характеризует любые расходы государства, оцененные гражданами как необоснованные и расточительные. История Николя настолько стала известной, что достаточно увидеть его имя в заголовке статьи, чтобы понять основную мысль текста. Например, новый проект Макрона «Безопасное место для науки», направленный на

¹URL: www.breizh-info.com/2025/07/04/248748/cest-nicolas-qui-paie-chronique-dun-aveuglement-mediapart-la-fiscalite-et-le-refus-du-reel/ (дата обращения: 10.07.2025).

²URL: www.lejdd.fr/economie/paris-650-velos-en-libre-service-disparaissent-par-semaine-et-cest-encore-nicolas-qui-paie-159846 (дата обращения: 10.07.2025).

³URL: www.lejdd.fr/International/cest-nicolas-qui-paie-la-region-ile-de-france-et-la-ratp-font-cadeau-de-165-bus-a-la-tunisie-159676 (дата обращения: 10.07.2025).

⁴Там же

⁵URL: www.nouvelordremondial.cc/2025/04/10/cest-nicolas-qui-paie/ (дата обращения: 20.04.2025).

предоставление убежища американским ученым, не нашедшим поддержки в США, получил оценку в следующем заголовке медиатекста:

Moins de dix «scientifiques» américains «réfugiés» en France: c'est «Nicolas qui paie»¹. – Менее десяти американских «ученых-беженцев» во Франции: «Николя платит».

В социальных сетях интернет-пользователи также иронично называют *Николя* налогоплательщиков, которые своими налогами оплачивают все расходы государственных органов, включая расходы, связанные с иммиграцией, которые считаются «неконтролируемыми».

Приведем примеры вербализации оценки образа *Николя*. Не без иронии один из пользователей написал следующее:

J'exige **le prix Nobel d'économie** pour cette découverte majeure. – Я требую **Нобелевскую премию по экономике** за это крупное открытие.

В комментариях пользователей соцсетей также часто встречается упоминание образа Николя:

Nicolas n'est pas colbertiste, il veut simplement que l'Etat s'occupe du régalien et arrête de faire venir des millions de Karim. – Николя не кольтертист, он просто хочет, чтобы государство заботилось о суверене и прекратило привозить миллионы Каримов.

Отметим, что среди обычных пользователей соцсетей история *Nicolas qui paie* является понятной, частотной, а образ *Николя* получает положительную оценку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема налогообложения на доход и статистические данные о процентном соотношении налогов являются базовой историей (информацией) налогового нарратива – на ее основе разворачивается ряд медиатекстов, связанных между собой по типу ризомы и развивающих исходную проблему в разных направлениях.

¹URL: <https://lesalonbeige.fr/moins-de-dix-scientifiques-americains-refugies-en-france-cest-nicolas-qui-paie/> (дата обращения: 05.07.2025).

История француза, уставшего от налогов, вербализуется и активно распространяется в социальных сетях, в которых создан аккаунт «*Николя, который платит*». В процессе разрастания истории *Николя* проникает в политическую дискурсивную практику. С помощью *Николя* жонглируют представители разных партий, образ вовлекается в политическую борьбу. *Николя* из простого француза разросся в сеть вымышленных и карикатурных персонажей, наделенных новыми специфическими чертами: от расистских характеристик до космополитизма.

История *Николя* также является ярким примером эффективной реализации интермедийности. Форма, семантика и прагматика реализации исследуемого образа в медиадискурсе органично сочетаются в медиатекстах, охватывая другие дискурсивные практики.

Интермедийный характер реализации антиналогового нарратива проявляется в визуализации системы налогообложения в медиатекстах, включая социальные сети, в которых появляется хештег *#JeSuisNicolas* (*#ЯНиколя*), создающий эффект эха и иллюзию массовости.

Налоговый нарратив переходит в антиналоговый и пересекается с идеологическими нарративами, создавая эффект смешения идеологий, которые связываются между собой в медиадискурсе по типу ризомы (либертарианство, идентаризм, антиэтатизм, кольтертизм и др.) и перерастает в глобальный протестный нарратив в процессе адаптации образа *Николя* в других лингвокультурах.

С помощью синекдохи *Николя* = *целое поколение* социальные проблемы сводятся к архетипу. Появляется новый термин *Бумерократия*, представляющий оппозицию *трудозанятая молодежь / пенсионеры*. Также одной из ключевых оппозиций выступает противопоставление «коренной» француз / *Карим* (миграционная метонимия).

Таким образом, по типу ризомы налоговый нарратив трансформируется в пространстве медиадискурса в антиналоговый нарратив, который, в свою очередь, прорастает в нарратив социальной идентичности, стремящийся к политическому нарративу.

Перспективным представляется изучение репрезентации концепции *Николя платит* в других видах дискурса и сравнительно-сопоставительное исследование вариантов адаптации образа *Николя* в других лингвокультурах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Синельникова Л. Н. Ризома и дискурс интермедийности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. Т. 21. № 4. С. 805–821.

2. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 46. С. 61–71.
3. Селезнева Л. В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. № 11 (5). С. 67–75.
4. Милостивая А. И. К вопросу о делимитации понятий «текст», «дискурс» и «нарратив» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (47). С. 146–149.
5. Андреева В. А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере политического дискурса Германии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 38–45.
6. Моштылева Е. С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021.
7. Милостивая А. И. Немецкий газетный нарратив как кооперативное действие: коммуникативные субъекты и механизм смыслообразования: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022.
8. Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 105–111.
9. Титаренко С. Д. Проблемы взаимодействия интертекстуальности и интермедиальности в мифопоэтике русского символизма (от цитаты в тексте – к медиамифу) // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 54–73.
10. Бушев А. Б. Лингвистика интертекстуальности и интермедиальности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2019. № 2. С. 76–95.
11. Wolf W. Intermediality revisited: reflections on word and music relations in the context of general typology of intermediality // Word and music studies. 2002. № 4. P. 14–34.
12. Марченко Т. В. Интермедиальность, интертекстуальность, интердискурсивность: коррелятивность понятий в аспекте исследований дискурса массмедиа // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 196–201.
13. Четыркина И. В. Ризома как механизм манипуляции в немецкоязычном журналистском тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 17 (2). С. 520–526.
14. Deleuze G., Guattari F. Rhizome: introduction. Paris, 1976.
15. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория ; М.: Астрель, 2010.
16. Седых Э. В. К проблеме интермедиальности // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 3-2. С. 210–214.
17. Хаминова А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.
18. Müller J. E. Intermedialität. Formen moderner kultureller Kommunikation. Münster, 1994.
19. Schröter J. Discourses and Models of Intermediality. CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2011. № 13(3). P. 3. DOI 10.7771/1481-4374.1790.

REFERENCES

1. Sinelnikova, L. N. (2017). Rhizome and Discourse of Intermediality. Russian Journal of Linguistics, 21(4), 805–821. (In Russ.)
2. Andreeva, V. A. (2007). Literary narrative: text and discourse. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 46, 61–71. (In Russ.)
3. Seleznyova, L. V. (2014). To the Issue of Interrelation between the Text and Discourse. Vestnik of North-Eastern Federal University, 11 (5), 67–75. (In Russ.)
4. Milostivaya, A. I. (2015). On the question of delimitation of the notions “text”, “discourse” and “narrative”. Philological sciences. Issues of theory and practice, 5-1(47), 146–149. (In Russ.)
5. Andreeva, V. (2019). Narrative in persuasive communication (a case study of political discourse of germany). Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 192, 38–45. (In Russ.)
6. Moshtyleva, E. S. (2021). Modeli narratsii v sovremennoy russkoyazychnoy internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskiy i lingvostilisticheskiy analiz = Models of narration in modern Russian-language Internet communication: linguopragmatic and linguostylistic analysis: PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
7. Milostivaya, A. I. (2022). Nemetskii gazetnyi narrativ kak kooperativnoe deistvie: kommunikativnye sub'ekty imekhanizm smysloobrazovaniya = German newspaper narrative as a cooperative action: communication actors and mechanism of meaning generation: Senior Doctoral thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)

8. Tameryan, T. Yu., Shaipova, A. M. (2024). Cultural and semiotic approach to analysis political news narrative. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 105–111. (In Russ.)
9. Titarenko, S. D. (2017). The problems of interaction between intertextuality and intermediality in mythopoetics of the russian symbolism from a quotation in the text to the mediamyth. Culture and text, 3(30), 54–73. (In Russ.)
10. Bushev, A. B. (2019). Linguistics of intertextuality and intermediality. Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series 6, Linguistics: An abstract journal, 2, 76–95. (In Russ.)
11. Wolf, W. (2002). Intermediality revisited: reflections on word and music relations in the context of general typology of intermediality. Word and music studies, 4, 14–34.
12. Marchenko, T. V. (2020). Intermediality, intertextuality, interdiscursivity: correlation of notions in the light of massmedia discourse studies. Humanitarian and legal studies, 2, 196–201. (In Russ.)
13. Chetyrkina, I. V. (2024). Rhizome as a mechanism of manipulation in German-language journalistic text. Philological sciences. Issues of theory and practice, 17(2), 520–526. (In Russ.)
14. Deleuze, G., Guattari, F. (1976). Rhizome: introduction. Paris.
15. Deleuze, G., Guattari, F. (2010). Kapitalizm i shizofreniya. Tsyacha plato. = Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel. (In Russ.)
16. Sedykh, E. V. (2008). To the problem of intermediality. Vestnik of St.Petersburg State University. Language and literature, 3-2, 210–214. (In Russ.)
17. Haminova, A. A., Zilberman, N. N. (2014). The theory of intermediality in the context of modern humanities. Tomsk State University Journal, 389, 38–45. (In Russ.)
18. Müller, J. E. (1994). Intermedialität. Formen moderner kultureller Kommunikation. Münster.
19. Schröter, J. (2011). Discourses and Models of Intermediality. CLCWeb: Comparative Literature and Culture, 13(3), 3. DOI 10.7771/1481-4374.1790.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданова Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры французской и немецкой филологии
Адыгейского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogdanova Elena Alexandrovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of French and German Philology
Adyghe State University

Статья поступила в редакцию	11.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'372+811.161.1'37

Медиатизация концепта «Патриотизм» как фактор создания единого ценностно-ориентационного пространства

Т. Г. Борисова¹, А. Н. Печенюк²

^{1,2}Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

¹ddis@bk.ru

²magronio@mail.ru

Аннотация: Цель работы – описание механизмов медиатизации лингвокультурного концепта «Патриотизм». В фокусе анализа находятся механизмы позитивизации и дерогативизации интерпретации в российском медиапространстве. На основе диалектико-реляционного, концептуального и контент-анализа выявляются иллокуции и приемы модификации ценностно-ориентационного пространства. Определяются компоненты актуального, интерпретационного и мотивационного слоя концепта, ретротопический характер ассоциирования современных ситуаций с прецедентными феноменами Великой Отечественной войны, факторы идеологизации концепта «Патриотизм». Базой позитивизации выступает ретротопийное ассоциирование и стратегия на повышение, относящаяся к полюсу «своих». Дерогативизация строится на генитивной метафоре постпозиционного номинирования, синестезии ментально-аффективного и соматического кодов и неологизации композитной деривации с негативной семантикой. Результаты исследования расширяют концепции пертинентностно-релевантного соответствия в «глубокой медиатизации».

Ключевые слова: медиатизация, медиадискурс, концепт «Патриотизм», ретротопия, протопия, идеологизация, ценностно-ориентационное пространство, метафоризация, прецедентность

Для цитирования: Борисова Т. Г., Печенюк А. Н. Медиатизация концепта «Патриотизм» как фактор создания единого ценностно-ориентационного пространства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 18–27.

Original article

Mediatization of “Patriotism” Concept as a Factor in Creating a Unified Value-Orientational Space

Taniana G. Borisova¹, Aleksei N. Pechenyuk²

^{1,2}Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

¹ddis@bk.ru

²magronio@mail.ru

Abstract. The study describes the mechanisms of mediatization of the linguocultural concept “Patriotism”. The focus of the analysis is on mechanisms of positivization and derogativization of interpretation in Russian media space. Based on the convergence of dialectical-relational, conceptual and content analysis illocutions and techniques for modifying the value-orientation space are identified. The components of the actual, interpretative and motivational layers, the retrotopic nature of the association of modern situations with precedent phenomena of the Great Patriotic War, factors of ideologizing the verbalizers of the concept “Patriotism” are specified. Retrotopic association and strategy for promotion related to the pole of “us” are the basis for positivization. The genitive metaphor of postpositional nomination of patriotism, synesthesia of mental-affective and somatic codes and neologization of composite derivation with negative semantics build basis for derogativization. The results of this study expand the concepts of pertinence-relevance correspondence within deep mediatization.

Keywords: mediatization, media discourse, concept “Patriotism”, retrotopia, protopia, ideologization, value-orientation space, metaphorization, precedent

For citation: Borisova, T. G., Pechenyuk, A. N. (2025). Mediatization of “Patriotism” Concept as a Factor in Creating a Unified Value-Oriental Space. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(906), 18–27. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется современной ситуацией «глубокой медиатизации» дифференциального топиально и ситуативно детерминированного контента представления базовых цивилизационных констант того или иного лингвокультурного сообщества. Процесс медиатизации, маркирующийся переходом верификационных оснований из области объективной реальности в пространство медиаинтерпретации, на сегодняшний момент претерпевает новую волну «глубокой медиатизации», так называемой контент-верификации со смещением фокусировки с инвент-оснований на инфооснования [Couldry, Hepp, 2018]. Ключевым механизмом в рамках меметической формы введения индивидуального понимания коллективных представлений становится интимизация, строящаяся на специфических «новых прецедентах». Реминисценции и ассоциаты модифицированного прецедента базируются на ситуативных модальных и интерпретационных значимостях, получающих комплексное иконико-вербальное меметическое подкрепление [Марченко, Бредихин, Лепилкина, 2023, с. 114].

Специфика медийной дискурсивизации в современном иммерсивном медиапространстве, обладающем наиболее широким потенциалом к импринтизации модифицированных компонентов концепта «Патриотизм» и интегрирующем элементы амбисемии [Денисова, Гусейнова, Горожанов, 2024], в современных условиях реидеологизации и ремифологизации представляется одним из наиболее актуальных вопросов медиалингвистики, лингвоаксиологии.

Другим компонентом актуальности выступает проблема контаминации различных видов значимостей в формировании моноинтерпретации ценностно-ориентационного пространства социума. Создание пересекающихся областей пертинентностей посредством «приведения их к общему знаменателю» ценностной основы, транслируемой в концептах с набором ассоциативных признаков [Бредихина, 2024], позволяет легитимизировать ретротопийно-протопийный механизм как наиболее эффективный в процессе сохранения или изменения областей позитивизации патриотических ценностей.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Для достижения поставленной в исследовании цели требуются: определение механизмов двухвекторной легитимизации патриотизма; выявление значимых характеристик интимизационных компонентов; анализ приемов семантического расширения концепта «Патриотизм» в процессе медиатизации; выявление областей пересечения индивидуальных пертинентностей в аспекте формирования коллективной релевантности.

Эмпирическим материалом для анализа послужил исследовательский корпус медиатекстов, включающий как поликодовые посты, представленные на платформах «Телеграм», «ВКонтакте», так и креолизованные медиатексты официальных региональных и федеральных изданий. Общий пул микроконтекстов репрезентации концепта «Патриотизм», а также коррелирующих концептов составляет более 10 тыс. словоупотреблений.

В качестве методологической базы исследования применялся комплексный интегральный подход, включающий приемы диалектико-реляционного дискурс-анализа [Fairclough, 2001], позволяющие выявить и проанализировать иллюкативное пространство медиаконтента; концептуального и контент-анализа, дающие возможность определить ретротопийность и протопийность ассоциативных вербализаторов [Федотова, 2001]; метод семантического прайминга [From primed concepts to action, 2016], определяющий позиции лексических и семантических ожиданий реципиентов и возможности нивелировки ситуации «даунтайма» при распрямечивании компонентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Концепт «Патриотизм» представляет собой сложное семиотико-когнитивное образование, характеризующееся высокой степенью социальной и культурной значимости, функциональной спецификой в дискурсивных практиках синтонного характера, транслирующих векторы объединения представителей лингвокультурного сообщества с различными идентитарными сферами. Кроме того, наполнение и структурирование ядерных и периферийных областей значимости данного концепта

происходит как в коллективных, так и в индивидуальных векторах на основе базовых концептов-вербализаторов, ассоциированных с цивилизационной и советской ретропийной аксиосферами, экстраполируемыми на основе ситуативной дискурсивизации на современные инфоповоды. Его медиатизация в условиях сетевого взаимодействия детерминирована конситуативными параметрами и идеологическими установками, аффективными и аксиологическими сферами внедрения абстрактных и утилитарных элементов [Ерофеева, 2008, с. 169] что предопределяет модификацию ценностно-ориентационного пространства участников коммуникации.

В настоящее время термин «медиатизация» не имеет единого определения. В данной статье медиатизацию мы трактуем как процесс, в результате которого социальная реальность и ее истинность воспринимаются на основе инфоповода, т. е. человеку нет необходимости знакомиться с реальным положением дел и критически осмысливать описываемую ситуацию, в свою очередь истинность события определяется на основе частотности его представленности в медиасреде [Hepp, Hjarvard, Lundby, 2015]. Глубокая медиатизация определяется высокой степенью имерсивности и возможностью влиять на оценку данного события, т. е. перманентной сменой статуса реципиента на продуцента, сокращением ситуации «даунтайма» в условиях необлигаторного, но открытого реагирования на инфоповод [Бредихин, Пелевина, 2025].

Исследуемый концепт демонстрирует амбивалентную природу в русском культурном сознании: с одной стороны, он коррелирует с фундаментальными аксиологическими культурными концептами «Душа», «Судьба», «Удаль», обладая глубокой ментальной укорененностью в традиционных представлениях о национальной идентичности; с другой стороны, его языковая репрезентация осуществляется посредством заимствованной лексемы, входящей в фонд интернациональной лексики, что свидетельствует о его универсальном характере в глобальном социокультурном контексте.

Актуальный пласт концепта «Патриотизм» в русской языковой картине мира конструируется на основе экстралингвистических факторов, включающих энциклопедические данные, научные и публицистические труды, а также культурно-философские интерпретации, отражающие его многослойность и дискурсивную вариативность. В «Современном словаре иностранных слов» Л. П. Крысина патриотизм (от *греч.* patriotes – соотечественник, *patris* – родина, отечество) определяется как «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу; привязанность

к месту своего рождения, месту жительства»¹. Данное определение акцентирует внимание на эмоционально-ценностной составляющей концепта, его связи с индивидуальной и коллективной идентичностью.

Исследования Н. В. Наговицыной демонстрируют, что смысловое наполнение концепта включает 25 когнитивных признаков, среди которых существуют ключевые позитивные, а также негативное противопоставление истинного патриотизма его деградированным формам [Наговицина, 2015, с. 98]. Дерогативизация маркирует новый контрапродуктивный и контраколлективный аутистический вектор интерпретации, который достаточно широко транслируется, существенно снижая потенциал позитивизации.

Наибольшим экспликативным потенциалом обладает индивидуальная дефинитивная номинация в прямом вербализаторе концепта:

Патриотизм – это *не просто любовь* к Родине, это *действие* во благо неё! ²

Наблюдается использование базового вербализатора с прояснением утилитарно-действенного компонента как основы интенсификации процесса перевода ментальных абстракций в область онтологической модальности. Частотность подобных дефинитивных описаний в сильных позициях медиатекстов (заголовках, статусах) демонстрирует не только иллюзию к трансляции моновекторной интерпретации позитивных утилитарных элементов содержания концепта, но и наделяет их повышенной значимостью в пересекающихся областях коллективной релевантности.

Видеофрагмент выборочного опроса, сопровождающий инициальный пост, конкретизирует патриотизм как базовую цивилизационную и этнокультурную доминанту российского общества. Примечательным является факт, что процесс медиатизации, который основывается на фактуальных принципах создания инфоповодов, характеризуется максимальным суггестивным потенциалом.

С *чувством подлинного патриотизма* поднимались за Отечество *ополченцы Минина и Пожарского*, шли в атаку *на Бородинском поле*, бились с врагом *под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом*. <...> Сегодня ополченцы Донбасса вместе с бойцами армии России *сражаются на своей земле*, где *на смерть стояли герои Великой Отечественной войны*³

¹Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. Русский язык. 1999. С. 510.

²URL: <https://t.me/s/labinskmedia> (дата обращения: 17.08.2025).

³URL: <https://gnkk.ru/articles/dedy-pobedili-i-my-pobedim/> (дата обращения: 17.08.2025).

Прогнозирование расширения позитивного пространства становится возможным при реализации событийно-концептуального прайминга [Bredikhin, Serebryakov, 2019]. Глубинная семантическая структура объединяющих компонентов ценностно-ориентационного пространства социума выстраивается не на конкретных прецедентных феноменах, а при интенсификации нескольких из деятельностных концептов – «Героизм», «Самопожертвование», «Единение».

Интенсификация ретротопийного компонента осуществляется в форме слоганов, внедряемых в сильные позиции медиатекста *то, что помогло нам победить в той войне и поможет победить сейчас!* Двухвекторная направленность ретротопийно-протопийной экспликации базируется на совмещении во фразе перфективных и безапелляционных форм футурума.

Динамика содержания концепта обусловлена расширенной сочетаемостью в современном дискурсе, что находит отражение в атрибутивных и генитивных конструкциях, а также коллокациях, *ad hoc* имплементируемых в патриотический дискурс. Лексико-семантическая детализация и конкретизация проявляется в возможности сочетания с относительными прилагательными, что приводит к формированию новых значений. Патриотизм может быть *интеллектуальным, корпоративным, потребительским, ИТ-патриотизмом*, что свидетельствует об интеграции в различные сферы общественного сознания. Одновременно наблюдается тенденция к метафоризации концепта, к включению его в речевые контексты, отражающие современные ценностные трансформации. Например, *болотный патриотизм, рублевый патриотизм, самоварный патриотизм*, демонстрируют процесс символической переоценки, связанный с изменением социальной прагматики [Бабенко, 2020, с. 17].

«В России **должен** появиться **потребительский патриотизм**»: *есть ли шанс* на разнообразие отечественных продуктов без западных брендов?¹

Данный микроконтекст демонстрирует внедрение новых компонентов на основе хеджированных высказываний, конкретизирующих аспекты функциональности концепта «Патриотизм». Квеситивная форма актуализирует алетическую возможность не только описываемого феномена, но и сочетаемых характеристик номена. Сочетание вопросительной формы и алетической семантики с деонтическим пространством первой части высказывания осуществляет проспективный результат

аспектуализации концепта в медиапространстве. Четкая делимитация областей ценностно-ориентационного пространства существенно расширяет возможности концептуализации и категоризации нового признакового ряда концепта [Бредихин, Пелевина, 2021].

Особое внимание привлекает развитие генитивных метафор, в которых лексема «патриотизм» включается в концептуальные модели, обозначающие меру, движение, вещество, болезнь и товарно-денежные отношения, и формирующие новые устойчивые клише в медийном дискурсе. Такие сочетания, как *яд патриотизма, приступ патриотизма, приватизация патриотизма, виток патриотизма*, актуализируют представления о его избыточности, искусственности или коммерциализации, что является современным трендом глобального процесса медиатизации социальной реальности. Вышеозначенные генитивные метафоры маркируют ситуативную дерогативизацию концепта.

Приступ патриотизма или современные контрасты²

Распредмечивание аспектов концептуальной структуры осуществляется в медиапространстве на основе синестетического контраста ментально-аффективного кода коллективных кодов и соматического кода приземленности «псевдо- или квазипатриотических» взглядов, воспринимаемых негативно.

Речь, «патриотскую» – толкнул,
В желудке, заглушая звуки. <...>
«Нет победы – без обеда!»³

Эволюция концепта проявляется в неологической активности, связанной с его словообразовательными производными, которые маркируют тактико-топикальные направления дискурсивизации рассматриваемого социально значимого феномена. Продуктивные модели аффиксации демонстрируют три основных направления смысловой трансформации [Красина, 2021, с. 99]:

- формирование антипатриотических дериватов (*контрпатриотизм*);
- критика неискренности и симулятивности в условиях постправды (*квазипатриотизм, псевдопатриотизм, лжепатриот*);
- оценка гипертрофированных форм патриотизма (*суперпатриот, мегапатриот, патриотище*).

¹URL: <https://www.kp.ru/daily/27385/4579751/?ysclid=mc1s9yufz388755038> (дата обращения: 17.08.2025).

²URL: <https://stihi.ru/2022/12/13/7489?ysclid=mc1t5kyuey169766607> (дата обращения: 17.08.2025).

³Там же

В современном русском языке концепт «Патриотизм» подвергается сложной семиотической трансформации, обусловленной изменениями в социально-политическом и медийном пространстве. Его функционирование включает аксиологическую поляризацию, метафорическую экспансию и оценочную деривацию, что свидетельствует о его высокой концептуальной мобильности. Данный процесс можно рассматривать как отражение изменений в сфере цивилизационных основ, этнических, конфессиональных, гендерно-возрастных областей идентитарного пространства, коллективной ценностно-ориентационной системе и пространстве целеполагания.

Ретроспективный анализ демонстрирует, что актуализация различных структурирующих прецедентное пространство интерпретации концепта «Патриотизм» конкретизирующих концептов тесно связана с ретропическим характером его функционирования, который проявляется в ассоциировании современных оценок военных событий с прецедентными феноменами, например, Великой Отечественной войны, характеризующимися максимальной устойчивостью паттернов, когнито- и аксиогенерацией. Это обусловлено стратегией исторической аналогии, в рамках которой формируется дискурсивная легитимация современных социально-политических процессов через апелляцию к национально-исторической памяти [Борисова, Печенюк, 2024]. Концепт приобретает черты идеологизированной категории, направленной на структурирование общественного сознания и создание массового патриотического нарратива [Мартынов, Габеркорн, 2018], становится прецедентным миром, создающим вектор моноинтерпретации, отклонения от которого воспринимаются массовой аудиторией как «чуждые» элементы.

Важной составляющей процесса медиатизации концепта «Патриотизм» является его дискурсивно-модусная специфика выраженная через совокупность иллокутивных актов (призыв, убеждение, декларация, мобилизация) и вербальных приемов модификации, направленных на включение концепта в ценностно-ориентационное пространство. Наблюдается конситуативная детерминация вербализаторов патриотического дискурса, обусловленная политическими, социальными и культурными факторами. Ситуативность интенсификации существенно отличается от простой контекстуальной привязки или следования укоренившимся легитимизированным большинством представителей реципирующей аудитории вертикальным детерминантам.

В медиадискурсе современной России концепт «Патриотизм» функционирует в тесной взаимосвязи с ретроспективными нарративами, апеллирующими

к прецедентным событиям Великой Отечественной войны. Ретропическая стратегия интерпретирует настоящее через ключевые образы прошлого, обладающие высокой символической значимостью. Когнитивная стратегия исторической аналогии, выявленная в работах Е. В. Бабенко [Бабенко, 2020] и др., способствует легитимации актуальных политических и социальных процессов, а также формированию коллективного патриотического нарратива.

В современном пространстве как традиционных, но существующих в онлайн-пространстве, так и новых медиа наблюдаются два вектора аспектуальной легитимизации: 1) военный и 2) трудовой, что также характеризует укоренившийся в коллективном сознании ретропический характер позитивизации.

Есть желание *защитить* нашу *общую Родину – я считаю себя патриотом*. Ну а в том, что *Россия выиграет* это *сражение*, у меня нет ни малейшего сомнения. *Победили в 1945-м, победим и сейчас*¹.

Актуализация военных компонентов ретропического характера осуществляется в деятельностных концептах «Сражение», «Победа». Объединяющие векторы ценностно-ориентационного пространства обретают прямую вербализацию в конкретизации коррелирующего концепта «Родина» с эпитетом *общая*. Концептуальная информация, транслируемая в числовом прецеденте **1945**, служит как коллективизация индивидуальной значимости и персонифицирующих элементов абстракции (*я считаю себя патриотом*).

В то же время *патриотизм* – это и ревностное отношение человека к *каждодневному труду, способствующему политическому, экономическому и социальному прогрессу государства, его полноценному и достойному развитию*².

Введение по второму вектору в абстрактное пространство концепта «Патриотизм» утилитарного компонента, транслирует интимизационные компоненты, дающие каждому реципиенту возможность идентифицировать себя как патриота. В то же время *каждодневный труд* как область актуализации элементов патриотизма способствует медиатизации продвижения национальной идеи о государственности, обеспечивающей *полноценное и достойное развитие* социума. Контаминация индивидуальной

¹URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/dobrovolets-svo-rossiya-vyigraet-eto-srazhenie-u-menya-net-ni-maleyshego-somneniya> (дата обращения: 17.08.2025).

²URL: <https://mkala.mk.ru/articles/2016/07/01/anvarbek-kadiev-trudovoy-patriotizm-vazhneyshiy-resurs-patrioticheskogo-vospitaniya.html> (дата обращения: 17.08.2025).

и коллективной значимости ведет к закреплению единого разделенного большинством членов лингвокультурного сообщества ценностно-ориентационного пространства [Гуревич, 2018].

Одним из наиболее частотных приемов медийной актуализации концепта является референция к ключевым символам военного прошлого. В российских СМИ регулярно используются семантические кальки с военной терминологии, формируя устойчивые словосочетания типа «битва за экономику», «фронт информационной войны», «санкции – это новый Сталинград», что подчеркивает ситуацию внешнего давления и необходимости мобилизации ресурсов общества. В статье «Лавров указал на провальный “**санкционный блицкриг**” Запада против экономики РФ» (*Известия*. 13.12.2023) отмечается, что ставка на **санкционный блицкриг против российской экономики провалилась**. Метафоры усиливают восприятие экономических и политических вызовов как элементов широкомасштабного противостояния и информационной войны [Горожанов, Гусейнова, 2025; Гусейнова, Горожанов, 2023]. Базовыми моделями метафоризации в отождествлении ретротопических компонентов с современностью служат: поиск корреляций в признаковом ряду сферы-источника и сферы-цели, вхождение критериальных признаков сферы-цели в интерпретационное пространство сферы-источника, а также эпизодическая аллюзия некоррелирующих признаков сферы-источника и сферы-цели.

В статье «Битва за историю» (*Известия*. 06.05.2005) рассматриваются аспекты исторической политики и ее влияния на современное общество.

Одним из примеров является совокупность дискурсивных практик, формирующих единый моноинтерпретируемый нарратив «Победа». Концепт «Патриотизм» приобретает ритуализированный характер на основе символических элементов: георгиевская лента, «Бессмертный полк», «Дети войны», что способствует его мифологизации и сакрализации. В статье «В Госдуму внесли законопроект о приравнивании георгиевской ленты к символам воинской славы» (*ТАСС*. 19.04.2022) обсуждается законопроект о приравнивании георгиевской ленты к символам воинской славы, что предполагает уголовную или административную ответственность за её публичное осквернение. В данном случае наблюдается медийный прием антонимической позитивизации на основе дискредитации действий и личности, не согласных с патриотическим настроением современного российского социума.

Медийные нарративы эксплицируют контрастные оценочные полюсы, где патриотизм выступает как высшая ценность, а его отсутствие маркируется в негативных терминах (*предательство*,

недостойное поведение, наципредатели). Так, в статье «Путин: **против** патриотизма выступают **либо** от непонимания, **либо по заказу врага**» (*ТАСС*. 02.02.2024) подчеркиваются слова Президента РФ В. В. Путина о невозможности дискредитировать истинную любовь к Родине. Подобные публикации способствуют формированию концепта, ассоциируемого с лояльностью и добродетелью, а его отсутствие – с предательством и недостойным поведением. Легитимизационные компоненты противопоставления в бинарной оппозиции «свои – чужие» маркируются лексемами негативной семантики *против, враг*, соответствие которых дерогативному праймингу подчеркивается вербализатором интенциональности противодействия (*по заказу*), а установка на трансляцию эпизодики осуществляется в разделительном высказывании (*либо..., либо...*) [Бредихин, Авдеев, Шишкин, 2024, с. 395].

Дискурсивное усиление военной метафоры в СМИ также проявляется в новых коннотациях атрибутивного использования слова «патриотизм». Метафорические, нарративные и конвенционализированные в системе языка и традиционных употреблений основания сравнения тех или иных аспектов концепта «Патриотизм» как с актуальными, так и с имажинативными инфоповодами в медиaprостранстве маркируют комплексные области логической и эмоциональной синестезии как реакции на изменения социально-культурного контекста [Марченко, Бредихин, Лепилкина, 2023, с. 112]. Например, в современных российских медиа можно встретить такие словосочетания, как *генетический патриотизм* (в контексте представления патриотизма как врожденного качества), *поколенческий патриотизм* (акцент на преемственности патриотических ценностей), *цифровой патриотизм* (адаптация традиционного концепта к современным технологиям, в частности противодействие «враждебным информационным потокам»).

В современных российских медиа наблюдается усиление военной метафоры в контексте патриотического воспитания. Так, в статье «Патриотизм прошел проверку временем» (*Победа РФ*. 20.11.2024) отмечается, что *порядка 94 % россиян считают себя патриотами*, что свидетельствует о высоком уровне патриотических настроений в обществе.

Знаковым феноменом является возникновение новых медиатропов, связанных с патриотической тематикой. Так, в последние годы активно развивается риторика «борьбы с историческим ревизионизмом», что выражается в использовании таких выражений, как *информационный фронт, война за память, битва за историю*. Эти конструкции эксплицируют бинарную оппозицию

«свои – чужие», в которой носители «истинного» патриотизма (т. е. поддерживающие официальную историческую доктрину) противопоставляются тем, кто подвергает сомнению канонические версии исторических событий. Например, в статье «Путин назвал патриотизм “стержнем генетической памяти” русского народа» (РБК. 04.11.2018), подчеркивается значимость патриотизма с точки зрения исторической преемственности.

Особый интерес представляют словообразовательные неологизмы, возникшие в медийной сфере в связи с изменением риторики патриотизма. Например, такие слова, как *патриотизм-2024*, *мобилизационный патриотизм*, *прагматический патриотизм*, фиксируются в СМИ в контексте необходимости адаптации патриотических ценностей к изменяющимся политико-экономическим условиям. Одновременно возникают дериваты с негативной коннотацией: *гиперпатриотизм*, *казенный патриотизм*, *агрессивный патриотизм*, которые критикуют показную или чрезмерную приверженность патриотической риторике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, медиатизация медиаконцепта «Патриотизм» в современных дискурсивных практиках представляет собой сложный процесс, в рамках которого актуализируются ретротопические и идеологизированные элементы, способствующие структурированию ценностно-ориентационного пространства и увеличения областей пересечения индивидуальных эпизодических пертинентностей в процессе формирования коллективной конвенционализированной релевантности отдельных аспектов концептуального интерпретативного пространства.

Исследование показало, что патриотический дискурс формируется посредством конситуативной детерминации, механизмов исторической аналогии и дискурсивно-модусных стратегий, направленных на интеграцию двух базовых векторов аспектуализации (военного и трудового) концепта в массовое сознание. Именно в данных областях дифференциации ценностных абстрактных и утилитарных оснований и осуществляется позитивизация патриотизма, который в метиатизированной форме конситуативного распредмечивания инфополе превращается в прецедентный мир, создающий «якорь» единения этнонациональных общностей и отдельных личностей в формате разделения цивилизационных доминант. Взаимосвязь с прецедентными историческими феноменами усиливает легитимизационный потенциал патриотизма, придавая ему мобилизационный характер. Дискурсивное усиление военной метафоры и расширение лексико-семантического объема концепта демонстрируют его адаптивность к изменяющимся социальным реалиям. В результате патриотизм продолжает функционировать как ключевой инструмент консолидации лингвокультурного сообщества и поддержания цивилизационных основ национальной идентичности, сохраняя при этом свою многозначность и восприимчивость к внешним идеологическим и медийным воздействиям.

В качестве перспектив дальнейшего исследования механизмов «глубокой медиатизации» концептов видится расширение области исследования метаконцептов и прецедентных миров, формирующих рефлексивное пространство современных лингвокультур вне эмпирической верификации, а также анализ базовых метафорических моделей медийной концептуализации в условиях конфликтогенеза русского и западного интерпретативных пространств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Couldry N., Hepp A. The continuing lure of the mediated centre in times of deep mediatization: Media Events and its enduring legacy // Media, Culture & Society. 2018. № 40 (1). P. 114–117. DOI 10.1177/0163443717726009.
2. Марченко Т. В., Бредихин С. Н., Лепилкина О. И. Специфика формирования ассоциативного потенциала нового прецедентного феномена и поликодовой объективации в современном британском медиадискурсе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3 (59). С. 109–115. DOI 10.53315/1995-0713-2023-59-3-109-115.
3. Денисова, Г. В., Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023–2024 гг.) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405.
4. Бредихина Ю. И. Пространство целеполагания как форма учета ценностных ориентаций в дискурсе социальной работы (пертинентность vs релевантность) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. № 11 (1). С. 168–174. DOI 10.37493/2409-1030.2024.1.19.
5. Fairclough N. A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research // Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage, 2009. P. 121–138. DOI 10.4324/9781315834368-28.

6. Федотова Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Научный мир, 2001.
7. From primed concepts to action: A meta-analysis of the behavioral effects of incidentally presented words / E. Weingarten et al. // *Psychological Bulletin*. 2016. № 142 (5). P. 472–497. DOI 10.1037/bul0000030.
8. Ерофеева И. В. Патриотизм в системе ценностей современного медиадискурса // Система ценностей современного общества. 2008. № 4. С. 167–172.
9. Hepp A., Hjarvard S., Lundby K. Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society // *Media, Culture & Society*. 2015. № 37 (2). P. 314–324. DOI 10.1177/0163443715573835.
10. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Сентимент-анализ интенсификации интимизиционных компонентов комментативного текста в фейковом дискурсе // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. 2025. Вып. 7. С. 55–63.
11. Bredikhin S. N., Serebryakov A. A. The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2019. Vol. 58. P. 2549–2557. DOI 10.15405/epsbs.2019.03.02.294.
12. Бабенко Е. В. Лингвокультурные аспекты медиадискурса: теоретико-методологический подход // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 15–28.
13. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Параграф, 2021.
14. Красина Е. А. Дискурсивно-модусные стратегии медиатизации патриотического дискурса в сетевых сообществах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 11 (125). С. 97–103.
15. Борисова Т. Г., Печенюк А. Н. Прецедентный мир «Великая отечественная война» в русской языковой картине мира. Ставрополь: Тимченко О. Г., 2024.
16. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 84–96.
17. Гуревич Л. С. О соотношении индивидуальных когнитивных пространств в процессе межкультурной коммуникации // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2018. № 3 (31). С. 59–65.
18. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Лингвистическое образование в условиях геополитических изменений // Человек и язык: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Почётного профессора МПГУ Марка Яковлевича Блоха, Москва, 28–29 ноября 2024 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2025. С. 45–51.
19. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920.
20. Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Шишкин Б. А. Коммуникативные тактики конфликтогенеза в сетевом медиaproстранстве фронтальных регионов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 6 (4). С. 374–399. DOI 10.46539/gmd.v6i4.526.

REFERENCES

1. Couldry, N., Hepp, A. (2018). The continuing lure of the mediated centre in times of deep mediatization: Media Events and its enduring legacy. *Media, Culture & Society*, 40(1), 114–117. DOI 10.1177/0163443717726009.
2. Marchenko, T. V., Bredihin, S. N., Lepilkina, O. I. (2023). Spetsifika formirovaniya assotsiativnogo potentsiala novogo pretsedentnogo fenomena i polikodovoy ob'ektivatsii v sovremennom britanskom mediadiskurse = Specific Features of Forming the Associative Potential of a New Precedent Phenomenon and Polycode Objectification in Modern British Mediadiscourse. *Bulletin of Kalmyk University*, 3(59), 109–115. DOI 10.53315/1995-0713-2023-59-3-109-115. (In Russ.)
3. Denissova, G. V., Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Ambisemia in the translation of ecological lexicon (based on the material of German-language newspaper discourse 2023–2024). *Terra Linguistica*, 15(4), 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405. (In Russ.)
4. Bredihina, Ju. I. (2024). Prostranstvo tselepolaganiya kak forma ucheta tsennostnykh orientatsiy v diskurse sotsial'noy raboty (pertinentnost' vs relevantnost') = The Goal-setting Space as f Form of Value Orientation within the Discourse of Social Work (Pertinence vs Relevance). *Humanities and law research*, 11(1), 168–174. DOI 10.37493/2409-1030.2024.1.19. (In Russ.)

5. Fairclough, N. (2009). A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 121–138). London: Sage. DOI 10.4324/9781315834368-28.
6. Fedotova, L. N. (2001). Analiz soderzhaniya – sotsiologicheskii metod izucheniya sredstv massovoy kommunikatsii = Content analysis is a sociological method for studying mass media. *Scientific world*. (In Russ.)
7. Weingarten, E. et al. (2016). From primed concepts to action: A meta-analysis of the behavioral effects of incidentally presented words. *Psychological Bulletin*, 142(5), 472–497. DOI 10.1037/bul0000030.
8. Erofeeva, I. V. (2008). Patriotizm v sisteme tsennostey sovremennogo mediadiskursa = Patriotism in the system of values of modern media discourse. *The system of values of modern society*, 4, 167–172. (In Russ.)
9. Hepp, A., Hjarvard, S., Lundby, K. (2015). Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society. *Media, Culture & Society*, 37(2), 314–324. DOI 10.1177/0163443715573835.
10. Bredihin, S. N., Pelevina N. A. (2025). Sentiment-analiz intensivifikatsii intimizatsionnykh komponentov kommentativnogo teksta v feykovom diskurse = Sentiment Analysis of the Intimate Components Intensification within Commentative Text in Fake Discourse. *Isomorphic and allomorphic features of language systems*, 7, 55–63. (In Russ.)
11. Bredikhin, S. N., Serebryakov, A. A. (2019). The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, 58, 2549–2557. DOI 10.15405/epsbs.2019.03.02.294.
12. Babenko, E. V. (2020). Lingvokul'turnye aspekty mediadiskursa: teoretiko-metodologicheskii podkhod = Linguocultural aspects of media discourse: theoretical and methodological approach. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 3, 15–28. (In Russ.)
13. Bredihin, S. N., Pelevina, N. A. (2021). Lingvokognitivnye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idiokomponentov kartiny mira = Lingvocognitive mechanisms of actualization and conceptualization of idiocomponents of the picture of the world. *Paragraph*. (In Russ.)
14. Krasina, E. A. (2021). Diskursivno-modusnye strategii mediatizatsii patrioticheskogo diskursa v setevykh soobshchestvakh = Discursive-modal strategies of mediatization of patriotic discourse in online communities. *Philological sciences. Theory and practice issues*, 11(125), 97–103. (In Russ.)
15. Borisova, T. G., Pechenjuk, A. N. (2024). Pretsedentnyy mir "Velikaya otechestvennaya voyna" v russkoy yazykovoy kartine mira = Precedent world "The Great Patriotic War" in the Russian language picture of the world. Publishing house "Timchenko O. G." (In Russ.)
16. Martynov, M. Ju., Gaberkorn, A. I. (2018). Kontsept patriotizma v protsessakh formirovaniya grazhdanskoj identichnosti = The Concept of Patriotism in Processes of Civil Identity Formation. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 4, 84–96. (In Russ.)
17. Gurevich, L. S. (2018). O sootnoshenii individual'nykh kognitivnykh prostranstv v protsesse mezhkul'turnoy kommunikatsii = On Correlation of Individual Cognitive Spaces within the Process of Cross-Cultural Communication. *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philology. Theory of language. Language education"*, 3(31), 59–65. (In Russ.)
18. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2025). Linguistic education in the context of geopolitical shifts. In *Chelovek i yazyk* (pp. 45–51): proceedings of the 2nd International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Honorary Professor of Moscow State Pedagogical University Mark Yakovlevich Blokh. Moscow, 2024, 28–29 nov. (In Russ.)
19. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 911–920. (In Russ.)
20. Bredihin, S. N., Avdeev, E. A., Shishkin, B. A. (2024). Kommunikativnye taktiki konfliktogeneza v setevom mediaprostranstve frontirnykh regionov = Communication Tactics of Conflict Genesis in the Network Media Space of Frontier Regions. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 374–399. DOI 10.46539/gmd.v6i4.526. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Татьяна Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой русского, родных языков и лингводидактики
Ставропольского государственного педагогического института

Печенюк Алексей Николаевич

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского, родных языков и лингводидактики
Ставропольского государственного педагогического института

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Borisova Tatiana Grigorievna**

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of Russian, Native Languages and Linguodidactics
Stavropol State Pedagogical Institute

Pechenyuk Aleksei Nikolaevich

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Russian, Native Languages and Linguodidactics
Stavropol State Pedagogical Institute

Статья поступила в редакцию	11.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Научная статья
УДК 81'271:004.946

Влияние медийного дискурса на изменения в современном немецком языке

Г. Б. Воронина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
galinavoronina@yahoo.com

Аннотация. Цель исследования – выявить влияние медиа на изменения в кодифицированной системе современного немецкого языка на основе анализа материала медийного дискурса в сопоставлении с данными лексикографических источников и корпусов. Методами исследования являются дефиниционный и контекстуальный анализ. Актуальность статьи объясняется необходимостью изучения происходящих в немецком языке изменений, прежде всего в лексической системе, систематического анализа тенденций его развития, обусловленных взаимодействием языка и социума. Проведенное исследование свидетельствует о большом влиянии медиа на изменения в лексической системе современного немецкого языка.

Ключевые слова: язык медиа, лексикографические источники, корпусы немецкого языка, лексическая система, расшатывание границ литературного языка

Для цитирования: Воронина Г. Б. Влияние медийного дискурса на изменения в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 26–35.

Original article

The Influence of Media Discourse on Changes in Modern German

Galina B. Voronina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
galinavoronina@yahoo.com

Abstract. The aim of the study is to identify the influence of the media language on changes in the codified system of modern German based on the comparative analysis of linguistic material of media discourse and the data from lexicographic sources and German language corpora. The main research methods are definitional and contextual ones. The relevance of the article is justified by the need to study the changes taking place in the German language, primarily in its lexical system, and to systematically analyze the trends in the development of the German language due to the interaction of language and society. The research indicates a significant influence of the media on changes in the lexical system of the modern German language.

Keywords: media language, lexicographic sources, corpora of the German language, lexical system, loosening the boundaries of the literary language

For citation: Voronina, G. B. (2025). The influence of media discourse on changes in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 28–35. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Изменчивость – это объективная данность любого языка. С озабоченностью о происходящих изменениях в немецком языке говорят и пишут лингвисты, например, немецкий юрист Людвиг Дёринг в своей книге «Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall?»¹ («Современный немецкий язык – свидетельство его деградации?»)². Основной причиной деградации языка автор называет медийный дискурс, утверждает, что язык медиа не знает правил, бессодержателен и многозначен. В этой связи германисты анализируют два явления: *Wandel der Sprache* (изменения языка) и *Verfall der Sprache* (деградация / порча языка) – ср., например, беседу с германистом Ф. Краутом³, публикацию профессора Р. Келлера⁴. Лингвисты подчеркивают естественный процесс языковых изменений, не означающих порчу языка. Различные аспекты языковых изменений, тенденции развития языка находятся в центре внимания современных отечественных и зарубежных исследований: изменения в языке и языковая норма [Едличко, 2025]; изменения в языке и заимствования [Seresova, 2020]; изменения в грамматической системе [Кротова и др., 2024]; изменения в языке и языковые контакты [Hinrichs, 2013].

Импульсом для настоящего исследования послужил материал книги Л. Дёринга, где наряду с критическим отношением автора к высказываниям политических деятелей представлены языковые примеры, содержащие, по его мнению, ошибки. Эти языковые примеры представляют собой списки слов и сочетаний (*Sprachlisten*) без анализа и классификаций, что побудило нас решить следующие задачи:

1. Систематизировать и классифицировать типы потенциальных нарушений в языковом материале из медийного дискурса, представленном в книге Л. Дёринга.
2. Установить влияние медийного дискурса на расшатывание границ немецкого литературного языка.
3. Выявить различия между данными лексикографических источников и корпусов немецкого языка.

744 языковых примеров были распределены нами по типу нарушений правил с указанием их

количества: выбор слова (405 единиц, или 54,4 %), лексическая сочетаемость (188 единиц, или 25,2 %), заимствования (76 единиц, или 10,2 %), нарушение грамматических правил (46 единиц, или 6,2 %), политическая корректность (29 единиц, или 3,9 %). Анализ лексической сочетаемости, случаев соблюдения политической корректности были представлены ранее в нашей статье [Воронина, 2023].

Лингвистический анализ отобранных единиц проведен на основе электронного корпусного словаря немецкого языка DWDS – «Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache»⁵ Берлинско-Бранденбургской академии наук, а также двух корпусов: *Das DWDS-Kernkorpus des 20. Jahrhunderts*⁶ – базовый корпус DWDS XX века; *Das ZDL-Regionalkorpus*⁷ – региональный корпус. Базовый корпус DWDS XX века насчитывает около 100 млн слов в текстах и постоянно пополняется. Региональный корпус включает статьи из 26 региональных ежедневных и еженедельных газет Германии, 10 газет Австрии и 7 газет Швейцарии. Некоторые из них имеют статус надрегиональных газет (*Der Tagesspiegel*, *Frankfurter Rundschau*, *Süddeutsche Zeitung*).

Обращение к исследованию медийного дискурса и его влияния на изменения в немецком языке, с привлечением лексикографических источников и корпусных данных, обеспечивающих доступ к большому массиву словоупотреблений в текстах и объективность результатов, обуславливают научную новизну проведенного исследования.

В статье представлены результаты анализа части примеров с акцентом на лексический уровень.

АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ

Группа «Заимствования» содержит 76 слов иностранного происхождения, которые с точки зрения произносительной нормы некорректно употребляются в некоторых аудиовизуальных медиа. Фонетические особенности чтения / произношения иностранных имен в письменных источниках на немецком языке, являющихся словами-реалиями в языке-источнике (например, *фр.* Sefres, Louis, *англ.* Benjamin Franklin, Edinburgh, Kanada) приводятся в немецких словарях, о чем пишет в своей статье И. В. Лобанова [Лобанова, 2013]. Проблемы произношения имен собственных в русском и английском языках, а также пути их решения изложены в монографии Д. И. Ермоловича [Ермолович, 2001]. Тем не менее вопрос о произношении иностранных

¹Döring, L. Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall? Frankfurt/Main: R.G. Fischer Verlag, 2018.

²Здесь и далее перевод наш. – Г. В.

³Der Bayerische Rundfunk. URL: www.br.de/mediathek/podcast/sozusagen/wer-hat-angst-vorm-sprachverfall-der-germanist-philip-kraut-im-gespraech/2102714 (дата обращения: 10.07.2025).

⁴Sprachverfall. URL: www.germanistik.hhu.de/fileadmin/redaktion/Fakultaeten/Philosophische_Fakultaet/Germanistik/Germanistische_Sprachwissenschaft/Dateien/Keller/Sprachverfall (дата обращения: 10.07.2025).

⁵Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

⁶DWDS-Kernkorpus. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

⁷ZDL-Regionalkorpus. URL: www.dwds.de/d/korpora/regional (дата обращения: 10.07.2025).

слов однозначно не решен и требует дальнейшего изучения. Это касается прежде всего имен политических деятелей, представителей искусства и культуры, названий зарубежных компаний и т. п., появляющихся в языке ежедневно. Никакой словарь, тем более на бумажном носителе, не может отразить актуальных изменений. В этом случае предпочтение отдается языку-источнику. Со временем может произойти онемечивание слова (*das Eindeutschen*) и его фиксация в словаре.

В группе «Нарушение грамматических правил» насчитываются 46 примеров. Более половины из них (26 единиц, или 56,5 %) касаются форм образования степеней сравнения прилагательных, включая причастные прилагательные – прежде всего компаратива¹:

effektiver (эффективнее), entscheidender (более решающий), gerechter (справедливее), globaler (более глобальный), grundlegender (более основополагающий), gültiger (более законный), konsequenter (последовательнее), konzentrierter (более сосредоточенный), offener (более открытый), prominenter (представительнее), richtiger (правильнее), unmittelbarer (непосредственнее), vielfältiger (многообразнее), **grundsätzlicher** (принципиальнее), **gezielter** (целенаправленнее), **pluraler** (плюралистичнее), **präsender** (представительнее), **unabhängiger** (независимее), – но и суперлатива (allgemeinst (наибольший), elementarst (элементарнейший), grundlegendst (самый основополагающий), komplexest (самый комплексный), profiliertest (самый профилированный), **allerextremst** (экстремальнейший), **etabliertest** (самый устойчивый), **diversifiziertest** (самый диверсифицированный).

В словаре DWDS не зафиксированы степени сравнения прилагательных, указанных выше полужирным шрифтом (8 единиц, или 30,7 %, т. е. треть). Превосходная степень двух слов (*elementar* и *profiliert*) в словаре представлена в следующих контекстах:

Sie kennt nicht die elementarsten Begriffe². – Она не знает элементарнейших понятий.

Der estnische Liberale ist einer der profiliertesten Politiker³. – *досл.* 'Эстонский либерал – один из самых профилированных политиков'.

¹В русском языке указанные единицы не всегда имеют степени сравнения.

²Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

³Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

Другие данные по отмеченным полужирным шрифтом словам содержит региональный корпус, в котором зафиксированы следующие формы компаратива: *diversifizierter*, *pluraler*, *präsender*, *unabhängiger*. В региональном корпусе не представлена форма «elementarst», зафиксирована превосходная степень от *profiliert*. Приведем для наглядности сокращенные примеры из этого корпуса⁴:

1. ...die Gesellschaft, die **pluraler** werde – общество становится плюралистичнее.
2. hat sich <...> **unabhängiger** gemacht – организация стала независимее.
3. Wir sind sehr viel **präsender** geworden – мы стали намного более представительнее.
4. Wir müssen **nachhaltiger** werden, **unabhängiger** vom Ausland und **diversifizierter** – мы должны стать устойчивее, независимей от заграницы и более диверсифицированными.
5. ...bezeichnete seine Partei als «**profilierteste** und **engagierteste**» – ...он назвал свою партию «самой профилированной и самой активной».

Лексическая единица «allerextrem» отсутствует как в словаре, так и в корпусах, включая региональный, и является убедительным примером стремления журналистов / политиков / общественных деятелей к преувеличению значимости описываемых событий, что передается в этом случае с помощью первого компонента *aller* и суффикса суперлатива *-st*. Об этом свидетельствует также пример 3, в котором говорящий не только выбрал не зафиксированную в грамматике форму компаратива прилагательного *präsent*, но усилил ее наречиями *sehr* и *viel*.

Подобные случаи нарушения грамматических правил представляют особый интерес для преподавателей немецкого языка, потому что являются типичными грамматическими ошибками обучающихся при овладении ими немецким языком. Мы классифицировали ошибки следующим образом:

- Употребление артикля: **Zum Tanz und Unterhaltung* (*Zu Tanz und Unterhaltung / zum Tanz und zur Unterhaltung*). **X. spielt eine Hauptrolle* (*X. spielt die Hauptrolle*)⁵.
- Употребление предлогов. Предложение «Das Foto zeigt Gläubige in dem vom IS⁶ zurückeroberten Ort unweit Mossul» имеет двоякий смысл по причине многозначности предлога *von*: конструкции с глаголами со значением «освобождение от кого-либо /

⁴ZDL-Regionalkorpus. URL: www.dwds.de/d/korpora/regional (дата обращения: 10.07.2025).

⁵Звездочкой отмечены случаи нарушения, в скобках – правильный вариант.

⁶Islamischer Staat – «Исламское государство (ИГ)» – запрещенная в РФ террористическая организация.

чего-либо; удаление от чего-либо» передают этот смысл (в данном предложении – отвоевать у исламистов населенный пункт); в пассивных конструкциях предлог обозначает агенс – активного деятеля (в указанном предложении – занятый исламистами населенный пункт).

- Употребление генитива часто ведет к двусмысленности высказывания, например, *die Beurteilung des Direktors* можно понять как «мнение / оценка / осуждение директора» и «осуждение директором».
- Управление глаголов: **Der Mieter wird gekündigt (dem Mieter wird gekündigt)*.
- Употребление модальных глаголов: *X. soll angeblich der Mörder sein*. Глагол *sollen* передает значение «похоже / судя по всему / кажется», поэтому его дублирование лексическим средством *angeblich* не требуется.

Не являются в современном немецком языке нарушением грамматической нормы следующие случаи:

1. Употребление формы с *würde* в придаточных предложениях с *wenn* по причине неупотребительности форм кондиционалиса в данном типе придаточных.
2. Употребление так называемого общего падежа вместо генитива, в том числе при сильном склонении прилагательных: *dutzende bewaffnete Polizisten*¹ вместо *dutzende bewaffneter Polizisten* (десятки вооруженных полицейских).

АНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ ПРИ ВЫБОРЕ СЛОВА

Чуть более половины нарушений касается выбора слова, чему в стилистике уделяется особое внимание. Известный германист Э. Г. Ризель² подчеркивала, что от характера выбора слова во многом зависит воздействие речи, ее ясность или витиеватость, правдивость или лживость.

Далее представлен анализ типичных случаев нарушений при выборе слова.

1. Нарушение значений лексем одного синонимического ряда или одной тематической группы. В существующих немецких словарях синонимов или близких по смыслу слов, например, в словаре «Duden. Das Synonymwörterbuch»³ перечисляются такие лексемы с минимальным пояснением:

указываются стилистический регистр (*разговорный / umgangssprachlich*), стилистическая окраска (*неодобрительно / abwertend*) или принадлежность к специальному языку (*Fachsprache*). Синонимические ряды в таких словарях понимаются авторами по-разному и предлагают к одному и тому же ряду различные лексемы. Например, в вышеуказанном словаре лексема *Betrieb* (*предприятие, завод*) имеет синонимы:

Einrichtung (учреждение), Firma (фирма), Geschäft (бизнес), Gewerbebetrieb (мелкое предприятие), Industriebetrieb (промышленное предприятие), Institution (учреждение), Unternehmen (предприятие), Werk (завод), а также «Etablissement (учреждение) с пометой «gehoben» (возвышенное)⁴.

В «Немецко-русском синонимическом словаре» И. В. Рахманова и др. приводится следующий синонимический ряд:

Fabrik, Werk, Betrieb, Unternehmen, Großbetrieb (крупное предприятие), Kombinat (комбинат)⁵.

Индифферентным синонимом авторы называют «Fabrik» (фабрика)⁶. Достоинством этого словаря в отличие от подобных изданий является разъяснение значений слов и, как правило, указание на принадлежность слова к определенному стилю речи. Пояснения значений даются через сочетания и перевод на русский язык. Однако словарь был издан в 1983 году, ориентирован на реалии ГДР и СССР, поэтому пояснения ко многим лексемам не соответствуют современным данным. Этот синонимический ряд, в том числе с учетом вышеуказанных лексем в немецком словаре, мы предлагаем представить иначе. Слова *Betrieb*, *Werk*, *Fabrik* объединены на основе семы «производство». *Fabrik* – наименее употребительная лексическая единица, поскольку связана с небольшим производством (например, *Möbelfabrik*). *Werk* употребляется, как правило, с уточнением (*Bayrische Motorenwerke*). *Betrieb* в этом ряду – самая частотная единица. *Großbetrieb* не является синонимом к другим единицам в этой группе, потому что речь идет о размере предприятия и численности занятых. Они могут быть крупными (*Großbetrieb*), средними (*Mittelbetrieb / mittelständischer Betrieb*) и малыми (*Kleinbetrieb*). *Kombinat* – это слово из эпохи ГДР,

¹Döring, L. Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall? Frankfurt/Main: R.G. Fischer Verlag, 2018. S. 350.

²Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1975.

³Duden. Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter. 4. Auflage. Bd. 8. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden Verlag, 2007.

⁴Duden. Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter. 4. Auflage. Bd. 8. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden Verlag, 2007. Там же.

⁵Рахманов И. В., Минина Н. М., Мальцева Д. Г., Рахманова Л. И. Немецко-русский синонимический словарь. Русский язык: М., 1983.

⁶Рахманов И. В., Минина Н. М., Мальцева Д. Г., Рахманова Л. И. Немецко-русский синонимический словарь. Русский язык: М., 1983.

историзм. *Unternehmen* – относится к другому ряду: *Unternehmen, Unternehmung, Firma*.

Как мы видим, слова с близкими значениями представляют значительную трудность и для изучающих немецкий язык как иностранный, и для его носителей. Хотя эти трудности разного свойства, одно несомненно: задача лингвистов выявить такие единицы, установить их семантические и стилистические сходства и различия, частотность и специфику функционирования. Современные требования при разработке подобных материалов требуют новых подходов, прежде всего, когнитивно-дискурсивного, и использования данных корпусов. Корпусы как инструмент анализа языковых единиц позволяют решать многие лингвистические задачи, что представлено в работах ряда исследователей [Голубкова, 2019; Gorozhanov, Guseynova, Stepanova, 2024; Кротова и др., 2024].

2. Нарушение значений многозначной лексемы. Л. Дёринг приводит заголовок в медиа «Tote bei Unruhen», который можно понять как *eine tote Frau* (погибшая женщина) или *mehrere tote Menschen* (несколько погибших людей)¹.

3. Размывание семантики слов / предложений по причине их нагромождения и избыточности. Эпизод из романа Л. Фейхтвангера «Лисы в винограднике»² служит наглядной иллюстрацией достижения прагматической цели высказывания минимальными языковыми средствами. Один предприниматель по изготовлению шляп придумал для своего магазина вывеску следующего содержания:

John Thomson, Hutmacher, fertigt und verkauft Hüte gegen Kasse – Джон Томсон, шляпник, выпускает и продает шляпы за наличные.

Над текстом было помещено изображение шляпы. Он выслушал советы друзей по предлагаемому тексту. Один считал излишним слово *Hutmacher*, поскольку эту информацию передает сочетание *verkauft Hüte*. Другой считал лишним *fertigt*. Третий высказал мнение об избыточности *gegen Kasse* (любой товар оплачивается); не нужно и слово *Hüte*: шляпа изображена. Таким образом, на вывеске осталось: *John Thomson*, а над именем – изображение шляпы.

Следующие примеры (по Дёрингу) представляют собой слова с выхолощенным содержанием:

Anforderungsprofil (требования к профилю), Arbeitgeber (работодатель), Arbeitnehmer (работник), Aufgabenbereich (область задач), Bildungsgerechtigkeit

(справедливость в образовании), Bleibeperspektive (перспектива на пребывание), Fachkollege (коллега), Fahndungsmaßnahmen (мероприятия по розыску), Fragestellung (постановка вопроса), Heimatregion (родной регион), Pflanzzeitraum (сроки посадки), Strafmaßnahmen (штрафные меры), Teilaspekt (часть аспекта), Teilbereiche (части сферы), Trendwende (поворот в тенденции), Überkompensation (перекомпенсация), Verteidigungsgerät (устройство защиты), Zielvorgabe (указание цели).

Все слова, кроме *Überkompensation*, сложные. Достаточно убрать в них один из элементов, чтобы понять, что композит не добавляет нового смысла, например, вместо *Anforderungsprofil* достаточно слова *Anforderung*. Сложно понять значение слов *Bildungsgerechtigkeit*, *Bleibeperspektive*, *Pflanzzeitraum*. Исключение составляют лексемы: частотная в научном дискурсе *Fragestellung*, а также *Arbeitgeber* и *Arbeitnehmer* (досл. 'работополучатель'). Эти две единицы требуют пояснения. Лексемы представлены в словарях и в большом объеме в корпусах: например, *Arbeitgeber* в корпусе DWDS до 64453 употреблений, в ZDL-Regionalkorpus – 307188; *Arbeitnehmer* в корпусе DWDS до 47108 употреблений, в ZDL-Regionalkorpus – 185396. Они являются ключевыми в социальном, экономическом и юридическом (прежде всего в трудовом праве) дискурсах. Лексемы зафиксированы в XVIII веке, но, как отмечено в словаре братьев Гримм³, получили широкое распространение примерно с 1890 года. В немецких цифровых источниках много публикаций, авторы которых, ссылаясь на Ф. Энгельса, пишут о нелогичности значений этих слов⁴. С точки зрения трудовых отношений работник отдает свою рабочую силу (*Arbeitskraft*), поэтому он должен именоваться работодателем (*Arbeitgeber*), другая сторона, соответственно, работополучателем (*Arbeitnehmer*). Отличительный семантический признак этих слов – обеспечение человека работой, эксплуататорская сущность капиталистического производства при этом скрыта. Обе лексемы приводятся в качестве примера воздействия языка на сознание людей (манипулятивная функция языка).

Словами с выхолощенным содержанием считаются лексемы: *Problem* (мн. ч. *Probleme*) и ее производные (*Kernproblem* – основная проблема), *Grundproblem*

¹Döring, L. Heutige deutsche Sprache – ein Zeichen für ihren Verfall? Frankfurt/Main: R.G. Fischer Verlag, 2018. S. 350. S. 310.

²Feuchtwanger L. Fuchse im Weinberg. Aufbau-Verlag: Berlin, 1956. С. 308.

³Arbeitgeber. URL: www.dwds.de/wb/dwb/arbeitgeber. Arbeitnehmer. URL: <https://www.dwds.de/wb/dwb/arbeitsnehmer> (дата обращения: 10.07.2025).

⁴См., например, статьи: Flakin N. «Arbeitgeber» und «Arbeitnehmer» – unsinnige Begriffe aus der Sprache der Ausbeuter*innen. URL: www.klassegegenklasse.org/arbeitsgeber-und-arbeitsnehmer-unsinnige-begriffe-aus-der-sprache-der-ausbeuterinnen/Arbeitgeber; <https://www.sueddeutsche.de/meinung/arbeitsgeber-arbeitsgebertag-marx-engels-weiske-lux.KNM164Waad9jrRLC99mQRR> (дата обращения: 10.07.2025).

(основная проблема), Sicherheitsprobleme (проблемы безопасности). По данным корпуса, в газете *Berliner Zeitung* за период с 1994 года по 2005 год зафиксированы 67852 примера, в газете *Der Tagesspiegel* с 1996 года – 45008. В своем первом значении «сложная постановка вопроса, нерешенная задача» лексема типична для научного дискурса в различных областях, что подтверждают такие словосочетания в словаре DWDS: «theoretisches, praktisches, philosophisches, politisches, soziales, ökonomisches, technisches Problem»¹. Наглядно это значение слова можно показать на примере из книги Л. Фейхтвангера «Лисы в винограднике». В анализируемом эпизоде Бельгийская академия наук называет сложный ценовой вопрос (*komplizierte Preisfrage*) научной проблемой (*Problem*), решение которой расширяет границы нашего знания и будет небесполезным. В своем дерзко-язвительном ответе на это заявление Бенджамин Франклин (один из главных действующих лиц романа) поясняет свое понимание слова *Problem*, подразумевающего научное исследование (*Forschung*). По этой причине *Preisfrage* не связано с научным решением проблемы (*die Lösung des Problems*), поскольку исследование лежит в «поверхностно-практической» плоскости («Platt-Nützlich»). В ситуации употребляются три близкие по значению единицы *Aufgabe*, *Frage*, *Problem* в соответствии с приведенным выше значением «Problem». Согласно словарю DWDS, заимствованное из латинского и греческого языков в XVI веке слово стало употребительным в XVIII веке в этом значении. В дальнейшем произошло расширение значения слова – осложнение / трудность («Komplikation – sich in Misserfolgen, Rückschlägen usw. äuffernde – Schwierigkeit»²). Именно в этом значении слово употребляется в медийном дискурсе. Пример из корпуса DWDS³:

In Einzelgesprächen mit den jungen Menschen werden deren Probleme im Alltag, in der Familie, in der Schule <...> besprochen (*Fränkischer Tag*. 28.04.2022. – В беседах с молодыми людьми обсуждаются их повседневные, семейные, школьные проблемы.

Частотность лексемы в медийном дискурсе объясняется также тем, что во многих контекстах достаточно слов *Aufgabe* или *Frage*, как, например, в следующей ситуации: журналист, рассказывая о работе немецких учреждений по выдаче паспортов, где людям приходится долго ждать решения вопроса, называет ее не просто проблемой, а гигантской проблемой («Riesenproblem»):

¹Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

²Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

³DWDS-Kerporus. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

Es ist ein Riesenproblem. Wer einen neuen Pass beantragen <...> wartet Wochen oder sogar Monate (*Tageschau*. 15.03.2025).

В значении «иметь неприятности, создавать проблемы» лексема частотна в современном повседневном дискурсе, о чем свидетельствуют фразы:

Das ist dein Problem. – Это твоя проблема.

Du sollst selbst deine Probleme lösen. – Ты должен сам решить свои проблемы.

То же самое относится к производной лексеме «Kernproblem», представленной как в словаре, так и в корпусах, но в меньшем объеме: в газете *Berliner Zeitung* за период с 1994 года по 2005 год приводятся 163 примера, в газете *Der Tagesspiegel* с 1996 года – 149, в региональном корпусе значительно больше – 4188. Таким образом, данные словарей и корпусов подтверждают мнение Л. Дёринга относительно частотности указанных лексем, при этом – не всегда оправданной, о чем говорят как случаи небрежности журналиста (**Sicherheitsprobleme beim KKW*), так и типичное для медийного дискурса преувеличение изображаемых событий (см. выше пример с гигантской проблемой).

Таковыми же бессодержательными словами считаются композиты с первым компонентом *Grund-* (основание). Наибольшая частотность этих слов зафиксирована в региональном корпусе, что представлено в таблице 1 (от наименьшей частотности до наивысшей). Они зафиксированы также в словаре DWDS⁴ (от 24 до 311 случаев).

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ СЛОВ С КОМПОНЕНТОМ *GRUND-*

Композиты	Количество в региональном корпусе
Grundziel (-e) (основная цель)	340
Grundkonzept (основная концепция)	4605
Grundstruktur (основная структура)	4789
Grundpfeiler (основная опора)	5980
Grundproblem (основная проблема)	6845
Grundsatzfragen (принципиальные вопросы)	8334
Grundwerte (основные ценности)	12 214
Grundgedanke (основная мысль)	19 374

⁴Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 10.07.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование на основе данных лексикографических источников, корпусов немецкого языка, примеров из медийного дискурса свидетельствует о несомненном влиянии языка медиа на изменения в современном немецком языке. Значительные расхождения между статистическими данными в базовом корпусе DWDS XX века и в ZDL-Regionalkorpus указывают на тенденцию влияния региональных медиа на расшатывание границ литературного немецкого языка.

Изменения касаются всех уровней языка, в том числе грамматического, что было показано на примере степеней сравнения прилагательных. Две трети изученных форм прилагательных, часто обозначаемых как ошибочные формы степеней сравнения, были зафиксированы в газетных корпусах DWDS, одна треть была представлена только в региональном корпусе, что говорит о тенденции к изменению грамматической нормы образования степеней сравнения независимо от того, является ли прилагательное качественным или относительным.

Большое влияние медийный дискурс оказывает на лексическую систему немецкого языка. Довольно субъективное мнение некоторых авторов о так называемой деградации немецкого языка не находит своего подтверждения в лексикографических

источниках и корпусах. Изменения касаются прежде всего литературного языка в медийном дискурсе, который пополняют словоупотребления из повседневного, профессионального дискурсов, а также из других языков. В языке медиа происходит расшатывание лексических норм немецкого литературного языка. Отчасти допускаемые ошибки в медийном дискурсе, особенно, если это спонтанная речь на радио или телевидении, объясняются небрежностью выступающих. При изучении происходящих в языке изменений современные исследования опираются, в первую очередь, на данные корпусов, где представлены актуальные изменения в отличие от словарей, фиксирующих изменения значительно позже.

Результаты исследования имеют значение для разработки теоретических основ материалов по семантике языковых единиц на основе корпусных данных, уточнения разделов в словарях по синонимии. Материалы исследования найдут свое применение на семинарских и лекционных занятиях по дисциплинам «Лексикология» и «Стилистика», а также при разработке курсовых и выпускных квалификационных работ направлений подготовки «Лингвистика» и «Филология».

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением медийного дискурса, изучением происходящих в нем изменений, лингвокреативности медиа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Едличко А. И. Языковые нормы в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 91–104.
2. Seresova K. Joben oder arbeiten? Anglizismen ein bisschen anders // Studien zur Germanistik. Band 83. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2020.
3. Кротова Е. Б. [и др.]. Вариативность управления немецких генитивных предлогов (по корпусным данным) / Е. Б. Кротова, Д. О. Добровольский, Е. Н. Цветаева, А. В. Шарандин // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 267–282.
4. Hinrichs, U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: Verlag C. H. Beck oHG, 2013.
5. Воронина Г. Б. Об изменениях в лексической системе немецкого языка (возможности данных корпусов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 16–23.
6. Лобанова И. В. Рекомендации по произношению иностранных слов в немецком орфоэпическом словаре под редакцией Г. Креха // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 4. Вып. 2. С. 117–120.
7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001.
8. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2019. С. 39–81.
9. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Stepanova D. V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.

REFERENCES

1. Edlichko, A. I. (2025). Language Norms in the Digital Age. Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 28(2), 91–104. (In Russ.)

2. Seresova, K. (2020). Joben oder arbeiten? Anglizismen ein bisschen anders. Studien zur Germanistik. Band 83. Hamburg: Verlag Dr. Kovac.

3. Krotova, E. B., Dobrovol'skii, D. O., Tsvetaeva, E. N., Sharandin, F. V. (2024). On the government variation of German genitive prepositions: a corpus-based analyses. Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists, XXI, 267–282. (In Russ.)

4. Hinrichs, U. (2013). Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: Verlag C. H. Beck oHG.

5. Voronina, G. B. (2023). On the Changes of the Lexical System of the German Language (Corpus Data Capabilities). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 16–23. (In Russ.)

6. Lobanova, I. V. (2013). Rekomendatsii po proiznosheniyu inostrannykh slov v nemetskom orfoepicheskom slovare pod redaktsiei G. Krekha = Recommendations for the pronunciation of foreign words in the German orthoepic dictionary edited by G. Krech. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya "Gumanitarnye nauki", 4(2), 117–120. (In Russ.)

7. Ermolovich, D. I. (2001). Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur = Proper names at the intersection of languages and cultures. Moscow: R. Valent. (In Russ.)

8. Golubkova, E. E. (2019). Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov pri reshenii semanticheskikh problem = Using linguistic corpora in solving semantic problems. In Zabolotnikova, V. I. (Ed.), Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod (pp. 39–81). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)

9. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(1), 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Галина Борисовна

кандидат филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voronina Galina Borisovna

PhD in Philology, Professor
Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication

Кодификация топонимов на платформе «Национального словарного фонда»: проблемы и решения

О. В. Евтушенко¹, И. В. Космарская²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹o.evtushenko@linguanet.ru

²kosmarsky@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы кодификации топонимов, прежде не фиксировавшихся в словарях русского языка или накопивших варианты в процессе использования. Целью исследования стала выработка теоретических основ для решения актуальных задач построения топонимической системы с учетом лексикографической практики, объединяющей словари «Национального словарного фонда». Материалом для анализа послужили 11 436 географических названий, извлеченных из специальных словарей, «Большой российской энциклопедии», международной базы данных GeoNames, Роскадастра, географических карт. Для решения поставленных задач использовались сопоставительный и корпусный анализ географических названий и их вариантов, а также методы систематизации и обобщения. Результатом исследования стала выработка рекомендаций относительно новых и ранее не нашедших решения проблем, касающихся кодификации топонимов.

Ключевые слова: «Национальный словарный фонд», государственный язык, лексикография, кодификация, вариативность, топоним, освоение заимствованных географических названий

Для цитирования: Евтушенко О. В., Космарская И. В. Кодификация топонимов на платформе «Национального словарного фонда»: проблемы и решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 36–41.

Original article

Codification of Place Names on the Platform of the National Dictionary Fund: Problems and Solutions

Olga V. Evtushenko, Iskra V. Kosmarskaya

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹o.evtushenko@linguanet.ru

²kosmarsky@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of codification of place names that have not previously been recorded in Russian dictionaries or have accumulated variants in the process of use. The aim of the study was to develop a theoretical basis for solving current problems of constructing a toponymic system taking into account the lexicographic practice that unites the dictionaries of the National Dictionary Fund. The material for the analysis was 11,436 place names extracted from special dictionaries, the Great Russian Encyclopedia, the international GeoNames database, Roskadastr, and geographical maps. To solve the tasks, the author used comparative and corpus analysis of place names and their variants, as well as methods of systematization and generalization. The result of the study was the development of recommendations regarding new and previously unsolved problems related to the codification of place names.

Keywords: National Dictionary Fund, Standard language, lexicography, codification, variability, place names, development of borrowed place names

For citation: Evtushenko, O. V., Kosmarskaya, I. V. (2025). Codification of place names on the platform of the National Dictionary Fund: problems and solutions, Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 36–41. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» определяет, что доступ к полной и актуальной информации о нормах русского языка и тенденциях его развития обеспечивается федеральной государственной информационной системой «Национальный словарный фонд»¹. В этой системе, как разъясняет М. Л. Каленчук, планируется разместить 33 словаря, отражающие разные «аспекты функционирования слова» [Каленчук, 2024, с. 38]. В этой линейке не последнее место занимает «Словарь топонимов»: без географических наименований нельзя представить себе практически ни одну из сфер использования государственного языка. В процессе работы над этим словарем коллективу авторов пришлось решить ряд теоретических проблем, которые мы рассмотрим в этой статье.

Прежде всего, это проблема вариативности. Литературный язык, как его характеризовал М. В. Панов, «это преодоление дублетности» [Панов, 2004, с. 93]. Варианты, по мысли ученого, должны либо быть функционально нагруженными, либо представлять собой остаточные продукты развития языка, которые на определенном этапе удаляются кодификаторами из словарей. Вместе с тем нельзя не учитывать консерватизм нормы, необходимость соотносить современное состояние языка и его воплощение в документах предыдущих лет. В случае с топонимами это кадастровые документы, международные базы данных, карты, энциклопедии, справочники. Расхождения в них объясняются экстралингвистическими и лингвистическими причинами: происходившими в разное время переименованиями географических объектов, изменением государственных границ и административного деления, конкуренцией названий на государственном языке и языке местных народов [Александрова, 2020], выбором одной из транскрипционных систем, транслитерации или перевода [Суперанская, 2018], формальными изменениями заимствованных топонимов в процессе их освоения, изменением подходов к формулированию нормативных требований, появлением корпоративных вариантов нормы. Составители «Словаря топонимов» оказались перед дилеммой: с одной стороны, нужно свести к минимуму количество вариантов и дублетов, с другой – минимизировать число нарушений закона «О государственном языке Российской Федерации»², предусмотрев возмож-

ность использования вариантов в оговоренных кодификаторами случаях.

Вторая проблема – обеспечить адаптивность новых заимствований к системе русского языка. Географические названия формируют лексическую подсистему, в которой объединяются слова, сложившиеся в типологически различных языках. Нередко встречаются топонимы-гибриды – сложные слова, разные части которых принадлежат к разным, в том числе в типологическом плане, языкам или образованные по модели одного языка с использованием морфем другого языка [Чеснокова, Мартыненко, 2024]. Русский язык может выступать в паре с одним из языков народов России, образуя топоним-гибрид, но может быть и принимающим языком, который заимствует топоним-гибрид, сложившийся в другом национальном языке. Всё это требует фонетического, орфографического, морфологического приспособления географических названий к системе русского языка, причем так, чтобы новые многочисленные в условиях цифрового обмена информацией заимствования не пошатнули саму эту систему. Задача осложняется тем, что географическое название могло уже быть адаптировано к системе международного языка или языков, так что возникает необходимость обеспечить узнаваемость топонима при его переводе с русского на другие международные языки. И здесь сталкиваются национальные лингвистические традиции: приходится выбирать между практической транскрипцией, МФА, системой Палладия, транслитерацией и буквальным переводом. Поскольку некоторые топонимы участвуют в формировании национального самосознания народов или политической повестки, лингвистические механизмы их адаптации к заимствующему языку могут заменяться политическими. В этом случае кодификаторы должны найти баланс между тенденциями развития системы русского языка и внеязыковыми аргументами.

Новизну работе обеспечивает выявление фрагментов топонимической системы, которые прежде не рассматривались в нормативном аспекте. Предлагаемые решения определяют ее практическую значимость.

Работа выполнена на материале «Словаря топонимов», подготовленного с участием авторов данной статьи для «Национального словарного фонда». Словник словаря составляет 11 437 единиц.

Намеченные вопросы решались путем сопоставительного анализа топонимов, извлеченных из прежде изданных словарей³, «Большой российской

¹Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2024 г. № 1892 «О Национальном словарном фонде». URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411138099 (дата обращения: 03.09.2025).

²URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749 (дата обращения: 03.09.2025).

³Словарь географических названий зарубежных стран. М.: Недра, 1986; Левашов Е.А. Географические имена. Трудные случаи употребления: Словарь-справочник. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003; Агеенко Т.Ф. Словарь собственных имен русского языка. М.: Мир и Образование, 2020.

энциклопедии¹, международной базы данных GeoNames², Национального корпуса русского языка³, географических карт⁴ и выявления вариантов и способов перевода, соответствующих тенденциям развития системы русского языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИЯ

Решение проблем вариативности

Проблема вариативности топонимов в словаре решается путем ранжирования вариантов и дублетов. Варианты представлены как основные (предпочтительные) и допустимые. Их иерархия отражается в последовательности расположения в словарной статье: рядом с заголовочным словом в скобках может быть приведен неравноправный, т. е. менее частотный и/или менее соответствующий тенденциям развития системы русского языка вариант, например **ТАР (ТХАР)** – в русском языке придыхание в именах собственных обычно не воспроизводится; если географический объект имеет параллельное кардинально отличающееся название (дублет), оно приводится дальше от входа – в зоне энциклопедической информации, например **ОГАСАВАРА** (= Бонин; арх. Япония). Наконец, вариативность может касаться морфологической формы топонима – в этом случае предпочтительные формы указываются в начале зоны грамматической информации, а допустимые – в конце, после пометы ▲ *Var.*, например:

ГОРЬОМ-ГОРЬОМ, неизм., м., ед. (г. Буркина-Фасо) ▲
Var.: Горьом-Горьом, м., ед. > **Горьом-Горьома**.

Отдельного внимания заслуживают полные и краткие географические наименования. Тождество некоторых из них юридически закреплено. Так, полные и краткие названия государств зафиксированы в «Общероссийском классификаторе стран мира»⁵. Однако существование официального документа не служит страховкой от деформации системы в процессе использования языка, в частности от заполнения лакун внесистемными единицами. Рассмотрим пример *Объединенных Арабских Эмиратов*. Классификатор не дает для этого наименования краткого варианта, и в текстах, которые относятся к сферам употребления русского языка как государственного,

можно встретить номинацию *Арабские Эмираты* – видимо, пишущие воспринимают ее как краткий вариант, стилистически нейтральный по сравнению с *Эмиратами*. Для Южно-Африканской Республики утверждено краткое название, соотносимое с обликом этого топонима в других международных языках, – *Южная Африка*, однако, как показал наш опрос, носители русского языка избегают этого не слишком точного, с их точки зрения, обозначения и заполняют лакуну аббревиатурой – *ЮАР*. Задача кодификаторов, с одной стороны, вернуть стройность системе, минимизировать вариантность, а с другой – не обеднить русский литературный язык, разрешить употреблять сокращения разной длины в тех сферах, где допускаются элементы разговорности.

Еще больше вопросов возникает в связи с полными и краткими названиями природных географических объектов. Рассмотрим такие варианты, как *Ладожское озеро* и *Ладога*. В Государственном водном реестре⁶ оба наименования даны как равноправные, в международную базу данных GeoNames *Ладога* также включена, а в Роскадастре⁷ зафиксировано только Ладожское озеро, наименование *Ладога* закреплено за балкой, т. е. каменистой отмелью. Приходится сделать вывод, что краткий вариант *Ладога* всё-таки имеет функциональные ограничения, но они касаются узкой сферы – геодезии и картографии. Лексикографическая практика не выработала способов выведения языковой единицы из одной-единственной сферы, такого рода маркирование получается громоздким:

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО (ЛАДОГА) ... ■ В геод. и картогр. только **Ладожское озеро**.

Исходя из этого было решено не отражать такого рода ограничения на начальном этапе формирования «Словаря топонимов», но в будущем к этому предстоит вернуться.

Рассмотренные примеры тождественных и нетождественных названий заставляют сделать важные теоретические выводы. Во-первых, государственный язык сопротивляется системному стилистическому описанию. Границы распространения одних языковых единиц могут пролегать по функциональным стилям, других – по конкретной профессиональной сфере, третьих – по совокупности таких сфер, поэтому нужна сложная система помет. Во-вторых, при всей логической стройности топонимической системы нормативные решения приходится принимать не по группам слов, схожих

¹Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 03.09.2025).

²URL: www.geonames.org (дата обращения: 03.09.2025).

³URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 03.09.2025).

⁴URL: www.google.ru/maps (дата обращения: 03.09.2025).

⁵URL: classifikators.ru/oksm?ysclid=men64ejgu0936010315 (дата обращения: 03.09.2025).

⁶URL: voda.gov.ru/activities/gosudarstvennyy-vodnyy-reestr (дата обращения: 03.09.2025).

⁷URL: map.ru/pkk?ysclid=men6cwff1195802940 (дата обращения: 03.09.2025).

по тем или иным признакам, а зачастую по отдельным словам.

Если говорить о грамматических вариантах, то их развитию подвержены, помимо слов на *-ов(о) / -ев(о) и -ин(о) / -ын(о)*, слова, оканчивающиеся на мягкий согласный, такие как *Ла-Рошель*. То, что артикль *la* указывает на женский род, для носителей русского языка не очевидно. Гораздо ощутимее семантическая связь со словом *город*, из-за чего вариант мужского рода вступает в конкуренцию с формой, доставшейся от языка-источника. Поскольку подходы к выработке нормы со временем могут меняться, да и человеческий фактор в кодификации играет не последнюю роль, Е. А. Левашов закрепляет в своем словаре женский род¹, а Ф. Л. Агеенко – мужской². Корпусный анализ показал, что женский род, возможно поддержанный фактором прецедентности (осада Ла-Рошели использована А. Дюма в «Трех мушкетерах»), доминирует. При убедительной победе одной из форм вторую можно в словаре не указывать.

Вопросы словарного представления новых иноязычных топонимов

Введение в «Словарь топонимов» новых иноязычных единиц требует их графической, фонетической, морфологической, синтаксической адаптации.

Становится заметным расшатывание принципов употребления твердого знака. В проекте «Основных правил русской орфографии» сказано, что «буква *ъ* выполняет в современном русском письме лишь разделительную функцию³, т. е. указывает на то, что следующая за ней буква обозначает два звука. В названии сирийского города и мухафазы *Дарья* твердый знак отражает попытку передать особенности арабской фонетики и не имеет ничего общего с принципами его употребления в русском правописании. В GeoNames представлены варианты, которые встречаются и в российских СМИ⁴ – *Дар'а* (постановка апострофа в русском языке ограничена особыми случаями⁵, к которым этот не относится), *Дараа*, а также наиболее близкий графической системе русского языка, но не востребованный дублет *Даруа*. На географических картах⁶ представлен вариант с твердым знаком.

¹Левашов Е.А. Географические имена. Трудные случаи употребления: Словарь-справочник. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003.

²Агеенко Т.Ф. Собственные имена в русском языке: Словарь ударений. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001.

³Проект «Основные правила русской орфографии»: препринт / отв. ред. А. Д. Шмелев. М.: ИРЯ РАН, 2022.

⁴Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru.

⁵Проект «Основные правила русской орфографии»: препринт / отв. ред. А. Д. Шмелев. М.: ИРЯ РАН, 2022.

⁶URL: yandex.ru/maps/geo (дата обращения: 03.09.2025).

Всё это заставляет задуматься: следует ли внести коррективы в карты и «Словарь топонимов» или добавить в правила употребления твердого знака исключения для иноязычных топонимов, как это было сделано для написания *ъ* перед *и*. О том, что эта проблема может разрастаться, говорит появление параллельных китайских топонимов, полученных путем применения транскрипционной системы Палладия, например *Дасиньянлин* (Большой Хинган)⁷.

Столкновение транскрипционных систем порождает вариативность и в написании названия городского округа Тсване, находящегося в Южной Африке. Написание *Тсване* получено в результате применения МФА, этот корень, за которым скрывается этноним, присутствует и в названии соседней страны – *Ботсвана*. Однако применение практической транскрипции дает другой вариант – *Цване*, который в русском языке успешно конкурирует с первым. В этой ситуации нужно, по нашему мнению, отдать предпочтение тому варианту, который вписывается в уже сложившуюся топонимическую систему, т. е. *Тсване*.

Дискуссии разворачиваются также вокруг употребления буквы *э*. Несмотря на рекомендации писать в топонимах из японского и других восточных языков *е* после согласного, как и в заимствованиях из европейских языков (твердость согласного в них передается в словарях с помощью фонетической транскрипции), сеульская станция метро *Тондэун* на картах пишется через *э*. И таких примеров много. Получается, что орфографическая система русского языка не едина, она требует от носителя языка применения разных критериев при написании и прочтении географических наименований в зависимости от того, пришли они с Запада или с Востока.

Осмысления требует постановка ударения в сложных топонимах. Слитное или дефисное написание географического наименования, образованного путем слияния двух слов, зависит только от традиции. Так, *Людвигсхафен* или *Торнионйоки* пишутся слитно, а *Иссык-Куль* или *Ала-Тоо* – с дефисом. При этом написание заставляет составителей словарей принимать неодинаковые решения при постановке ударения в подобных словах. Система русского языка допускает употребление второго ослабленного ударения в первом корне сложных слов. Мы считаем, что такую возможность при использовании государственного языка следует предусмотреть, но кодификаторами должен быть применен системный подход. Сейчас рекомендации словарей расходятся: Е. А. Левашов склоняется к вариативности (носитель языка сам выбирает, сделать ли ударение

⁷БОЛЬШОЙ ХИНГАН // Большая российская энциклопедия. URL: old.bigenc.ru/geography/text/1877350 (дата обращения: 03.09.2025).

на первом или на втором корне), Ф. Л. Агеенко – к двудударности. При указании формы родительного падежа хорошо освоенного русским языком топонима *Иссык-Куль* Е. А. Левашов ставит ударение на каждый корень (*Иссы́к-Ку́ль*), а Ф. Л. Агеенко дает ослабленное ударение на первом корне и основное на втором. Нам второй подход представляется оправданным, и мы распространили его на новые заимствования, прежде в словарях не фиксировавшиеся, например *Тулпар-Ку́ль*.

Новые вызовы для кодификаторов могут появляться с совершенно неожиданных сторон. Так, закон 2014 года о новом территориальном делении Франции привел к слиянию регионов, и названия некоторых из них теперь складываются из трех – прежде самостоятельных – слов, например *Овернь-Рона-Альпы*. В русском языке существуют правила относительно склонения пишущихся через дефис топонимов, но они касаются композитов из двух полнозначных частей. Сложные слова с тремя корнями относятся к пограничной зоне словообразовательной нормы, а потому они прежде прицельно не рассматривались разработчиками правил литературного языка. Составители «Словаря топонимов» принимали решение, руководствуясь следующими соображениями: если допустить неизменяемость всех частей, это будет способствовать усилению аналитизма в русском языке, что нежелательно; если склонять только последнюю часть, это станет оптимальным вариантом с точки зрения когнитивной нагрузки при порождении речи.

В некоторых случаях проблемы адаптации иноязычных топонимов могут быть комплексными. Рассмотрим название японского национального парка *Тутубу-Тама-Кау*, прежде кодификации не подвергавшееся. Носители русского языка восприняли последнюю часть топонима как содержащую дифтонг (*Кай*), чему способствовало ее написание латиницей (*Kai*). Имена существительные, оканчивающиеся на *й*, склоняются: *Кай*, *Кая* и т. д., и примеры такого употребления широко представлены в медиасфере¹. Между тем практическая транскрипция японского топонима дает для него двусложное графическое оформление – *Кау*. Слабо освоенные иноязычные географические наименования, оканчивающиеся на *и*, обычно являются неизменяемыми. Не считая возможным игнорировать сложившуюся практику, составители словаря принимают

решение зафиксировать лингвистически более точный двусложный неизменяемый вариант как предпочтительный, а односложный склоняемый – как допустимый. Помимо орфографической и грамматической проблем, этот топоним создает и орфоэпическую проблему. В японском языке нет силового ударения, поэтому определить ударный слог при освоении слова русским языком бывает затруднительно. Чаще всего ударение ставят на первый слог, что и было решено сделать в компонентах *Та́ма* и *Ка́у*. Однако название города *Тутубу* представлено в медиасфере с ударением на второй слог. В этой ситуации составители словаря последовали за узусом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Географические названия употребляются в текстах, обладающих юридической силой и особой значимостью для профессиональных сообществ, а потому российское общество весьма чувствительно к малейшим коррективам в этой области. Тем не менее приведение топонимов в систему время от времени необходимо, и на это направлено немало усилий [Беляев, 2018]. Мы обрисовали разнообразие факторов, которые ведут к ее расшатыванию, и объяснили, какие трудности будут возникать в процессе использования государственного языка, если для него не будут сформулированы понятные правила со сведенными к минимуму исключениями. Особенно важно единство принципов адаптации топонимов, заимствуемых из типологически различных языков. Без него граница между Западом и Востоком всегда будет ощущаться.

Работа над «Словарем топонимов» для «Национального словарного фонда» позволила выявить фрагменты топонимической системы, требующие принятия теоретически обоснованных решений. В ограниченной по объему статье мы смогли рассмотреть только наиболее значимые из них. Основным принципом для решения поднятых нами вопросов должен служить, по нашему убеждению, системный подход и забота о развитии русского литературного языка в соответствии с исторически и типологически предопределенными для него путями. И всё же мы оставляем место для вариантов, рассматривая их не только как следы предшествующих этапов развития русского языка, но и как опору для возможных в будущем системных изменений, если таковые наметятся.

¹URL: www.newsinfo.ru/news/hidden-treasures-of-tokyo/911191 (дата обращения: 03.09.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. С. 34–41.

2. Панов М. В. О литературном языке // Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 88–102.

3. Александрова Е. В. Специфика перевода русскоязычных топонимов на английский язык в сфере туризма (на примере топонимов Мурманской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 181–186.

4. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Ленанд, 2018.

5. Чеснокова О. С., Мартыненко И. А. Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 914–934. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-3-914-934.

6. Беляев А. Н. Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018.

REFERENCES

1. Kalenchuk, M. L. (2024). Nacional'nyj slovarnyj fond: novye vozmozhnosti i perspektivy = National Dictionary Fund: new opportunities and prospects. Russian Speech, 4, 34–41. (In Russ.)

2. Panov, M. V. (2004). O literaturnom yazyke = About literary language. In Works on general linguistics and the Russian language (v. 1, pp. 88–102). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)

3. Aleksandrova, E. V. (2020). Specifika perevoda russkoyazychnyh toponimov na anglijskij yazyk v sfere turizma (na primere toponimov Murmanskoy oblasti) = Translating Russian place names for tourism industry: the case of Murmansk region. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 5, 181–186. (In Russ.)

4. Superanskaya, A. V. (2018). Teoreticheskie osnovy prakticheskoy transkripcii = Theoretical foundations of practical transcription. Moscow: Lenand. (In Russ.)

5. Chesnokova, O. S., Martynenko, I. A. (2024). Linguistic parameters of the national identity of Peruvians trough the prism of toponymy of Peru. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 3(15), 914–934. (In Russ.)

6. Belyaev, A. N. (2018). Toponimy kak istochnik istoriko-lingvisticheskoy i kul'turologicheskoy informacii = Place names as a source of historical, linguistic and cultural information. Moscow, Berlin: Direkt-Media (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евтушенко Ольга Валерьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского языка и теории словесности
Московского государственного лингвистического университета

Космарская Искра Вадимовна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой русского языка и теории словесности
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evtushenko Olga Valerjevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at Russian language department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Kosmarskaya Iskra Vadimovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of Russian language department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication

Особенности функционирования семантической структуры со значением «физиологическое состояние» в русском и испанском языках

М. Д. Зубов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
zuboffmaksim@yandex.ru*

Аннотация. Цель работы – рассмотреть специфику функционирования ядерной семантической структуры со значением «физиологическое состояние» (по А. Мустайоки) на глубинном и поверхностном уровнях в испанском языке посредством сопоставительного анализа с рядом конструкций русского языка. Один из принципов настоящей работы состоит в обращении к анализу конкретного языкового материала, отобранного при помощи нескольких корпусов испанского языка и испаноязычных источников средств массовой коммуникации (всего – 700 примеров). Автор исследования приходит к выводу о том, что в рамках рассматриваемой семантической категории русский и испанский языки обладают по большей степени идентичными глубинными структурами, но в некоторых случаях демонстрируют расхождения в структурах поверхностных (синтаксических) ввиду лексической асимметрии и расхождений в грамматическом строе.

Ключевые слова: ядерная семантическая структура, физиологическое состояние, функциональный синтаксис, функциональная лингвистика, функционально-семантический синтаксис, функционально-синтаксический анализ, сопоставительный анализ

Для цитирования: Зубов М. Д. Особенности функционирования семантической структуры со значением «физиологическое состояние» в русском и испанском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 42 – 50.

Original article

Peculiarities in the Functioning of the Physiological State Semantic Structure in Russian and Spanish

Maksim D. Zubov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
zuboffmaksim@yandex.ru*

Abstract. This study aims at examining the peculiarities in the functioning of the physiological state core semantic structure (according to A. Mustajoki) at the deep and surface levels in the Spanish language through a comparative analysis with a number of Russian language constructions. One of the principles of this paper is to analyse specific linguistic material selected from several Spanish language corpora and Spanish-language mass media sources (700 examples in total). The author of the study concludes that, within the semantic category under consideration, Russian and Spanish have largely identical deep structures, but in some cases, demonstrate differences in surface (syntactic) structures due to lexical asymmetry and differences in grammatical structure.

Keywords: core semantic structure, physiological state, functional syntax, functional linguistics, functional-semantic syntax, functional-syntactic analysis, comparative analysis

For citation: Zubov, M. D. (2025). Peculiarities in the Functioning of the Physiological State Semantic Structure in Russian and Spanish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 42 – 50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Начиная со второй половины XX века в фокусе внимания ученых оказались общие семантические категории, отражающие совокупность схожих ситуаций (положений дел). Представители многих лингвистических школ проводили систематическое описание и анализировали способы вербальной реализации различных базовых для каждого языка семантических сфер – посессивности, состояния, действия, бытия (существования) и др. – в русле принятых у них подходов.

Любопытно заметить, что в некоторых ранее проведенных исследованиях уже выделялось «состояние» в качестве одной из основных категорий своих концепций. Например, в рамках «Функционально-коммуникативного синтаксиса» М. В. Всеволодова при делении предикатов на категории устанавливает два параметра: тип предиката (среди них есть и стативный, иными словами, выражающий состояние) и сфера (одна из них – физиологическая) [Всеволодова, 2000]. В «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотова, формулируя схему, согласно которой присвоение подкласса изосемичности / неизосемичности происходит по принципу соответствия или несоответствия отображаемого категориального значения основному категориальному значению данной части речи, одной из категорий действительности выбрала именно категорию состояния¹. Р. Ван Валин в рамках своей концепции «референциально-ролевой грамматики» классифицирует глаголы на четыре класса, один из которых – состояния (states) [Valin, 1993].

Однако основной концепцией, которой мы будем придерживаться в рамках настоящей работы, стала «Теория функционального синтаксиса» А. Мустайоки, в основу которой лег принцип описания языка от семантических структур (глубинных) к выражающим их языковым средствам (поверхностным структурам). Упомянутая теория, основываясь на приоритетах синтаксиса, утверждает, что синтаксическая функция предназначена для отражения различных способов представления одного и того же фактического положения дел, рассматриваемого как ограничиваемая и интерпретируемая говорящим ситуация.

В рамках этой теории выделяются базовые предикации, выражаемые через конкретные языковые конструкции посредством системы правил манифестации, которая определяет форму и порядок компонентов (конституентов) высказывания [Мустайоки, 2010].

В целом функциональный синтаксис (ФС) ориентирован на исследование синтаксического уровня организации языка, который отличается более высокой сложностью по сравнению с морфологическим и лексическим уровнями. Существование систем вариантов и их сочетаемости, многочисленных оппозитивных рядов, необходимость точного определения синтаксических позиций синтаксем – всё это значительно усложняет характер задач, стоящих перед ФС. Изучение ядерных семантических структур, составляющих основу любого естественного языка, играет значимую роль в понимании того, что в сознании человека различные средства выражения разных смыслов образуют строго иерархизированный аппарат, функционирующий согласно правилам системных отношений синтаксем и в то же время подчиняющий себе эти же правила.

В настоящей статье нами поставлена задача исследовать семантико-синтаксическую и функционально-синтаксическую специфику ядерной семантической структуры со значением «физиологическое состояние».

Научная новизна настоящего исследования заключается в описании особенностей синтаксического выражения семантической структуры со значением «физиологическое состояние» в русском и испанском языках, функционально-семантические характеристики которых еще не получили систематического рассмотрения в научных работах.

Практическая значимость работы обусловлена высоким потенциалом дальнейшего лингводидактического приложения ее результатов в соответствии с функциональным подходом методики преподавания, что, например, можно увидеть в работе А. В. Кассихиной, в рамках которой автор демонстрирует ряд упражнений, разработанных с помощью «Теории функционального синтаксиса» А. Мустайоки для преподавания русского языка как иностранного [Кассихина, 2012].

Для реализации поставленной цели мы прибегаем к целому ряду методов, а именно: методу контролируемого отбора, методу описания, контекстуально-семантическому и функциональному анализу, методу дефиниционного анализа, сопоставительному методу и обобщению. Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки фрагменты произведений художественной литературы и публицистических статей испаноязычных авторов. В ходе работы для отбора репрезентативных примеров из различных контекстов применялся лексико-грамматический поиск на базе нескольких корпусов испанского языка: *Corpus de Referencia del español Actual (CREA)*, *Corpus Diacrónico del español (CORDE)*, *Corpus del Español del*

¹Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004.

iglo XXI (CORPES XXI) – и испаноязычных источников средств массовой коммуникации. В результате были отобраны 700 единиц.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ» (ST_{PH})

Физиологическое состояние – термин, рожденный наукой «физиология» и используемый в медицине, психологии, психофизиологии, педагогике, социологии, теории и методике физического воспитания, однако в рамках настоящей статьи определения из вышеперечисленных областей не подходят, поскольку, в соответствии с концепцией «Теории функционального синтаксиса» А. Мустайоки, при анализе языковых выражений семантических структур исследователь ориентируется не на специализированную терминологию, а на наивную картину мира субъекта коммуникации. Ключевым преимуществом данной теоретической модели является то, что ее понятийный аппарат базируется на «позиции говорящего», что позволяет обеспечить более адекватное отражение речевой деятельности и интерпретации языковых значений, иными словами, человека, который при вербализации своих мыслей руководствуется не научными дефинициями или строго ограниченными категориями той или иной области знаний, а своим интуитивным восприятием конкретной ситуации [Мустайоки, 2010]. Таким образом, заимствуя определение «физиологического состояния» из теории А. Мустайоки, устанавливаем, что в рамках настоящего исследования под ним будут пониматься положения дел, связанные с функционированием организма или ощущениями в нем у человека (или животного). Важно, что при дальнейшем анализе конструкций, кроме предложений, будут также представлены схемы, обозначающие их глубинную и поверхностную структуры. Каждый элемент глубинной структуры будет отделяться от другого квадратными скобками и помечаться малыми буквами (Е – экспериенсер, О – объект, St – предикат состояния, в данном случае физиологического). Подобные формулы А. Мустайоки использует в работе «Функциональный синтаксис русского языка»¹. Последовательность конструкций и примеры на русском языке взяты из подглавы «Пример применения функционального синтаксиса как основы сопоставления языков» [Мустайоки, 2010]. Проведем сопоставительный анализ конструкций, реализующих семантическую структуру,

выражающую значение «физиологическое состояние» в русском и испанском языках.

1. Адъективная конструкция

Адъективная конструкция представляет собой словообразовательную модель, состоящую из двух компонентов: первого компонента, располагающегося в левой части предложения, и второго переходного компонента, имеющего свободный коррелят в виде имени прилагательного.

В испанском и русском языках имеются конструкции, в которых физиологическое состояние субъекта выражается при помощи прилагательного. Кроме этого, в роли второго переходного компонента в русском языке может выступать как полное прилагательное, так и его краткая форма.

И в русском, и в испанском языках первый компонент является подлежащим и, соответственно, стоит в именительном падеже. Однако если в русском языке в подобных конструкциях глагол *быть* опускается, что является нормативным синтаксическим оформлением в таких случаях, в испанском языке в подавляющем большинстве случаев используется глагол-связка *estar* (*быть, являться, находиться*), который, как правило, передает оттенок временного состояния субъекта, чем разительно и отличается от другого глагола-связки, обладающего значениями «быть, являться», но передающего постоянную характеристику субъекта – *ser* [Sastre, Carballera, 1999]. В то же время представляется важным отметить, что в испанском языке на уровне поверхностной структуры зачастую происходит опущение субъекта (существительного или местоимения), поскольку сама форма спряжения глагола сообщает об относящемся к нему лице. Таким образом, глубинная структура конструкции в обоих языках идентична, как и поверхностная:

- 1) Сергей болен / здоров / голоден / пьян.
- 2) Сергей голодный.

[Им. п.]_E + [(Гл._{быть}) + Прил._{кр./полн.}]_{St}

Su padre está enfermo, y su madre trabaja... (*El País*. 24.08.1977)

El chico está sano y debe andar con gente joven o se aislará más todavía... (*Jaime Martínez Salguero. El combate místico*)

...mejor era media hogaza de pan que ninguna, si *un hombre está hambriento...* (*L. Otero. Temporada de ángeles*)

¹Мустайоки А. [и др.] Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов / А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. М.: Юрайт, 2019.

– No le hagas caso, Victoria, **está borracho**. Y no es el único (V. Kociancich. *La octava maravilla*).

$[(\text{Сущ./Мест.})_E + [\text{Гл.}_{\text{estar}} + \text{Прил.}]_{St}]$

2. Специальная конструкция

Специальная конструкция, обозначающая состояние (неноминативное подлежащее и неглагольное сказуемое), представляет собой структуру, в которой экспериенсер выражается в дательном падеже, а физиологическое состояние кодируется посредством прилагательного либо предикативного наречия. Данные конструкции широко характеризуют систему русского языка, например:

Сергею холодно / больно / тошно.

$[\text{Дат. п.}]_E + [(\text{Гл.}_{\text{быть}}) + \text{Прил.} / \text{Нареч.}_{\text{предикат.}}]_{St}$

Однако для подобной конструкции также существуют и ограничения в области сочетаемости с определенными наречиями:

*Сергею лихорадочно / устало.

В испанском языке такие конструкции отсутствуют ввиду синтаксической невозможности воспроизвести подобную структуру. Наиболее близкой к описываемой конструкции в испанском языке представляется следующая:

A la vicepresidente le da «cansancio retroactivo» pensar en la política... (20 Minutos. 17.12.2012)

...de dormir de vellela y calcetas y acostarme en la cama porque **me da frío**... (Caras. 13.10.1997)

Y ahora te hago unas hierbas, por si se infecta y **te da fiebre**, aunque no creo, por la pinta que tiene... (José Luis Alonso de Santos. *La estanquera de Vallecas*)

$[(A + \text{Сущ./Мест.}_{\text{предл.}})_E + ((\text{Мест.}_{\text{беспредл.}})) + [\text{Гл.}_{\text{dar}} + \text{Сущ.}]_{St}]$

Безусловно, указанные выше конструкции всё же весьма далеки как на глубинном, так и на поверхностном уровне от той, что используется в русском языке: отсутствие подобных синтаксических структур в испанском языке объясняется не только неимением подходящих падежных форм, которое можно компенсировать предлогом *a* и личным местоимением беспредложной формы, но и семантическими правилами употребления слов, влияющими на нормативность сочетаемости.

3. Посессивная конструкция

Посессивная конструкция испанского языка имеет весьма широкий диапазон применения, но отличается от русской конструкции с предлогом *у* на структурном уровне и в принципе более продуктивным характером сочетаемости.

В русском языке стандартная посессивная конструкция начинается, как правило, с упомянутого предлога *у*, с которым в форме родительного падежа согласуется непосредственно экспериенсер, выраженный существительным, а затем следует предикат, выражающий физиологическое состояние и образующийся глаголом-связкой *быть* (зачастую опускается) и существительным в именительном падеже:

У Сергея насморк / кашель / температура / рак / ангина / язва / давление / бессонница.

$[\text{У} + \text{Род. п.}]_E + [(\text{Гл.}_{\text{быть}}) + \text{Им. п.}]_{St}$

Однако в русском языке у подобной конструкции есть ограничения в сочетаемости, например:

*У Сергея голод / усталость.

Если обратиться к испанской конструкции, то первый компонент посессивной конструкции выступает в форме именительного падежа, не сопровождается предлогом и согласуется с глаголом-связкой *tener* (иметь). В рамках предикативной структуры глагол *tener* сопровождается существительным, которое выражает различные семантические категории, объединенные значением «физиологическое состояние» – к ним относятся ощущения температуры тела, физиологические потребности, кратковременные и хронические заболевания, симптомы болезненных состояний, травмы и приступы¹:

...diciéndole que **Garay López tiene fiebre**, y que hay enfermos en la casa... (Juan José Saer. *La ocasión*)

...a la jefa o al jefe cada vez que **el chico tiene anginas** o el embarazo nos produjo náuseas? (ABC Color. 03.07.2001)

...**su madre tiene cáncer** y logra comunicarse gracias a un programa de ordenador (ABC Cultural. 25.10.1996)

$[\text{Им. п.}]_E + [\text{Гл.}_{\text{tener}} + \text{Им. п.}]_{St}$

¹Мустайоки А. [и др.] Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов / А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. М.: Юрайт, 2019.

Испанский язык, в свою очередь, как отмечалось выше, обладает более широкой сочетаемостью в посессивных конструкциях и позволяет включить в структуру предложения «голод», «усталость», «жажду» и т. д.:

...así no se hace, **el niño tiene hambre**, el niño está enfermo... (*Santiago Gamboa*)

...Nos acaban de avisar que se sintió muy mal, está en el hospital, **[él] tiene cansancio** por la agenda... (*The Latin Times*)

Todos tienen hambre. Todos tienen sed. Los fusiles pesan como la vida (*Francisco Herrera Luque*).

[Суш./Мест.]_E + [Гл._{tener} + Суш.]_{St}

Кроме этого, как в русском, там и в испанском языке существуют весьма частотные посессивные конструкции, в рамках которых, кроме носителя состояния, также упоминается и часть тела, о которой идет речь, например:

У Сергея боль в животе / рана на голове
[У + Род. п.]_E + [(Гл._{быть}) + Им. п.]_{St} + [в / на + Предл. п.]_{OE}

У Сергея вывих ноги / перелом кости
[У + Род. п.]_E + [(Гл._{быть}) + Им. п.]_{St} + [Род. п.]_{OE}

У Сергея болит зуб / голова / живот
[У + Род. п.]_E + [Гл.]_{St} + [Им. п.]

В испанском языке также присутствуют подобные конструкции, незначительным образом отличающиеся от используемых в русском:

Mendoza será desactivado por los Yankees debido a que **tiene dolor en su hombro derecho**... (*El Nuevo Herald*)
[(Суш./Мест.)]_E + [Гл._{tener} + Суш.]_{St} + [en + Суш.]_{OE}

Bueno, la verdad, Nieves, **tengo un esguince, tengo una torcedura de muñeca**, un constipado espantoso... (*Hoy es posible*. 28.01.1996)
[(Суш./Мест.)]_E + [Гл._{tener} + Суш.]_{St} + [de + Суш.]_{OE}

Le digo que no me grite, que **tengo dolor de cabeza**... (*José Ángel Mañas. Historias del Kronen*).
[(Суш./Мест.)]_E + [Гл._{tener} + Суш.]_{St} + [de + Суш.]_{OE}

4. «Локативная» конструкция

«Локативная» конструкция встречается и в русском, и в испанском языках. В русском языке в качестве

второго переходного компонента используется существительное в предложном падеже с предлогом *в*. В испанском языке состояние описывается при помощи глагола *estar* и существительного с предлогом *en*.

Сергей в жару / в бреду / в истерике / в обмороке / в похмелье / в хорошем состоянии.
[Им. п.]_E + [Гл._{быть} + (в + Предл. п.)]_{St}
[Им. п.]_E + [Гл._{быть} + (в + Прил + состоянии)]_{St}

El concejal del Partido (PP) **Miguel Angel Blanco está en coma** tras haber sido encontrado herido... (*Diario de las Américas*. 12.07.1997).

Hoy el caudillo fugitivo, desde su oscurecida y perturbada algazara, actúa fuera de lo normal. **Está en delirio** (*El Comercio*. 28.05.2025)

...el 'ecológico' (aunque se llevó ¡dos aviones! a la COP29) Pedro Sánchez, que **[él] está en histeria** total... (*Hispanidad*. 15.11.2024)

Si nuestro **organismo está en buen estado**, vamos a lucir jóvenes... (*Hoy Digital*. 31.03.2024)
[Суш./Мест.]_E + [Гл._{estar} + (en + Им. п.)]_{St}

5. «Реферативная» конструкция

Условно реферативная конструкция представляет собой типологически характерное явление, присущее исключительно русскому языку. Она проявляется в языке ограниченно и реализуется лишь в немногих случаях, строго детерминированных типовой сочетаемостью лексико-синтаксических компонентов. Данная конструкция требует определенных лингвистических условий для своего функционирования, что обуславливает ее ограниченное распространение и специфику в рамках русской синтаксической системы. Рассмотрим следующий пример:

С Сергеем обморок / удар / истерика.
*С Сергеем холод / голод / грипп / ангина.
[С + Тв. п.]_E + [(Гл._{быть}) + Им. п.]_{St}

В испанском языке допускается построение конструкции, приближенной к русской структурно-эквивалентной, однако она оказывается неприемлемой для поверхностной вербализации семантической структуры «физиологическое состояние». Это связано с различиями в синтаксико-семантических параметрах обоих языков, из-за которых данная конструкция не выполняет функцию адекватного выражения соответствующих значений в испанском языке, например:

*Tenemos problemas con Juan

6. Субъектно-глагольная конструкция

Данная группа включает те конструкции, в рамках которых экспериенсер играет роль подлежащего в предложении, а состояние выражается глаголом в русском языке и глагольной конструкцией *estar + gerundio* в испанском языке:

Сергей спит / болеет / голодает / мерзнет / лихорадит (устар.) / температурит (разг.)
[Им. п.]_E + [Гл.]_{St}

...quien el martes por la noche comentó que **su marido «está durmiendo** en casa» (El Mundo. 31.03.1995).

¡El médico le prohíbe el paso a la mantequilla y al tabaco, le abre el paso a las proteínas y a los complejos vitamínicos! Oye, ¿**está temblando** o estoy mareado? (Fernando del Paso. Palinuro de México)
[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл._{estar} + Гер.]_{St}

Безусловно, как в русском, так и в испанском языке в отношении подобных конструкций накладываются определенные ограничения, обусловленные, например, сочетаемостью или вовсе отсутствием глагольной формы того или иного понятия:

*Сергей знобит / жаждет / ломит
*Juan está hambreado

Также представляется важным отметить, что в испанском языке подобная конструкция выражается только путем использования *estar + gerundio*, поскольку данная глагольная перифрастическая конструкция выражает состояние субъекта в данный момент времени¹, что подлечит ограничениям поля «физиологического состояния». Простой испанский глагол выражал бы в данном случае регулярное действие, что не относится к рассматриваемой семантической структуре:

* Cuenta que [él] **duerme cada día** donde buenamente puede. Ayer por la mañana estalló (ABC Electrónico. 28.08.1997).

Следует отметить наличие в анализируемых языках «семантически бедных глаголов», которые обладают способностью передавать значение «физиологического состояния» исключительно в сочетании с существительным в функции

¹Manual de la Nueva Gramática (2010): Asociación de Academias de la Lengua Española, Real Academia Española. Madrid: Espasa Libros.

дополнения. В русском языке к числу таких глаголов относятся, например, *болеть, чувствовать (себя), страдать, испытывать, ощущать*, при этом дополнение обычно выражается в творительном или винительном падеже:

Сергей болеет гриппом / ангиной / раком.
*Сергей болеет насморком / кашлем / язвой / давлением.
[Им. п.]_E + [Гл._{болеть} + Тв. п.]_{St}

Сергей чувствует себя хорошо / здоровым / усталым / пьяным.
*Сергей чувствует грипп / ангину.
[Им. п.]_E + [Гл._{чувствовать (себя)} + Нареч.]_{St}

Сергей страдает бессонницей / ревматизмом / давлением.
*Сергей страдает насморком / кашлем / раком / язвой.
[Им. п.]_E + [Гл._{страдать} + Тв. п.]_{St}

Сергей испытывает боль / жажду / голод / усталость.
*Сергей испытывает температуру / насморк / рак.
[Им. п.]_E + [Гл._{испытывать / чувствовать / ощущать} + Вин. п.]_{St}

В испанском к упомянутой категории «семантически бедных глаголов», которым затем присоединяется дополнение в виде существительного, наречия или же прилагательного, можно отнести *sufrir (de), padecer (de), experimentar, sentir (se)*. И в русском, и в испанском языке у глаголов существуют определенные ограничения сочетаемости, при этом глаголы *sufrir (de), padecer (de)* и *experimentar* обладают более широким диапазоном сочетаемости, чем, например, русские глаголы *страдать, испытывать* или *ощущать*:

...uno de los cubanoamericanos más ricos de Estados Unidos, Roberto C. Goizueta, **sufre de cáncer** y está internado en el hospital de la Universidad Emory en Atlanta (El Nuevo Herald, 11.09.1997)
[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл._{sufrir (de)} + Им.п.]_{St}

Sin embargo, hasta un **10% de estos enfermos padece tos** debido al consumo de este tipo de medicamento. (El Mundo. 10.07.1997)
[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл._{padecer (de)} + Им.п.]_{St}

El director de Epidemiología, Freddy Armijo, indicó que **el paciente** transita ya la segunda fase de evolución de la enfermedad, es decir que **experimenta fiebre, dolor de cabeza, mialgia, dolor de espalda y tiene sus ganglios inflamados**. (Opinión Bolivia. 10.08.2022)
[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл._{experimentar} + Им.п.]_{St}

El adolescente Rey se siente cansado, se hunde en la descalzadora de mullido respaldo... (Ramón Hernández. *El secreter del Rey*)

*Juan siente gripe / anginas.

[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл._{sentir(se)} + Прил.]_{St}

7. Объектно-глагольная конструкция

Данная группа включает конструкции, в которых экспириенсер выступает в роли дополнения при предикате. В русском языке такие конструкции формируются с экспириенсером в винительном или дательном падеже и предикатом в форме безличного глагола, однако их употребление существенно ограничено определенным типом сочетаемости компонентов:

- 1) Сергея лихорадит / знобит / тошнит.

*Сергея болит / болеет / холодит / жаждет.

- 2) Сергею нездоровится / неможется (разг.) / не естся / не пьется.

*Сергею здоровится / естся / пьется.

*Голову Сергея болит / ногу ломит

- 3) Голову / ноги ломит / разламывает от боли.

[Вин. п./Дат.п.]_E + [Гл._{безл.}]_{St}

В испанском языке построение подобной конструкции невозможно даже при попытке компенсировать падежные отношения русского винительного и дательного падежей с помощью структуры, ранее описанной при анализе «специальных конструкций, обозначающих состояние»: в языке отсутствует подобный узус и сочетаемость безличных глаголов ввиду специфики их семантического оформления.

Однако примечательно, что системные отношения организуются не только между синтаксемами, но и между синтаксемами и другими языковыми единицами, прежде всего лексемами, образующими лексическую наполненность синтаксемы. Данное положение касается семантических конструкций, рассматриваемых в настоящем исследовании, в частности, тех, которые включают в свою лексическую базу переходные глаголы, используемые в сочетании с объектной синтаксемой.

8. Изменение состояния

В связи с тем, что физиологическое состояние представляет зачастую динамический процесс, и русскому, и испанскому языкам свойственно использование результативных глаголов

прошедшего времени совершенного вида, выражающих состояние после фазы его изменения. Стоит отметить, что в испанском языке подобные конструкции могут строиться не только глаголами прошедшего времени (Pretérito Indefinido и Pretérito Pluscuamperfecto), но и входящими в план настоящего времени (Pretérito Perfecto). Подобные конструкции отличают оба рассматриваемых языка от тех, где таких конструкций нет или их наличие носит больше характер исключения (изменение состояния не выражается синтаксически, фигурируют лишь конструкции состояния, например, в настоящем или прошедшем времени):

Сергей устал / проголодался / заболел / выздоровел / простудился.

У Сергея был сердечный приступ / инфаркт / инсульт.

[Им.п.]_E + [Гл.]_{St-St}
[У + Род.п.]_E + [Гл._{быть} + Им.п.]_{St-St}

La joven se ha resfriado durante el viaje, lo que es advertido por... (Sergio Pitol. *Juegos florales*)

[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл.]_{St-St}

Yeltsin se enfermó el lunes, dos semanas después de retornar plenamente a sus actividades. (El Universal. 08.01.1997)

[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл.]_{St-St}

“Me tocó luchar contra la muerte; *tuve dos infartos*, pero ya estoy operativo” (Depor. 10.11.2024)

[(Сущ./Мест.)]_E + [Гл._{tener} + Им.п.]_{St-St}

9. Выражение состояния как желания изменить существующее

А. Мустайоки подчеркивает важную особенность русского языка, особенно заметную при сопоставительном анализе с испанским, – выражение состояний голода, жажды и сонливости посредством конструкций, которые буквально передают желание есть, пить или спать, однако семантически отражают именно физиологическое состояние, например [Мустайоки, 2010, с. 389]:

Сергею хочется пить / есть / спать.

[Дат.п.]_E + [Гл._{хотеть} + Гл.]_{St}

Безусловно, в испанском языке также присутствуют подобные конструкции, образуемые посредством глагола «querer» – «хотеть» и еще одного глагола со значением «спать», «есть» или «пить»:

Tengo hambre, quiero comer. Tengo un sandwich en mi bolsillo. (Silvina Ocampo. *Cornelia frente al espejo*).

– Cómprame una botella de champán, **quiero beber** una copa para celebrar el próximo nacimiento de mi hijo... (Fernando Arrabal. *La torre herida por el rayo*).

– Sí, sí me siento débil, solo **quiero dormir**, sí, me siento débil (Alejandro Morales. *La verdad sin voz*).

Однако с точки зрения своей семантической принадлежности они не относятся к полю структуры «физиологическое состояние». Этот тезис подкрепляется приведенным выше отрезком из произведения Сильвины Окампо: сначала герой говорит: «*tengo hambre*» и только после – «*quiero comer*». Данный пример дает нам полное представление о семантическом разграничении: в указанных выше фрагментах выражается именно желание, необходимость, которая, в свою очередь, возникает из физиологического состояния голода (жажды, сонливости), вербализирующегося в испанском языке посредством посессивной конструкции, которую мы уже анализировали ранее ([Сущ./Мест.]_E + [Гл._{tener} + Сущ.]_S):

...así no se hace, **el niño tiene hambre**, el niño está enfermo... (Santiago Gamboa)

Todos tienen hambre. Todos tienen sed. Los fusiles pesan como la vida (Francisco Herrera Luque).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенного анализа глубинных (семантических) и поверхностных (синтаксических) структур семантической структуры со значением «физиологическое состояние» на основе конструкций русского и испанского языков, можно заключить, что глубинные структуры данного поля

в русском и испанском языках в подавляющем большинстве случаев идентичны (за исключением конструкции «выражение состояния как желания изменить существующее»), а различия прослеживаются только на поверхностном уровне ввиду лексической асимметрии и расхождения грамматического строя рассматриваемых разноструктурных языков.

Например, в ходе анализа выяснилось, что такие конструкции русского языка, как «специальная конструкция, обозначающая состояние (не-номинативное подлежащее + неглагольное сказуемое)», «реферативная конструкция», «объектно-глагольная конструкция» не могут быть в полной мере воспроизведены в испанском языке на поверхностном (синтаксическом) уровне. В значительной степени это обусловлено тем, что русский язык по большей степени является языком синтетическим, а испанский – аналитическим, хотя и занимает пограничное положение в отличие, например, от английского [Horsch, 2021]. В свете вышесказанного также представляется важным отметить абсолютное и нормативное, в отличие от испанского, опущение глагола «быть» в русском языке, что также является характерной чертой синтетического языка. В то же время в испанском языке более высокую по сравнению с русским продуктивность продемонстрировала «посессивная конструкция», что также объяснимо превалированием аналитических черт в испанском языке.

При дальнейшем подробном анализе представляется интересным выполнить количественные измерения одинаковых структур в двух языках и таким образом выявить степень их структурной близости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000.
2. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010.
3. Valin van, R. D. Jr. Role and Reference Grammar // Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session. 1993. Vol. 37. P. 65–75.
4. Кассихина А. В. Практическое применение теории функционального синтаксиса в преподавании русского языка как иностранного // Совершенствование преподавания иностранных языков в школе и вузе. 2012. Вып. 16. С. 26–32.
5. Sastre, R. M. A., Carballera, C. Y. Usos de ser y estar. Revisión de la gramática y constatación de la realidad lingüística. El español como lengua extranjera. De la teoría al aula: actas del tercer Congreso Nacional de ASELE. 1999. P. 299–314.
6. Horsch, J. Typological Profiling of English, Spanish, German and Slovak: A Corpus-Based Approach // Jazykovedný časopis. 2021. Vol. 72 № 2, P. 342–352.

REFERENCES

1. Vsevolodova, M. V. (2000). Teoriya funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka = Theory of Functional-Communicative Syntax: Fragment of an Applied (Pedagogical) Model of Language. Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.)
2. Mustajoki, A. (2010). Teoriya funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam = Functional Syntax Theory: from Semantic Structures to Linguistic Means. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
3. Valin, van, Robert, D. Jr. (1993). Role and Reference Grammar. Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session, 37, 65–75.
4. Kassikhina, A. V. (2012). Practical Implementation of the Functional Syntax Theory in Teaching Russian as a Foreign Language. Improving foreign language teaching in schools and universities, 16, 26–32. (In Russ.)
5. Sastre, R. M. A., Carballera, C. Y. (1991). Usos de ser y estar. Revisión de la gramática y constatación de la realidad lingüística. El español como lengua extranjera (pp. 299–314). De la teoría al aula: actas del tercer Congreso Nacional de ASELE.
6. Horsch, J. (2021). Typological Profiling of English, Spanish, German and Slovak: A Corpus-Based Approach. Jazykovedný časopis, 72(2), 342–352.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зубов Максим Дмитриевич

преподаватель и аспирант

кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zubov Maksim Dmitrievich

Lecturer and PhD Student

at the Department of Spanish Language

Faculty of Translation and Interpretation

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.08.2025
20.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Средства вербализации характеристик эмоционального интеллекта в современном медиадискурсе

Д. Г. Костромин

*Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Россия
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
d.kostrominpgtu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных характеристик эмоционального интеллекта, а также способам их вербализации в современном политическом медиадискурсе. Цель исследования – определить средства вербализации основных характеристик эмоционального интеллекта на материале комментариев на английском языке к сообщению, опубликованному на официальном канале МИД РФ в социальной сети X* (*запрещена на территории Российской Федерации). Поставленная цель достигается с помощью описательного метода и качественного анализа содержания, лингвистического анализа, который включает в себя лексико-семантический и лексико-грамматический анализ, стилистического анализа, а также интерпретационного анализа. Установлено, что основными характеристиками эмоционального интеллекта, которые чаще всего выражены в комментариях вербально, являются социальная осведомленность или эмпатия.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, вербализация, эмпатия, самосознание, саморегуляция, социальная осведомленность, медиадискурс

Для цитирования: Костромин Д. Г. Средства вербализации эмоционального интеллекта в современном медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 51–59.

Original article

Verbalization Means for Emotional Intelligence Characteristics in the Modern Media Discourse

Dmitriy G. Kostromin

*Priazovskiy State Technical University, Mariupol, Russia
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
d.kostrominpgtu@mail.ru*

Abstract. The article studies the core characteristics of emotional intelligence and their verbalization patterns in contemporary political media discourse. The study aims to identify linguistic means of expressing main emotional intelligence traits through an analysis of English-speaking comments on a post published on an official channel of the Russian Ministry of Foreign Affairs on X* (*banned in the Russian Federation). The article's aim is realized by through descriptive methods and qualitative content analysis, linguistic analysis (encompassing lexico-semantic and lexico-grammatical analyses), stylistic analysis, and interpretive analysis. As a results of the study, it was revealed that social awareness and empathy emerge as the most frequently verbalized characteristics of emotional intelligence in a commentary data.

Keywords: emotional intelligence, verbalization, empathy, self-awareness, self-regulation, social awareness, media discourse

For citation: Kostromin, D. G. (2025). Verbalization means for emotional intelligence characteristics in the modern media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 51–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Эмоциональный интеллект как психологический конструкт приобрел значительную актуальность в современных междисциплинарных исследованиях, являясь предметом исследования психологии и лингвистики. С момента его концептуализации в работах П. Саловея и Дж. Мейера, эмоциональный интеллект рассматривается как способность к идентификации, пониманию и регуляции собственных эмоций, а также к распознаванию и влиянию на эмоциональные состояния других [Salovey, Mayer, 1990]. Многие ученые считают эмоциональный интеллект необходимым компонентом в развитии коммуникативных способностей современного человека [Гоулман, 2009; Вронская, Козина, 2022]. Благодаря повсеместному развитию цифровых технологий и облегчению доступа к ним большего числа коммуникантов, коммуникация получила мощнейший толчок для развития. Язык начал меняться с небывалой до сих пор скоростью. Человек начал использовать в цифровом общении невербальные средства, в том числе и для выражения чувств и эмоций [Долгополова, Сеттарова, 2023; Bulgarova, Tabatabai, 2023]. Появились цифровые формы характеристик эмоционального интеллекта, например, «цифровая эмпатия» [Игнатова, 2023]. Это также повлияло на появление в лингвистике понятия «медиадискурс» [Добросклонская, 2006] и его изучения в различных аспектах [Костромин, Желтухина, 2024; Бондарева, Зеленская, Желтухина 2019].

Актуальность исследования обусловливается повышением эмоциональности в медиатекстах и необходимостью развивать способность к выражению и взаимопониманию эмоций и чувств коммуникантами, а также высоким вниманием современных исследователей к проблемам информационного противостояния [Guseynova, Gorozhanov, 2024; Гусейнова, Горожанов, 2023] и в целом к изучению языковых механизмов функционирования медиасферы [Каменский, Бредихин, 2025; Денисова, Гусейнова, Горожанов, 2024].

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЗАРУБЕЖНЫМИ УЧЕНЫМИ

Эмоциональный интеллект как термин впервые оформился в работе Дж. Мейера и П. Саловея, в которой ученые определяют его как умение человека различать, осознавать и трактовать как свои эмоции, так и чужие, используя это знание для решения повседневных коммуникативных задач, управления поведением и принятия решений. Исследователи предложили одну из первых научных моделей эмоционального интеллекта, которая включает в себя

четыре ключевых компонента: восприятие эмоций, использование эмоций в мыслительной деятельности, осознание и управление эмоциями. В своей работе они выделили эмоциональный интеллект как отдельный тип интеллекта, а не как подвид [Salovey, Mayer, 1990]. В последующем сотрудничестве с Д. Карузо ученые выделили семь принципов эмоционального интеллекта: эмоциональный интеллект – это ментальная способность, эмоциональный интеллект связан с обработкой эмоциональной информации, эмоциональный интеллект состоит из четырех ветвей, эмоциональный интеллект развивается с возрастом и опытом, эмоциональный интеллект измеряется через способности, а не через самооценку, эмоциональный интеллект отличается от других психологических конструктов, эмоциональный интеллект имеет практическое значение [Mayer, Caruso, Salovey, 2016]. В своей книге Д. Гоулман расширил концепцию эмоционального интеллекта, данную Д. Мейером и П. Саловеем, включив в нее личностные и социальные аспекты. Данная модель является смешанной и включает в себя 5 основных элементов: self-awareness (самосознание), self-regulation (саморегуляция), motivation (мотивация), empathy (эмпатия) и social skills (социальные навыки) [Гоулман, 2009]. Затем исследователь доработал свою модель и на данный момент она включает в себя четыре компонента: self-awareness (самосознание), self-regulation (саморегуляция), social awareness (социальное понимание), relationship management (управление взаимоотношениями). Д. Гоулман утверждал, что успех в жизни на 80 % зависит от уровня эмоционального интеллекта и лишь на 20 % от уровня общего интеллекта [Гоулман, 2021]. Еще один исследователь эмоционального интеллекта – израильский психолог Р. Бар-Он. Он изучал эмоциональный интеллект не как самостоятельную концепцию, а как связь эмоционального и социального интеллекта, т. е. предложил смешанную модель эмоционального интеллекта, в которой обозначил пять основных факторов, подразделяющихся на 15 субфакторов, на основании которых исследователь создал опросник для измерения эмоционального интеллекта (Emotional Quotient Inventory – EQ-i) [Bar-On, 2006]. Эти факторы он разделил на «внутриличностные навыки (включающие в себя самоуважение, эмоциональную самоосознанность, ассертивность, независимость и самоактуализацию); межличностные навыки (включающие эмпатию, социальную ответственность, межличностные отношения); адаптивность (включает в себя проверку реальности, гибкость, решение проблем); управление стрессом (сюда входит стрессоустойчивость, контроль импульсивности), общее настроение (включает в себя оптимизм, счастье)» [Fernández-Berrocal, Extremera, 2006, с. 9].

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ УЧЕНЫМИ

Отечественные исследователи также не остались в стороне от изучения эмоционального интеллекта. Д. В. Люсин создал опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн, определяя эмоциональный интеллект, так: «способности к пониманию и управлению эмоциями, как своими собственными, так и чужими» [Люсин, 2009, с. 264]. А. А. Панкратова, Д. С. Корниенко, Д. В. Люсин провели апробацию краткой версии опросника ЭМИн и пришли к выводу, что этот опросник позволяет «предсказать субъективное благополучие – удовлетворенность жизнью, позитивный и негативный аффект» [Панкратова, Корниенко, Люсин, 2022, с. 831]. Е. П. Ильин рассматривает эмоциональный интеллект как важный компонент успешной коммуникации и подчеркивает роль эмоциональной регуляции и эмпатии в межличностных отношениях. Е. П. Ильин в своей работе делает заключение, что эмоциональный интеллект отражает внутренний мир и его связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью¹. И. Н. Андреева в своей работе выявила еще одну модель эмоционального интеллекта – интегративную. Эта модель представляет собой трехуровневую структуру («интеллект индивида», «интеллект субъекта деятельности» и «интеллект личности») [Андреева, 2019, с. 127]. И. Н. Андреева утверждает, что «эмоциональный интеллект определяется как совокупность умственных способностей к пониманию эмоций и управлению ими, компетенций, связанных с обработкой и преобразованием эмоциональной информации, а также коммуникативных, эмоциональных, интеллектуальных и регулятивных личностных свойств, способствующих адаптации индивида» [там же, с. 131]. Современный мир подвержен стремительной цифровизации и всё больше исследователей обращают внимание на изучение влияния цифровизации на эмоциональный интеллект. М. Р. Желтухина в своем исследовании изучила роль коммуникативных технологий в формировании эмоционального интеллекта у студентов и пришла к выводу, что в ходе выполнения совместных проектов в процессе коммуникации через различные мессенджеры с помощью вербальных и невербальных средств студенты приобретали опыт аргументированно выражать свою позицию, что вело к повышению уровня эмоционального интеллекта [Желтухина, 2022].

¹Ильин Е. П. Эмоции и чувства: учебное пособие. 2-е изд. М.: Питер, 2007. (Мастера психологии).

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на материале комментариев к статьям на политическую тематику в англоязычных СМИ. В контексте изучения политического медиадискурса смешанная модель эмоционального интеллекта Д. Гоулмана является наиболее подходящей для нашего исследования – она содержит характеристику мотивации, сопряженную с акцентом на справедливости и совершенствовании общества как мотивационного фактора в сфере применения данной модели [Гоулман, 2021].

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Самосознание в структуре развития эмоционального интеллекта является важным этапом, без которого невозможно дальнейшее развитие эмоционального интеллекта [Antonopoulou, 2024]. Исследователь определяет самосознание как «способность человека признавать и осознавать свои эмоции, возможности, ограничения, принципы и цели» [там же, с. 80]. Самосознание выражается с помощью таких вербальных маркеров, как признание собственной предвзятости, выражение сомнения, использование осторожных формулировок.

Саморегуляция. Исследуя эмоциональный интеллект, Н. А. Гончарова и О. А. Жидкова отмечают, что «саморегуляция и эмпатия направлены на осознание имеющейся эмоциональной проблемы и сопереживание эмоциональному состоянию других людей» [Гончарова, Жидкова, 2024, с. 109]. В связи с этим вербальными маркерами саморегуляции выступают: использование умеренного языка, предотвращение оскорблений и личных выпадов, концентрация на фактах и аргументах.

Социальная осведомленность. А. В. Никольская и А. А. Костригин в своей работе пришли к выводу, что социальная осведомленность проявляется в способности человека осознавать социальные сигналы и контекст, в котором проявляются эмоции [Никольская, Костригин, 2019]. Исследователи отмечают важную роль СМИ в формировании социальной осведомленности. Одним из компонентов социальной осведомленности является эмпатия, которая, в свою очередь, важная составляющая эмоционального интеллекта. Поэтому вербальными маркерами в данном случае выступают проявление сочувствия и сопереживания по отношению к собеседнику, учет разных точек зрения и признание сложных социальных проблем.

Управление отношениями. Изучая аспекты эмоционального интеллекта Р.Л. Энгл и К. Нерт, провели исследование, в котором выдвинули гипотезу

о том, приведет ли более высокий уровень эмоционального интеллекта к более эффективному управлению отношениями. Исследователи пришли к выводу, что люди, развившие свой эмоциональный интеллект, с большей вероятностью преуспеют в управлении отношениями [Engle, Nehrt, 2011]. Таким образом гипотеза подтвердилась.

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С помощью приема сплошной выборки были выделены комментарии к статьям политического характера в англоязычных СМИ, а также сообщениям (твитам) в социальной сети X¹ (запрещена на территории России). После применения лексико-семантического анализа, лексикографического анализа, синтаксического и морфологического анализа были определены лексические, морфологические и синтаксические средства вербализации характеристик эмоционального интеллекта, в соответствии с этим были сформированы группы текстовых фрагментов. В работе использовались методы качественного анализа содержания, лингвистического анализа, который включает в себя лексико-семантический и лексико-грамматический анализ, стилистического анализа, а также интерпретационного анализа. В качестве иллюстрации вербализации характеристик эмоционального интеллекта были выбраны комментарии в количестве 141 единицы (0,16 а. л.) к сообщению Марии Захаровой, официального представителя Министерства иностранных дел Российской Федерации, об убийстве четырех российских журналистов в зоне проведения СВО:

MFA Russia ru

@mfa_russia

#Zakhrova: In recent days, 4 representatives of [Russian] media were killed in targeted attacks by Ukrainian Neo-Nazis

Kiev regime, completely degenerated into an ugly mass of hatred, is trying to compensate for its losses on the battlefield by striking civilians¹

Были выявлены лексические, морфологические и синтаксические средства вербализации характеристик эмоционального интеллекта, а также комментарии, в которых использовались только невербальные средства выражения эмоционального интеллекта. Не учитывались комментарии с явным отсутствием характеристик эмоционального интеллекта, когда использовались прямые

оскорбления, беспочвенные обвинения, а также беспредметные высказывания.

Примеры комментариев, в которых выражено *самосознание* как характеристика эмоционального интеллекта с помощью вербальных средств, следующие:

p

@p374869

Maybe don't dress your civilians in multicams.

12:42 PM · Mar 27, 2025 · 179 Views

- *Maybe don't* – вводная конструкция, которая является маркером неуверенности и предположения. Она смягчает категоричность утверждения и выражает возможность того, что автор может ошибаться. Является синтаксическим средством вербализации самосознания.

Однако, если посмотреть на контекст высказывания, то можно заметить, что данная реплика является риторическим вопросом, хотя в ней и нет вопросительного знака. В этом случае выражается саркастическое мнение автора: если бы погибшие были на самом деле журналистами, они не надевали бы униформу комбатантов (потому как текст основного сообщения проиллюстрирован фотографией девушки в военной униформе).

skrabc EU

@SkyJetNFT

seem like a soldier in uniform to me but hey we are so called neo nazis what do we know

5:03 PM · Mar 27, 2025 · 10 Views

- *Seem like a soldier in uniform to me* – использование глагола восприятия *to seem* указывает на осознание автором собственных мыслей, что является лексическим средством выражения самосознания.

Walgor

@Walgor1

This is really sad. I liked Anna and her reports a lot. RIP Anna, you will always remain in our hearts.

11:02 PM · Mar 27, 2025 · 4 Views

- *Really sad* – использование наречия, обозначающего чувство грусти, в сочетании с усиленным наречием указывает на осознание собственных чувств автором, что является лексическим средством вербализации самосознания.

- *You will always remain in our hearts* – использование автором метафоры, означающей долгую память об ушедшем человеке, несет сильную эмоциональную нагрузку и служит лексическим средством вербализации самосознания.

¹URL: https://x.com/mfa_russia/status/1905178565571752028 (дата обращения: 27.03.2025).

@uljanova20221

This war must stop. It should not have started in the first place! That's all!

8:30 PM · Mar 27, 2025 · 12 Views

Использование модальных глаголов *must* и *should* является отражением самосознания автора и его эмоционального отношения к ситуации и представляет собой морфологическое средство вербализации самосознания.

Комментарии, в которых *саморегуляция* как характеристика эмоционального интеллекта выражена вербальными средствами, следующие:

Harry 🇺🇸

@harry_abidde

Propaganda machine isn't necessary. Peace is all that is needed.

Stop the war and aggression. Give peace a chance. I crave for peace.

2:28 PM · Mar 27, 2025 · 96 Views

Использование коротких простых предложений с глаголами в императиве, а также категоричность высказывания без использования агрессивной лексики являются морфологическими и синтаксическими средствами выражения саморегуляции.

AndrewS

@ScentOf2stroke

Poor soul.

And of course there won't be any outcry in UN about it, but when there's some Western journos dead, the screeching is heard skyhigh.

Truth will be triumphant. Last three lies will be "i didn't knew, i am innocent, i had my orders"

1:30 PM · Mar 27, 2025 · 126 Views

Отсутствие прямых оскорблений является признаком саморегуляции.

Социальная осведомленность и эмпатия, которые также являются характеристиками эмоционального интеллекта, выраженные вербальными, а в некоторых случаях и невербальными средствами, следующие:

zyon16RU

@zyon1687

Condolences, I'm very sorry, the problem is that it's always the civilians who lose out, and that's why the Ukrainian soldiers hit the points where they know the defenseless population is.

12:11 PM · Mar 27, 2025 · 269 Views

• *Condolences, I'm very sorry* – лексические средства вербализации социальной осведомленности,

которые обозначают эмпатию и сопереживание. Это свидетельствует о способности автора чувствовать и разделять эмоции других;

• *Who lose out* – использование пассивной конструкции является морфологическим средством выражения социальной осведомленности. В данном случае выражается акцент на страданиях гражданского населения;

• *The defenseless population* – использование суффикса *-less* является морфологическим средством вербализации социальной осведомленности и таким образом усиливает эмпатический эффект от сообщения, подчеркивая уязвимость жертв.

Автор данного комментария проявляет сочувствие к гражданским лицам, страдающим от конфликта, указывая на постоянный характер данной проблемы без категорических высказываний в чей-либо адрес.

Harry 🇺🇸

@harry_abidde

Propaganda machine isn't necessary. Peace is all that is needed.

Stop the war and aggression. Give peace a chance. I crave for peace.

2:28 PM · Mar 27, 2025 · 96 Views

• *Peace* – многократное использование лексической единицы с положительной коннотацией является лексическим средством выражения эмпатии;

• *I crave for* – четкое обозначение эмоциональной позиции с использованием эмоционально сильного глагола *to crave* (*стрстно желать, жаждать*) является лексико-морфологическим маркером социальной осведомленности.

В данном комментарии автор дает установку на мирное разрешение конфликта, не называя каких-либо условий для этого, чем показывает, что важнее мира для него ничего нет.

AndrewS

@ScentOf2stroke

Poor soul.

And of course there won't be any outcry in UN about it, but when there's some Western journos dead, the screeching is heard skyhigh.

Truth will be triumphant. Last three lies will be "i didn't knew, i am innocent, i had my orders"

1:30 PM · Mar 27, 2025 · 126 Views

• *Poor soul* – лексическое средство выражения сострадания и эмпатии, что является маркером социальной осведомленности.

• *There won't be any outcry in UN about it, but when there's some Western journos dead, the*

screeching is heard skyhigh – распознавание несправедливости и политики двойных стандартов с помощью противопоставления, что является лексико-синтаксическим средством вербализации социальной осведомленности. Однако данный фрагмент одновременно обладает такими признаками сарказма, как использование эмоционально заряженных лексических единиц *Western journos, the screeching*.

Данный комментарий обладает ограниченными характеристиками эмоционального интеллекта из-за резких переходов от сочувствия к сарказму и обобщениям.

Suvam Dutta Chowdhuri
@onesuvamnot2
Rest In Peace 🙏🕊
12:55 PM · Mar 27, 2025 · 112 Views

Короткий комментарий, выражающий сочувствие, которое является маркером социальной осведомленности и эмпатии. Также автор использовал эмодзи для невербального выражения эмпатии, потому как в христианской традиции сложенные ладони означают молитву, эмодзи «лицо, отдающее честь» в армейском контексте означает уважительное приветствие либо отдачу чести. Использование эмодзи показывает наличие у автора достаточного уровня эмоционального интеллекта, потому как в работе Велкера и Манхейма [Völker, Mannheim, 2021] была выявлена прямая корреляция между использованием эмодзи в цифровой коммуникации и эмоциональным интеллектом.

skrabcEU
@SkyJetNFT
seem like a soldier in uniform to me but hey we are so called neo nazis what do we know
5:03 PM · Mar 27, 2025 · 10 Views

Одновременно с этим используется фраза *hey we are so called neo nazis what do we know*, выражающая сарказм по отношению к основному высказыванию, хотя использование личных местоимений во множественном числе является способом создания чувства общности и солидарности и представляет собой морфологическое средство вербализации социальной осведомленности.

Walgor
@Walgor1
This is really sad. I liked Anna and her reports a lot. RIP Anna, you will always remain in our hearts.
11:02 PM · Mar 27, 2025 · 4 Views

- *RIP, Anna* – данная аббревиатура в англоязычной традиции означает выражение «покойся с миром», а использование имя собственного показывает не обезличенную скорбь вообще, а по отношению к конкретному человеку, что является высокой степенью соболезнования. В данном случае вербализация социальной осведомленности и эмпатии выражена путем использования синтаксической конструкции обращения и аббревиатуры, которая относится к лексической категории, потому как сохраняет лексическое значение.

Данный комментарий выражает персонифицированное сожаление без иронии и сарказма, без обвинений и оскорблений, что является признаком высокого эмоционального интеллекта.

@uljanova20221
This war must stop. It should not have started in the first place! That's all!
8:30 PM · Mar 27, 2025 · 12 Views

Использование пассивного залога служит морфологическим средством выражения социальной осведомленности и служит для акцентирования внимания на проблеме, а не на виновнике.

Вербальных средств, которые бы выражали такую характеристику эмоционального интеллекта как *управление отношениями*, выявить не удалось, что свидетельствует об определенном уровне эмоционального интеллекта у комментаторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация коммуникации позволяет коммуникантам легче выразить эмоции в цифровом пространстве, используя для этого вербальные и невербальные средства. Однако далеко не всегда выражение своих эмоций коррелируется с уровнем эмоционального интеллекта. Изучив комментарии к сообщению с официального канала МИД РФ в социальной сети X* (запрещена на территории Российской Федерации) в количестве 141 единица, выявили 104 комментария (73,76 %), которые не обладали характеристиками эмоционального интеллекта, 10 комментариев (7,09 %) обладали слабовыраженными характеристиками эмоционального интеллекта, 11 комментариев (7,8 %) проиллюстрировали выражение эмпатии с помощью невербальных средств выражения эмоционального интеллекта (GIF анимация, эмодзи, изображения), и только 16 комментариев (11,35 %) показали, что характеристики эмоционального интеллекта выражены на высоком уровне с помощью вербальных средств: лексических (40,63 %), синтаксических (21,88 %) и морфологических (37,50 %).

С помощью вербальных средств были выражены такие характеристики, как самосознание (19 %), саморегуляция (25 %), социальная осведомленность или эмпатия (56 %). Такая характеристика эмоционального интеллекта, как управление отношениями, не была выражена вообще. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что в современном политическом дискурсе дискуссия всё еще имеет неконструктивный характер, так как очень много комментариев не обладают признаками эмоционального интеллекта акторов дискурса. Очевидные признаки эмоционального интеллекта в комментариях – это социальная осведомленность

или эмпатия. Это может говорить о том, что коммуникантам легче выражать сочувствие к другим, чем управлять собственными эмоциями. Однако такая картина может быть продиктована контекстом сообщения, комментарии к которому были проанализированы. Современный политический медиадискурс обладает высоким потенциалом для изучения – с точки зрения использования в нем различных средств для вербализации эмоционального интеллекта – поскольку с учетом знаний об эмоциональном интеллекте медиаадресату легче ориентироваться в потоке информации, которая всё чаще становится эмоционально перегруженной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Salovey P., Mayer Jh. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition, and Personality*. 1990. Vol. 9. P. 185–211.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009. ISBN 978-5-17-039134-9.
3. Вронская И. В., Козина Е.Е. К проблеме развития эмоционального интеллекта старших дошкольников в процессе обучения английскому языку // *Современное дошкольное образование*. 2022. № 5 (113). С. 40–55. DOI 10.24412/1997-9657-2022-5113-40-55.
4. Долгополова Л. А., Саттарова М.Д. Функционирование эмотиконов в интернет-коммуникации // *Успехи гуманитарных наук*. 2023. № 7. С. 116–119.
5. Bulgarova B. A., Tabatabai S. Leveraging the power of internet memes for emotional contagion as effective strategy for environmental communication // *Litera*. 2023. No. 12. P. 281–305. DOI 10.25136/2409-8698.2023.12.69398.
6. Игнатова Е. С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор современных исследований // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2023. № 3. С. 365–381. DOI 10.17072/2078-7898/2023-3-365-381.
7. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2006. № 2. С. 20–33.
8. Костромин Д. Г., Желтухина М. Р. Особенности вербализации базовых эмоций в современном англоязычном политическом медиадискурсе // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024. № 3. С. 46–62. DOI 10.29025/2079-6021-2024-3-46-62.
9. Бондарева Н. В., Зеленская Л. Л., Желтухина М. Р. Экономическая лексика в онлайн-статьях социально-экономической направленности (на материале английского и русского медиадискурса) // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 1. С. 85–92. DOI 10.29025/2079-6021-2019-1-85-92.
10. Guseynova I., Gorozhanov A. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
11. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
12. Каменский М. В., Бредихин С. Н. Алгоритмические процедуры идентификации рекламных текстов в дискурсивном пространстве средств массовой информации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2025. Т. 24. № 1. С. 64–78. DOI 10.15688/jvolsu2.2025.1.6.
13. Денисова Г. В., Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023–2024 гг.) // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405.
14. Mayer J. D., Caruso D. R., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates // *Emotion Review*. 2016. Vol. 8. No. 4. P. 290–300. DOI 10.1177/1754073916639667.
15. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / 11-е изд., переработанное и дополненное. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. ISBN 978-5-00146-211-8.
16. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // *Psicothema*. 2006. Vol. 18. Suppl. P. 13–25.
17. Fernández-Berrocal P., Extremera N. Emotional intelligence: a theoretical and empirical review of its first 15 years of history // *Psicothema*. 2006. Vol. 18. Suppl. P. 7–12.

18. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М. 2009. С. 264–278.
19. Панкратова А. А., Корниенко Д. С., Люсин Д. В. Апробация краткой версии опросника ЭМИн // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 4. С. 822–834. DOI 10.17323/1813-8918-2022-4-822–834.
20. Андреева И. Н. Интегративная модель эмоционального интеллекта // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 125–133.
21. Желтухина М. Р. Коммуникативные технологии в формировании эмоционального интеллекта человека // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-3. С. 82–85.
22. Antonopoulou H. The Value of Emotional Intelligence: Self-Awareness, Self-Regulation, Motivation, and Empathy as Key Components // Technium Education and Humanities. 2024. Vol. 8. P. 78–92. DOI 10.47577/teh.v8i.9719.
23. Гончарова Н. А., Жидкова О. А. Эмоциональный интеллект и эмпатия в саморегуляции деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 107–120. DOI 10.17759/psylaw.2024140107.
24. Никольская А. В., Костригин А. А. Социальная осведомленность личности: понятие, факторы и механизмы изменения (на примере социальной проблемы бездомных животных) // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 274–289. DOI 10.32744/pse.2019.3.21.
25. Engle R., Nehrt C. Conceptual Ability, Emotional Intelligence and Relationship Management: A Multinational Study // Journal of Management Policy and Practice. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 58–72.
26. Völker J., Mannheim C. Tuned in on senders' self-revelation: Emojis and emotional intelligence influence interpretation of WhatsApp messages // Computers in Human Behavior Reports. 2021. No. 3. P. 100062. DOI 10.1016/j.chbr.2021.100062.

REFERENCES

1. Salovey, P., Mayer, Jh. (1990). Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, 9(3), 185–211. DOI 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.
2. Goleman, D. (2009). *Emotsional'nyy intellect = Emotional intelligence*. Moscow: AST. (In Russ.)
3. Vronskaya, I. V., Kozina, E. E. (2022). On the problem of developing emotional intelligence in older preschoolers in the process of learning English. *Preschool Education Today*, 5(113), 40–55. DOI 10.24412/1997-9657-2022-5113-40–55. (In Russ.)
4. Dolgoplova, L. A., Settarova, M. D. (2023). Functioning of emoticons in internet communication. *Modern Humanities Success*, 7, 116–119. (In Russ.)
5. Bulgarova, B. A., Tabatabai, S. (2023). Leveraging the power of internet memes for emotional contagion as effective strategy for environmental communication. *Litera*, 12, 281–305. DOI 10.25136/2409-8698.2023.12.69398. (In Russ.)
6. Ignatova, E. S. (2023). The relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies: a review of current research. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3, 365–381. DOI 10.17072/2078-7898/2023-3-365-381. (In Russ.)
7. Dobrosklonskaya, T. G. (2006). Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2, 20–33. (In Russ.)
8. Kostromin, D. G., Zheltukhina, M. R. (2024). Features of verbalization of basic emotions in modern English-language political media discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 46–62. DOI 10.29025/2079-6021-2024-3-46-62. (In Russ.)
9. Bondareva, N. V., Zelenskaya, L. L., Zheltukhina, M. R. (2019). Economic vocabulary in online articles of socio-economic orientation (based on English and Russian media discourse). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 85–92. DOI 10.29025/2079-6021-2019-1-85-92. (In Russ.)
10. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
11. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
12. Kamensky, M. V., Bredikhin, S. N. (2025). Algorithmic Procedures of Identifying Advertisement Texts in Mass Media Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 24(1), 64–78. DOI 10.15688/jvolsu2.2025.1.6. (In Russ.)
13. Denissova, G. V., Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Ambisemia in the translation of ecological lexicon (based on the material of German-language newspaper discourse 2023–2024). *Terra Linguistica*, 15(4), 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405. (In Russ.)

14. Mayer, J. D., Caruso, D. R., Salovey, P. (2016). The ability model of emotional intelligence: Principles and updates. *Emotion Review*, 8(4), 290–300. DOI 10.1177/1754073916639667.
15. Goleman, D. (2021). *Emotsional'nyy intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ = Emotional intelligence: Why it can matter more than IQ*. 11th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
16. Bar-On, R. (2006). The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). *Psicothema*, 18(Suppl.), 13–25.
17. Fernández-Berrocal, P., Extremera, N. (2006). Emotional intelligence: A theoretical and empirical review of its first 15 years of history. *Psicothema*, 18(Suppl.), 7–12.
18. Lyusin, D. V. (2009). Questionnaire on emotional intelligence Emln: new psychometric data (pp. 264–278). In *Sotsial'nyi i ehmtsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam = Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurements* (pp. 264–278). Moscow. (In Russ.)
19. Pankratova, A. A., Kornienko, D. S., Lyusin, D. V. (2022). Testing a short version of the Emln questionnaire. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(4), 822–834. DOI 10.17323/1813-8918-2022-4-822-834. (In Russ.)
20. Andreeva, I. N. (2019). Integrative model of emotional intelligence. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 1, 125–133. (In Russ.)
21. Zheltukhina, M. R. (2022). Communication technologies in the formation of human emotional intelligence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 76(3), 82–85. (In Russ.)
22. Antonopoulou, H. (2024). The value of emotional intelligence: Self-awareness, self-regulation, motivation, and empathy as key components. *Technium Education and Humanities*, 8, 78–92. DOI 10.47577/teh.v8i.9719.
23. Goncharova, N. A., Zhidkova, O. A. (2024). Emotional intelligence and empathy in the self-regulation of law enforcement officers. *Psychology and Law*, 14(1), 107–120. DOI 10.17759/psylaw.2024140107. (In Russ.)
24. Nikolskaya, A. V., Kostrogina, A. A. (2019). Social awareness of the individual: Concept, factors and mechanisms of change (on the example of the social problem of homeless animals). *Perspectives of Science and Education*, 3(39), 274–289. DOI 10.32744/pse.2019.3.21. (In Russ.)
25. Engle, R., Nehrt, C. (2011). Conceptual Ability, Emotional Intelligence and Relationship Management: A Multinational Study. *Journal of Management Policy and Practice*, 12(4), 58–72.
26. Völker, J., Mannheim, C. (2021). Tuned in on senders' self-revelation: Emojis and emotional intelligence influence interpretation of WhatsApp messages. *Computers in Human Behavior Reports*, 3, 100062. DOI 10.1016/j.chbr.2021.100062.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костромин Дмитрий Геннадьевич

аспирант Пятигорского государственного университета

ассистент кафедры языковой подготовки и профессиональной коммуникации

социально-гуманитарного факультета Приазовского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostromin Dmitry Gennadievich

PhD Student, Pyatigorsk State University

Lecturer at the Department of language education and professional communication

Faculty of social sciences and humanities

Priazovskiy State Technical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.08.2025
21.09.2025
05.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373: 811.133.1

Терминология военной авиационной техники французского языка в синхронии и диахронии

В. Г. Кузнецов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vgk.avamo@mail.ru

Аннотация. В статье впервые исследуется образование терминов военной авиационной техники во французском языке с позиции когнитивного и диахронического терминоведения. Материалом исследования послужили этимологические и исторические словари, литература по истории французской авиации, технические руководства. Выделены основные этапы истории развития французской авиации в аспекте терминообразования. Установлено, что термины этого рода войск восходят к латинским, галльским, германским, романским и греческим этимонам. Результаты исследования имеют лексикографическую и дидактическую значимость.

Ключевые слова: авиационная терминология, когнитивное терминоведение, диахроническое терминоведение, терминологические подсистемы авиационной техники, история военной авиации Франции, структура военно-космических войск Франции

Для цитирования: Кузнецов В. Г. Терминология военной авиационной техники французского языка в синхронии и в диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 60–67.

Original article

Terminology of Military Aircraft Equipment of the French Language in Synchrony and Diachrony

Valeriy G. Kuznetsov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vgk.avamo@mail.ru

Abstract. The article explores for the first time the formation of terminology of military aviation in French from the perspective of cognitive and diachronic terminological studies. The material of the study was collected from etymological and historical dictionaries, literature on the history of French aviation, technical manuals. The study highlighted the main stages of evolution of French aviation from the point of view of formation of its terminology. It was determined that terminology of this branch of the armed forces dated back to Latin, Gallic, Germanic, Roman and Greek etymons. The results of research have lexicographic and didactic significance.

Keywords: aircraft terminology, cognitive terminological studies, diachronic terminological studies, aviation terms subsystems, history of military aviation of France, structure and composition of the French Air and Space forces

For citation: Kuznetsov, V. G. (2025). Terminology of military aircraft equipment of the French language in synchrony and diachrony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 60–67. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В литературе встречаются различные определения термина, которые можно унифицировать: термином является лексема, номинирующая денотат специальной области деятельности или знания. «Все слова специальной лексики имеют повышенную денотативную направленность, поскольку они создаются для именования специальных денотатов» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2023, с. 33]. По сравнению с другими родами войск авиация является относительно молодой – ее зарождение датируется началом прошлого века. Темой исследования является влияние внешних факторов – развитие авиационной техники и военной стратегии – на терминотворчество в этом роде войск. Такой подход соответствует современному направлению терминоведения – когнитивному, основателями которого являются В. Ф. Новодранова и Е. И. Голованова [Голованова, 2011]. Данное исследование является своевременным, принимая во внимание интенсивное развитие авиационной военной техники. В качестве примера можно привести активное использование в военных действиях беспилотных летательных аппаратов – дронов. До настоящего времени исследование французской военной авиационной терминологии в синхронии и диахронии не проводилось. Диахронный подход имеет целью установить этимологию термина и тип семантического изменения этимона в направлении его специализации.

ПЕРВЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ ВО ФРАНЦИИ

Древнегреческий миф о Дедале, который смастерил крылья для себя и для своего сына Икара, чтобы бежать от смертельной опасности, свидетельствует о том, что люди издавна мечтали летать подобно птицам. Об этом писали Гомер и Аристотель. Представляет интерес разработанные в 1480-х годах да Винчи чертежи летательного аппарата с вертикальным взлетом и посадкой – вертолета. А первая в мире модель вертолета была разработана М. В. Ломоносовым, которую, по праву, можно считать прообразом современного вертолета.

Первые попытки подняться в воздух подробно описаны малоизвестным в нашей стране французским писателем, кавалером ордена Почетного легиона Габриэлем де Лаланделем (1812–1888) в книге «Авиация или воздушная навигация» (1863) [De La Landelle, 1983]. Лаландель прозорливо предвидел бурное развитие авиационной техники. А всё началось с полетов на сконструированных крыльях, приводимых в движение мускульной силой.

Первыми летательными аппаратами были непилотируемые воздушные шары – *ballon* (заимств. из итал. диал. *ballone*). Переломным в развитии пилотируемых шаров стал 1783 год благодаря братьям Монгольфье Жозеф-Мишеля и Жака-Этьенна. Их изобретательность – наполнение шара водородом – имела большой успех. Публичная демонстрация такого аппарата состоялась 5 июня 1783 года. А пилотируемый полет на воздушном шаре с экипажем в составе физика Ж.-Ф. Пилатро де Роз и маркиза Ж. Л. д'Ала состоялся 21 ноября 1783 года в Париже. В конце XVIII века полеты на воздушном шаре стали даже модным увлечением. Этот шар получил название *aerostat*, образованное путем сложения двух греческих слов: *aër* (воздух) и *statos* (стоящий). Основное отличие аэростата от воздушного шара – изменяемый объем оболочки и наличие гондолы. Гондола получила название от слова латинского языка *nacelle*, которое в средневековой латыни имело формы *navicella*, *noucella*, уменьшит. от *navis* – лодка и употреблялось в значении «маленькая весельная лодка, без паруса». Пилот аэростата получил название *aéronaute* (1784) от греч. *aër* – воздух и *nautēs* – матрос. В этот период возникли термины, образованные на основе деривации: существительное *aérostation* (1784) – конструирование и управление аэростатами, прилагательные *aéronautique* (1784) – относящееся к воздухоплаванию и *aérostatique* (1783) – относящееся к аэростатам и воздухоплаванию. Пилота военного аэростата называли также *aérostier*. Франция является не только страной-пионером в области воздухоплавания, ей принадлежит также первенство в использовании аэростатов в военных целях. К 1794 году была сформирована первая аэростатная рота наблюдения. 1863 годом датировано существительное *aéronef* – термин с родовым значением: аэростаты и самолеты – от греч. *aër* (воздух) и старофр. *nef* (корабль).

В 1852 году Анри Жиффар построил первый дирижабль (*dirigeable*, эллипсис от *ballon dirigeable*) и стал первым в истории человеком, которому удалось совершить на нем полет. Дирижабль представлял собой аэростат сигаровидной формы, оснащенный воздушным винтом (пропеллером), приводимым в движение паровой машиной (*hélice* заимств. из лат. *helix* – спираль, слово греческого происхождения). Вначале слово применялось для обозначения гребного винта судов. Затем на основе функционального сходства – воздушного винта дирижаблей и самолетов. В 1883 году авиаконструктор Шарль Ренар сконструировал дирижабль с электромотором. Перед Первой мировой войной на вооружении французской армии было семь дирижаблей.

ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ АВИАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Зарождением авиации во Франции следует считать начало 1900-х годов. Работа над конструированием самолетов началась в 1905 году и к 1909 году инженеры Ф. Фарман, Г. Вуазен, Эсно-Пельтри, Блерио и Сантос-Дюмон разработали более 20 различных по конструкции летательных аппаратов. А первый полет совершил Луи Блерио в 1909 году. В 1911 году вошло в употребление название для летательного аппарата тяжелее воздуха – *avion*. Само слово *avion* появилось гораздо раньше – в 1875 году. Его создателем считается французский изобретатель Клеман Адер (1841–1925), совершивший 9 октября 1890 года первый неуправляемый полет на самолете собственной конструкции. В качестве силовой установки использовалась паровая машина. Название летательного аппарата образовано от лат. *avis* – *птица*. Как будет показано ниже, названия многих деталей корпуса самолета восходят к наименованиям частей тела птицы. Адер издал в 1909 году пользовавшийся большой популярностью труд «L'Aviation militaire», в котором спрогнозировал воздушную войну и концепцию авианосца.

Ранее 1863 года датируется термин *aviation*, созданный упоминавшимся выше писателем Г. Лаланделем, который внес большой вклад в пропаганду воздухоплавания. Его энтузиазм вызвал восхищение В. Гюго. Первый гидросамолет был построен в 1910 году французским инженером Анри Фабром. Он получил название *hydravion*. Название *hydravion* является сложным словом. Первая часть представляет собой греческий элемент *hydōr* – *вода*.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ

Самой первой подсистемой авиационной терминологии следует считать термины, обозначающие основные части самолета. Поскольку мотивацией для создания самолетов была способность птиц летать, многие термины представляют собой метонимизацию лексики, номинирующей части тела птиц. Крылья – *ails* от лат. *ala*, элерон (элемент крыльев самолета, предназначенный для управления) – *aileron m.* от *aleron* – *край крыла птицы, ala* – всё, что относится к крылу. Крыло – одна из основных частей в конструкции самолета. Оно обеспечивает подъемную силу. Крылья первых самолетов изготавливались из легкого полотна, натянутого на деревянный каркас. Революцию в авиастроении произвел дюралюминий, получивший образное название «крылатый металл». Представляет

интерес происхождение названия этого металла. *Duralumin* (сокр. *dural*, 1909) – от названия города *Düren* в Германии, где был изобретен этот сплав.

Каркас крыла – *charpente f.* (конец XVI века) от вульг. лат. (1175) **carpentare* от лат. *carpentum* – *двухколесная повозка*, слово галльского происхождения – представляет собой металлическую или композитную раму, придающую крылу прочность и жесткость. Силовой набор крыла самолет (*ossature f.* (1801) от *os*, лат. *ossum* – *кость*) включает лонжероны, стрингеры, нервюры, обшивку, шпангоуты. Лонжерон – продольные балки, которые воспринимают изгибающий момент и поперечную силу. *Лонжерон* переводится на французский язык однословным термином *longeron m.* и терминологическим словосочетанием *poutre f. longitudinale*. Первый термин первоначально (1280) обозначал «опорную станину мельницы». *Poutre* представляет собой метафорическую номинацию и восходит к ст.-фр. *pouter* в значении «молодая кобыла», нар. лат. **pullitra* – *детеныш животного*. Стрингер – продольная балка, элемент силового компонента самолета, который связан с нервюрами и обшивкой крыла или шпангоутами. Термин *стрингер* имеет во французском языке два эквивалента: *lisse f.* и *serre f.*, которые представляют собой специализацию морского термина сходного значения. *Нервюра* (*nervure f.* от лат. *nervus* – *жила, сухожилие*) – элемент поперечного каркаса крыла или оперения, предназначенный для придания им формы профиля поперечного сечения. Обшивка (*revêtement m.*, специализация общего значения) герметизирует крылья. *Шпангоут* – основной поперечный элемент силового набора самолета, обеспечивает форму и жесткость. Этот термин имеет во французском языке три эквивалента: *couple m.*, *membre m.* и *cadre m.* *Couple*, лат. *copula* – *связь, связанность*, первоначально употреблялся в морском деле (1643). *Membre*, лат. *membrum*, также перешел в авиационную терминологию из морского дела. *Cadre*, ит. заимст. *quadro* – *квадрат*, лат. *quadrus*, представляет собой конкретизацию употребления *cadre* в широком, родовом значении «силового набора».

Подкрылок – *volet m. d'intrados à recul*, *volet m. Fowler* – по имени изобретателя, американского инженера Харлана Фаулера (1895–1982). *Закрылок* – *volet de courbure*, служит для уменьшения взлетной и посадочной дистанции и снижения скорости при заходе на посадку. *Предкрылок* – *bec m. de bord d'attaque*, *bec* от лат. *beccus*, слово галльского происхождения. Оба термина, как и многие авиационные термины, с точки зрения номинации представляют собой специализацию значения слов общего языка. Прием специализации является чаще всего метонимия, основанная на разных связях предметов и явлений.

Части крыльев предназначены для управления креном самолета. Крен самолета – это боковой наклон, другими словами, поворот вокруг его продольной оси. Крен характеризуется определенным углом и скоростью. Маневры крена используются при разворотах (*virage m.* (1900) от глагола *vire*, народ. латынь (XII в.) **vivare*, от *vibrare* – *вертеть, крутить*). Первоначально термин *virage* использовался в морском деле, затем на основе сходства этого маневра стал использоваться в авиации. Такие случаи довольно многочисленны. Помимо разворота крен используется при заходе на посадку – *atterrissage m.* (XX в.), от глагола *atterrir*. Тангаж – *продольный крен*, представляет собой угол между горизонтом и продольной осью самолета. На французский передается однословным термином *tangage m.* и словосочетанием *assiette f. longitudinale*. Первый термин образован путем метонимизации на основе сходного перемещения в пространстве: морской термин килевая качка. Термин-словосочетание обладает прозрачной внутренней формой: *assiette* – *посадка судна*.

Угол крена номинируется двумя терминологическими словосочетаниями: *degré m. de bande* и *angle m. d'inclinaison*, *bande* от прованс. *banda* – *бок*, восходит к герм. *bandwa*; *inclinaison f.* от ст.-фр. глагола *приветствовать наклоном*, лат. *inclinare* – *клониться к ч.-л.* Сервокомпенсатор – *flettner m.*, англ. заимст., восходит к франк. **flat* – *плоский*; *servo-compensateur m.*, *servo* от лат. *servus* – *раб, подчинение*, *compensateur* от глагола *compenser* (XVI в.) – *уплачивать долг*, лат. *compensare*, корень *pensare* – *взвешивать*. Это устройство представляет собой отклоняемую поверхность в хвостовой части элерона, работающую автоматически. Триммер – небольшая отклоняющаяся поверхность в хвостовой части элерона. Во французском языке триммер имеет два эквивалента: *tab m.*, англ. заимст. неустановленного происхождения, *trim m.* предпол. от ср.-англ. *trimmen* (не засвидетельствовано), др.-англ. *trymman, trymian* – *усиливать, укреплять*.

Важная часть самолета – фюзеляж – *fuselage m.* (1922) от *fuselé* – *веретенообразный*, номинация на основе сходства формы. К фюзеляжу крепятся крылья, оперение, шасси и другие системы самолета. В военно-транспортных самолетах, имеющих большой вырез в фюзеляже, для его жесткости и прочности применяются *бимсы* – балки коробчатого сечения. Этот термин имеет во французском языке два эквивалента: *barrot m.* (1323), от *barre* – *брус, поперечина*, термин морского дела, стал употребляться в авиации на основе сходства конструкции, и *bau m.*, от франк. *balk* – *балка, брус*, тот же источник номинации.

Шасси передается на французский язык словосочетанием *train m. d'atterrissage*: *train* (XII в.) от

глагола *trainer*, нар. лат. **traginare*, от **tragere* – *тянуть*, существительное прошло несколько стадий семантического развития прежде чем приобрести специальное значение; *atterrissage m.* (1835), первоначально морской термин «причаливание», от глагола *atterrir* (1686), производного от *terre* – *земля*; в современном значении лексема стала употребляться в конце XVIII века с появлением аэростатов. Приоритет конструирования шасси принадлежит французскому инженеру Андре Лозанжу (André Losange), который в 1910 году сконструировал шасси, состоящее из двух полозьев. Однако современные убирающиеся шасси – *escamotable* (1948), от глагола *escamoter*, *escamar*, от лат. *squama* (*створка раковины*) – появились только через четверть века в США.

Отдельную подсистему составляет **терминология подъемной силы**: *sustentation f.* (1911) – *подъемная сила*, от лат. *sustentatio* – *поддержание равновесия*. Имеет место расширение значения. Также прилагательное *sustentateur* – *обеспечивающий равновесие*. Термин более позднего образования *portance f.* (1940), от глагола *porter* (конец XIV века) – *вертикальная составляющая аэродинамических сил*. В значении *подъемная сила* также употребляются термины *poussée f.* и *voilure f.* – *совокупность несущих поверхностей самолета*.

Хвостовое оперение – *empennage m.* Образовано путем конверсии от глагола *empennner* (1080) – *оперять (стрелу)*. Имеет место расширение и специализация значения. Оперение самолета – аэродинамические поверхности для обеспечения устойчивости и управления в полете. Различают оперение вертикальное: киль – *dérive f.*, *plan de dérive*, транспозиция глагола *dériver* (1120) от лат. *derivare*, от *rivus* – *ручей* и *руль направления* – *gouvernail m. de direction* от лат. (XII в.) *gubernaculum* – *весло*. Специализация значения. Оперение горизонтальное: *стабилизатор* – *stabilisateur m.* (1877) от лат. *stabilis* (корень *stare* – *стоять*) и *руль высоты* – *gouvernail m. de profondeur*.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ САМОЛЕТОМ (*Organes de commande de l'avion*)

- *Штурвал* – *gouvernail m. (de commande), manche f. de pilote* (в значении «рукоятка инструмента» зарегистрировано в XII веке, от народ. лат. *manicus*, лат. *manus* – *рука*).
- *Руль высоты* – *gouvernail m. d'altitude: altitude f.* (1485), лат. *altitudo*, в современном значении «высота над уровнем моря» с 1845 года.
- *Педаль руля управления* – *pédale f. du gouvernail: pédale* (1560), от итал. *pedale*, народ. лат. *pedale*, лат. *pes, pedis* – *нога*.
- *Рычаг тяги* – *levier m. de poussée (de propulsion): levier m.* (1160), от глагола *lever* – *поднимать*;

poussée f. (1611), от глагола *pousser* – толкать; *propulsion* (1836), от лат. причастия *propulsus*, инфинитив *propellere* – толкать перед собой.

- *Дроссельная заслонка* – *papillon m. d'étranglement*: *papillon* (1275), от лат. *papilla* – бабочка, специализация значения на основе внешнего сходства; *étranglement* (1718), мед. сужение, сжатие, специализация на основе сходства действия с дросселированием.
- *Пилотажный прибор* – *instrument m. de pilotage*: *instrument* (1200), от лат. *instrumentum*). Прибор показывает положение самолета в пространстве, скорость, высоту, вертикаль, курс.
- *Навигационный дисплей* – *display de navigation*: *display*, англ. заимст., ср.-англ. *displayen* – выставлять, показывать, восходит к ст.-фр. *despleiter*, средневек. лат. *displiciare*; *navigation* (1265), лат. *navigatio*, первоначально термин морского дела.

БОРТОВОЕ ОБОРУДОВАНИЕ САМОЛЕТА (*Instruments de bord*)

Бортное оборудование обеспечивает экипаж данными, необходимыми для выполнения полета. Это важное оборудование самолета значительно расширилось и усовершенствовалось по сравнению с 40-ми годами, проделав путь от простой радиосвязи до радиоэлектронного противодействия (РЭП) – нарушение функционирования радиоэлектронных средств противника с помощью радиопомех: *brouillage m. électronique*, *brouillage*, первоначальное значение (1573) «путаница, смешение», спец. значение с 1940 года.

В состав бортового оборудования самолета входят следующие системы:

Приборы измерения параметров полета

- *Высотомер* – *altimètre m.* (1922), средневек. лат. *altimeter* от *altus* – высокий.
- *Указатель скорости* – *indicateur m. de vitesse*, *vitesse* f. (1536), до этого употреблялось в значении «ловкость».
- *Вариометр* (прибор, показывающий изменение высоты полета) – *variomètre m.* (1924), от лат. *vario* – изменять.
- *Гирокоп* (прибор, позволяющий стабилизировать полет и контролировать положение самолета относительно горизонта) – *gyroscope m.* от древнегр. *gyros* – круг и *skopos* – наблюдатель. Этот термин ввел в 1852 году французский физик Ж. Фуко в своем докладе во Французской академии наук, посвященном способам экспериментального обнаружения вращения Земли в инерционном пространстве.

- *Анемометр* (прибор для измерения силы и направления ветра) – *anémomètre m.* (начало XVIII в.), от греч. *anemos* – ветер и *metron* – мера.

АВТОНОМНЫЕ ПИЛОТАЖНО-НАВИГАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ (*Systèmes de pilotage et de navigation autonomes*)

- *Радиовысотомер, радиоальтиметр* – *radio-altimètre m.* (1938), *radio* (1923), от лат. *radius* – луч.
- *Система метеолокации* (используется для определения погодных условий) – *système de météorologie* (30-е гг. XX в.), *météorologie* от др.-греч. *meteoros* – небесное явление и *logos* – рассуждение. Основателем является великий древнегреческий философ и естествоиспытатель Аристотель.
- *Система предотвращения столкновения в воздухе и раннего приближения к земле* – *système anti-collision dans l'air et d'alarme avancée de l'approche de la terre, collision* (XIV в.) от лат. *collisio*; *alarme* (XIV в.), ит. *all'arme* – к оружию!
- *Автомат* – *autopilote m.* (первые разработки относятся к 1912 году), от греч. *autos* – сам и фр. *pilote* – руководитель, вожак; морск. лоцман. Этот термин стал употребляться в авиации на основе сходства функций.

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СПАСЕНИЯ ВОЕННЫХ ПИЛОТОВ (*Moyens techniques de sauvetage des pilotes de guerre*)

Существуют три средства спасения: парашют, катапульты и спасательная капсула.

- *Парашют* – *parachute m.* (1777) от *para*, в значении «предохранять от ч.-л.» и *chute* – падение.

Идею конструирования парашюта сформулировал еще Леонардо да Винчи. А впервые применил это средство на практике Жан Пьер Бланшар, который в 1785 году спасся, когда во время полета лопнула оболочка воздушного шара. Первые авиационные парашюты появились перед Первой мировой войной во Франции и в России. К середине 20-х годов парашюты стали вводиться в ВВС различных стран как обязательное штатное снаряжение.

Устройство парашюта. Основные элементы

- – *основной купол* (два эквивалента) – *coupole m.* (1666) *principal*, лат. *cupula* – маленький куб; *voilure* f. – морск. парусность, специализация значения, от *voile* (1160), лат. *velum* – штора;

- *Вытяжной парашютом* (разг. медуза) – *parachute extracteur, fuseau m.* (XII в.), лат. *fusus* – веретено, в русском и французском языках метонимизация на основе сходства по форме, но внутренняя форма различна.
- *Запасной купол* – *parachute de secours*.
- *Подвесная система и ранец* (два эквивалента) – *suspente f.* (1803), от ст.-фр. *souspendre*, первоначально в морском деле в значении «борг» (подвеска реи); *harnais m.*, от др.-сканд. *her-nest, первоначальное значение во французском языке – «конская сбруя, упряжь».
- *Катапультируемое кресло* – *siège m. éjectable* (1956) от глагола *éjecter*, лат. *ejectare* – *отбрасывать наружу*. Это кресло вместе с пилотом выстреливается при помощи реактивного двигателя (*moteur-fusée*), порохового заряда (*charge à poudre*) или сжатого воздуха (*air comprimé*). После катапультирования кресло автоматически отбрасывается, а пилот спускается на парашюте. Реже применяются катапультируемые аварийно-спасательные капсулы и кабины – *capsules / cabines d'urgence de sauvetage*, опускающиеся на парашютах вместе с находящимися внутри членами экипажа самолета.

АЭРОДРОМНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЕТОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЕННЫХ АЭРОДРОМОВ

- *Военный аэродром* – *aérodrome m., terrain d'aviation: aérodrome* (1907), от нидерл. *-drome* – *буй-реп* (трос, соединяющий буй с якорем корабля). *Базовый аэродром* – *aérodrome-base*.
- *Оперативный аэродром* – *aérodrome d'opérations*.
- *Аэродром рассредоточения* – *aérodrome de dispersion*.
- *Запасной аэродром* – *aérodrome de secours: secours m.*, лат. *securum* (1080), от *succurrere*.
- *Учебный аэродром* – *aérodrome d'entraînement: entraînement m.* (1828), от глагола *entraîner*.
- *Взлетно-посадочная полоса* – *piste f. d'envol et d'atterrissage: piste* (1850) заимст. из ит. *pista*, средневек. лат. *pistare*, класс. лат. *pinsare*; *envol m.*, по аналогии с птицами.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

1900–1914 – Зарождение военной авиации

В течение первого десятилетия XX века Франция была в авангарде развития авиации. ВВС Франции были созданы в составе французской армии в 1910 году под названием *Aéronautique militaire*. В 1920-е годы ВВС Франции были крупнейшими в мире.

1914–1918 – Первая мировая война

В боях успешно участвовали разные типы самолетов – истребители, бомбардировщики, разведывательные. Мастеров воздушного боя, первоклассных военных летчиков стали называть *асами* (*as*, ранее эта лексема употреблялась в значении «туз» – старшая карта в колоде в карточной игре). Пилоты, отличившиеся в боях, рисовали на крыльях своих самолетов карточные тузы. Новое значение слова *as* развилось на основе сходства по значимости. Французская лексема была заимствована русским, английским (*ace*), испанским (*as*) и итальянским (*asso*) языками.

1918–1939

В 1920-е годы ВВС Франции были крупнейшими в мире. Годом создания Военно-воздушных сил Франции (*Armée de l'Air*) как самостоятельного рода войск является 1934. Были предприняты усилия по модернизации самолетов. Тем не менее французское военное авиастроение отставало от немецкого.

1939–1945 – Вторая мировая война

Из-за оккупации Франции фашистской Германией в авиастроении был застой. В 1940 году по инициативе генерала Шарля де Голля с целью борьбы за освобождение Франции были организованы Свободные французские военно-воздушные силы (*Forces Aériennes Françaises Libres, FAFL*). Символом этих вооруженных сил, отличавшим их от предательского режима Виши, был Лотарингский крест (*Croix de Lorraine*) – геральдическая фигура, крест с двумя поперечинами.

После окончания войны началось воссоздание военной авиации. Большая часть французских самолетов базировалась на авианосцах, которые сдали в аренду Великобритания и США. В конце 50 – начале 60-х годов были построены два авианосца – терминологическое словосочетание *porte-avions m.* (1921) – «Клемансо» (1957) и «Фош» (1960). Послевоенный период озаглавлен зарождением и развитием реактивной авиации (*aviation à réaction*). Первый палубный реактивный истребитель французского производства «Этандар IV» (*Étendart IV*) поднялся в воздух в 1956 году. В начале 1990-х годов началось производство палубных истребителей «Рафаль» (*Rafale*). Главным производителем авиационной техники во Франции является аэрокосмическая компания *Dassault Aviation*, основанная в 1929 году Марселем Дассо. Она производит все типы военных самолетов:

многоцелевые истребители, истребители-бомбардировщики, бомбардировщики, самолеты-разведчики. Все типы самолетов носят название *Mirage*. О больших успехах специалистов компании свидетельствует выпуск в 1969 году экспериментального экземпляра истребителя с изменяемой геометрией крыла *Mirage G (chasseur à géométrie variable)*. Основное достоинство самолетов этой конструкции – хорошие взлетно-посадочные характеристики (*performances de décollage et d'atterrissage*), прежде всего высокий коэффициент подъемной силы: *portance f.* (1940), восходит к среднефр. конца XIV века *action de porter* – действие по значению глагола *porter* – поднимать, лат. *portare*, произошла специализация значения.

12 сентября 2020 года официально объявлено о переформировании ВВС в Воздушно-космические силы в связи с расширением функций и новыми задачами этого рода войск.

СТРУКТУРА ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКИХ СИЛ (ВКС) ФРАНЦИИ (*Structure et composition des Forces militaires aérospatiales de la France*)

ВКС Франции состоят из шести авиационных и вспомогательных бригад (*brigade f.* заимст. из ит. *brigata*):

- *Бригада истребительной авиации* – *Brigade aérienne de l'aviation de chasse (BAAC)*.
- *Бригада военно-транспортной авиации* – *Brigade aérienne d'appui et de projection (BAAP)*.
- *Бригада контроля воздушного пространства, связи и РЭБ* – *Brigade aérienne de contrôle de l'espace (BACE)*.
- *Бригада сил охраны и безопасности* – *Brigade aérienne des forces de sécurité et d'intervention (BAFSI)*.
- *Бригада систем авиационного вооружения* – *Brigade aérienne des systèmes d'armes aériens (BASAA)*.
- *Бригада обеспечения действий авиации* – *Brigade aérienne d'appui à la manœuvre aérienne (BAAMA)*.

Авиация Франции состоит из эскадр (*escadrons*, заимст. из ит. (конец XV в.) *squadron*, первоначальное

значение – войсковая единица в кавалерии), которые состоят из звеньев (*escadrilles*, заимст. из исп. в XVI в.) в значении «войско», первоначально употреблялось в морском деле и означало «эскадра, состоящая из легких кораблей»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Номинация терминов авиационной военной техники имеет свои особенности. В качестве методического приема исследуется влияние внешних факторов на их формирование. Среди этих факторов ведущее место занимают создание новых типов летательных аппаратов, совершенствование военной стратегии. Изучение этимологии термина позволяет установить время его происхождения, первоначальное значение, тип семантических изменений в плане специализации. Поскольку стимулом для создания самолетов была способность птиц летать, многие термины первоначального этапа формирования представляют собой метонимизацию лексики, номинирующей части тела птиц. Само название летательного аппарата образовано от лат. *avis* (птица). К наименованиям частей тела птицы восходят названия многих деталей корпуса самолета.

Установлено, что большинство терминов авиационной военной техники восходят к латинским, франкским, галльским, романским, реже – к германским и греческим этимонам. Заимствования из английского языка относятся к более позднему периоду. В отличие от русских эквивалентов встречаются случаи, когда французский термин номинируется двумя синонимами. В случае узкоспециальных терминов используется метод дефиниций, предназначенный для читателя-неспециалиста. Ряд авиационных терминов представляет собой специализацию терминов морского дела на основе функционального сходства. Более позднее происхождение имеют терминологические словосочетания. У них есть определенные преимущества – по сравнению с однословными терминами – в когнитивном плане они являются в большей мере мотивированными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Ленанд, 2023.
2. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2011.
3. De La Landelle G. Aviation ou navigation aérienne. Paris: E. Dentu, 1863.

REFERENCES

1. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilieva, N. V. (2023). Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii = General terminology: Questions of the theory. Moscow: Lenand. (In Russ.)

2. Golovanova, E. I. (2011). Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie = Introduction to cognitive terminological studies. Moscow: Flinta. (In Russ.)

3. De La Landelle, G. (1863). Aviation ou navigation aérienne. Paris: E. Dentu.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Валерий Георгиевич

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Valeriy Georgeevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81:159.95+811.112.2

Ординальная сравнительная модель с антропонимом в современном немецком языке

В. А. Куликова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val.kulikova@hotmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокогнитивного механизма сравнения как вторичной интерпретации на материале немецкого языка. Цель работы — выделить и описать особенности рекуррентной лингвокогнитивной сравнительной модели с единичным антропонимом A1 = un/bA Oa A2, представляющей частный случай антономасии и имеющей ординальный характер. Для достижения цели применяются структурно-семантический и контекстуальный анализ, а также лингвокогнитивное моделирование. В результате исследования представлена лингвокогнитивная сравнительная модель, описаны дифференциальные признаки антропонимов-эталонов, участвующих во вторичной номинации.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, антономасия, вторичная языковая интерпретация, вторичная номинация, антропоним, эталон

Для цитирования: Куликова В. А. Ординальная сравнительная модель с антропонимом в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 68–74.

Original article

Ordinal Comparative Model with an Anthroponym in the Modern German Language

Valeriya A. Kulikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val.kulikova@hotmail.com*

Abstract. The article focuses on the study of the linguocognitive mechanism of comparison as secondary language interpretation on the material of the German language. The purpose of the work is to identify and describe the features of the recurrent linguacognitive comparative model with a unique anthroponym A1 = un/bA Oa A2, which represents a special case of antonomasia and has ordinal nature. To achieve the aim, structural-semantic and contextual analysis, as well as linguacognitive modeling are used. As a result of the study, a new linguacognitive comparative model was presented, the differential features of paragon-anthroponyms participating in secondary nomination were described.

Keywords: comparison, comparative construction, antonomasia, secondary language interpretation, secondary nomination, anthroponym, paragon

For citation: Kulikova, V. A. (2025). Ordinal comparative model with an anthroponym in the modern German language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 68–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современный подход к исследованиям характеризуется целостностью ставших уже традиционными теорий и их нового изложения с учетом научной трансдисциплинарности. Лингвистика сегодня представляет собой одну из приоритетных областей человеческого знания, что объясняется, с одной стороны, тем, что все виды знания фиксируются в языке, а с другой стороны, тем, что язык формирует разные формы общественного сознания [Маслова, 2021]. Именно интегративный подход позволяет получать новые знания о взаимосвязи языка и сознания – одной из ключевых проблем современной когнитивистики.

Так, например, внимание исследований когнитивной и антропологической лингвистики сосредоточено на проблеме передачи знаний о внешнем мире и выявлении механизмов формирования и интерпретации смыслов. Базовым когнитивным механизмом выступает в данном случае *сравнение* как неотъемлемая часть познавательного процесса, направленного на категоризацию окружающей действительности, в том числе в языковой форме.

Лингвокогнитивная категоризация представляет собой некий специфический для разных лингвокультур, но универсальный по своей природе динамически организованный многоуровневый процесс получения, структурирования и вербализации особым образом информации, получаемой извне, обобщенный в виде лингвокогнитивных категорий, обладающих определенным набором существенных признаков [Дзюба, 2015; Кубрякова, 2004].

Объектами лингвокогнитивной категоризации выступают и *антропонимы*, особые языковые единицы, обслуживающие понятийную сферу «характеристика и деятельность человека» [Гулыга, Шендельс, 1969]. Как и другие единицы, антропоним способен предоставить доступ к структурам человеческого сознания и принципам номинации. Благодаря тенденции к концептуальному усложнению антропоним широко представлен в процессах категоризации, а именно в *сравнении*, и выступает элементом ряда немецких устойчивых сравнительных моделей [Цветаева, Карпенко, Куликова, 2022].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения лингвокогнитивного механизма сравнения как способа формирования интерпретирующих значений с учетом динамических изменений культурной, политической, научной, социальной и экономической парадигмы, в которых личность переходит из разряда знака уникального в универсальный. Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые выделяется применительно к немецкому

языку еще одна динамическая лингвокогнитивная сравнительная модель (ЛкСМ) с антропонимом, носящая ординальный характер. Теоретическая и практическая значимость объясняется развитием теорий сравнения и лингвокогнитивной категоризации, а также необходимостью дальнейшей разработки типологии ЛкСМ.

Материал исследования был отобран методом сплошной выборки из современных немецкоязычных СМИ и представляет собой более 50 контекстов, в которых содержится сравнение с антропонимом, а также актуализируется ординальное значение.

Так, к задачам исследования следует отнести как выявление и описание дифференциальных признаков запускающего сравнение эталона, выраженного единичным антропонимом, так и описание способов вербализации ординального характера ЛкСМ. Для реализации указанных задач используется комплексная методика, включающая в себя методы структурно-семантического и контекстуального анализа, лингвокогнитивного моделирования.

АНТРОПОНИМЫ В СРАВНЕНИИ

Когнитивному процессу свойственен особый заданный порядок, включающий в себя несколько этапов. На первом этапе происходит выбор объекта когнитивной обработки, так называемая когнитивная элекция. Затем объект сопоставляется по выявленным признакам с уже известными объектами действительности и соотносится с одним из них, таким образом реализуется идентификация и категоризация объекта. Третий этап – категориальная номинация: объекту познания присваивается категориальное имя. Сложность лингвокогнитивной категоризации заключается в одновременном задействовании ментальной и языковой областей [Дзюба, 2015].

ЛкСМ представляет собой результат когнитивного процесса сравнения, в который «вовлекаются объекты, представляющие собой ментальные репрезентации» [Денисова, 2022, с. 20], способные менять в соответствии с потребностью степень детализации и абстракции своих дифференциальных признаков. В структуре сравнения, как правило, присутствуют сопоставляемые объекты (объект и эталон) и основание сравнения. Под объектом понимают то, что сравнивают, «то, чьи некоторые характеристики или признаки акцентируются» [Блохина, 2024]. Эталоном становится непосредственный носитель акцентируемых в сравнении характеристик. Основанием сравнения выступают характеристики, на основе которых делается вывод о сходстве или отличии сопоставляемых объектов. Таким образом, в процессе сравнения формируется

особая «система координат», в которой порождается новое знание: сравнивая объекты окружающей действительности, человек вычленяет ряд эталонных характеристик и категоризирует другие объекты по принципу близости к эталону.

Функциональный потенциал антропонима специфичен «в силу индивидуального обозначения объекта внешнего мира» [Буркова, 2016]. Антропоним заключает в себе существенные свойства сопряженного с ним объекта реального (иногда и ирреального) мира. Это связано с тем, что носитель имени наделяет частью присущих ему дифференциальных признаков антропоним, передавая ему, например, информацию о внешнем виде, сильных и слабых сторонах личности, сфере деятельности и т. д.

Когнитивный потенциал антропонима позволяет зафиксировать эту информацию в структурах знания, формирующих непосредственное ядро антропонима. Эти ядерные характеристики, а также способность антропонимов к дефокусировке и компрессии информации [Athanasiadou, 2023] позволяют антропониму выступать в сравнении в роли и объекта, и эталона сравнения и формировать интерпретирующие значения. При этом, как отмечают исследователи, эталон сравнения представляет собой метафору, основанную на стереотипном восприятии, закреплённом за антропонимом-эталонном [Манёрова, 2021]. В результате образной подмены эталон становится знаком доминирующего дифференциального признака [Телия, 1996].

Способность человека селективно и по-разному осмысливать один фрагмент действительности тесно связана с интерпретацией как мыслительной операцией, направленной на получение нового знания. В этой связи исследователи говорят о первичной и вторичной интерпретации действительности. В первом случае человек интерпретирует сами объекты и события в процессе номинативной деятельности. Во втором случае речь идет уже об интерпретации имеющихся вербализованных знаний о мире.

Сравнение как механизм вторичной интерпретации заключается в сопоставлении по принципу многомерных противопоставлений знаний об объектах одной или разных «концептуально-тематических областей с целью выделения какой-либо дополнительной характеристики или ее специального акцентирования» [Блохина, 2021]. Так, сравнение выступает в роли когнитивно-семантической категории, в которой находят отражение результаты как процесса сопоставления объектов действительности, так и их отождествления. В языковом плане результаты процесса сравнения закрепляются в ряде рекуррентных лингвокогнитивных моделей (см., например, выделенные нами ранее темпоральную и локальную ЛкСМ [Куликова, 2021]).

ОРДИНАЛЬНАЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

В центре внимания настоящего исследования находится *ординальная ЛкСМ*, построенная на механизме отождествления: **A1 = un/bA Oa A2**. Это модель формирования вторичного концептуального знания на основе имплицитного – скрытого или сжатого – сравнения, в котором компаративные единицы (например, обороты *как*, *как будто*, *словно* и др.) отсутствуют, но подразумеваются. Элементами ординальной ЛкСМ выступают:

A1 – объект сравнения;

un/bA Oa – указание на очередность (нем. *Ordinalangabe*), сопровождаемое неопределённым либо определённым артиклем (*un/bA*);

A2 – единичный антропоним, эталон.

Приведённая ЛкСМ представляет собой случай антономасии, т. е. метафорического употребления одного антропонима для обозначения другого лица, обладающего схожими с первоначальным носителем имени свойствами. Такое использование антропонима подразумевает существование некой организованной системы, где вокруг антропонима-эталона располагаются на большем или меньшем расстоянии от него другие антропонимы в зависимости от степени выраженности общего признака. При этом зафиксированное ранее референциальное выражение антропонима-эталона трансформируется, а изначальная ЛкСМ **A1 = A2** имеет тенденцию к модификации. Так, в проводимом исследовании ординальный характер ЛкСМ достигается за счёт указания на очередность появления (Oa) объекта сравнения (A1) относительно эталона (A2). Указание на очередность появления может быть выражено порядковым числительным *zweite*, прилагательными *neu* и *nächst* или неопределённым местоимением *ander*.

ЛКСМ С ПОРЯДКОВЫМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ ZWEIT-

Внутри ЛкСМ с порядковым числительным *zweit-* скрывается свернутое простое сравнение:

1. Viele Beobachter sehen in **Edwards wegen seines charismatischen Auftretens einen zweiten Bill Clinton** – *freilich ohne die Affären* (Berliner Zeitung, 07.07.2004).

В контексте 1 речь идет об американском юристе, сенаторе от штата Северная Каролина Джоне Эдвардсе, в котором многие видят второго Билла

Клинтона (нем. *ein zweiter Bill Clinton*). Несмотря на свернутый характер самого сравнения, основание вербализировано в сопровождающем контексте: харизматичное выступление, правда, в конце уточняется «разумеется, без скандалов», свойственных эталону. Стоит заметить, еще несколькими месяцами ранее в СМИ появлялись сообщения о кризисе в рядах демократов и невозможности договориться о кандидате в президенты, поэтому второго Билла Клинтона на горизонте еще не было:

Ein zweiter Bill Clinton ist nicht in Sicht (Der Tagesspiegel, 20.11.2003).

В ЛкСМ присутствует указание на очередность появления объекта сравнения, при этом способность человека по-разному осмыслять один и тот же фрагмент действительности позволяет использовать эталон сравнения применимо к разным объектам, что объясняет использование неопределенного артикля перед порядковым числительным: второй Гретой Гарбо (нем. *eine zweite Greta Garbo*) называли шведскую певицу и автора песен Агнету Фельтског (за схожий уединенный образ жизни) и немецко-американскую актрису Марлен Дитрих (за пророченный ей в 30-е годы схожий кино-успех). Таким образом, использование порядкового числительного *dritt-* в аналогичном сравнении не распространено, так как в фокусе сравнения лежит не продолжение ряда, а появление новых схожих объектов в системе вокруг эталона.

ЛкСМ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ *NEU* И *NÄCHST-*

В случае использования в ординальной ЛкСМ прилагательного *neu* четкое указание на очередность появления отсутствует. Словарь Берлинско-Бранденбургской академии наук DWDS приводит такие значения прилагательного *neu*: недавно появившийся, ранее неизвестный, известный с недавних пор; иной, чем раньше; находящийся последним в ряду, дополняющий или заменяющий предшествующий объект, сменяющий его. Речь идет о новых объектах, отчасти даже противопоставленных эталону: новый – похож на старый, не хуже, а может быть, и лучше. По сути это продолжает идею ординальности, т. е. второй по счету, следующий. Это свидетельствует о том, что эталон представляет собой иную структурно-семантическую сущность, антропоним-эталон приобретает знаковый характер и развивается уже как символ:

2. Wo ist **der neue Michael Kölmel**, der das nötige Geld gibt? (*Berliner Zeitung*. 11.05.2004)

3. Von Klinsmann stammt das Zitat, als er **Huth** gesehen habe, habe er gedacht, „das ist **der neue Karlheinz Förster**“ (*Berliner Zeitung*. 18.06.2005).

Контексты 2 и 3 связаны с миром футбола. В контексте 2 упоминается известный немецкий бизнесмен, киномагнат Михаэль Кёльмель, который не раз спасал берлинский ФК «Унион». В 1997 году о финансовой помощи просили даже известного бизнесмена и владельца футбольного клуба «Фулхэм» Мухаммеда Аль-Файеда, но откликнулся Михаэль Кёльмель. Когда в очередной раз заговорили о финансовой катастрофе, потребовался инвестор, готовый дать необходимые средства – новый Михаэль Кёльмель (нем. *der neue Michael Kölmel*). Так, Михаэль Кёльмель становится эталоном, синонимом тугого кошелька.

В 80-е годы Карл-Хайнц Фёрстер считался одним из лучших центральных защитников в мире. Его отличала ангельская внешность и жесткая манера игры в обороне (нем. *Treter mit dem Engels Gesicht*), так называли его в те годы в СМИ). Такое сочетание стало эталонным, в контексте 3 перспективного немецкого футболиста Роберта Хута называют новым Карл-Хайнцем Фёрстером (нем. *der neue Karlheinz Förster*).

Прилагательное *nächst* является превосходной степенью прилагательного *nah* и обозначает «непосредственно следующий по времени или порядку, последующий»:

4. Nur einen kleinen Ausrutscher habe ich mir jetzt erlaubt mit einem noch unbekannten Tenor, **Michael Kleitmann**. Ich bin davon überzeugt, dass er **der nächste Pavarotti** werden kann (*Der Tagesspiegel*. 25.08.2003).
5. Wer weiß, vielleicht stammt **der nächste Henry Maske** aus dem Sportforum Hohenschönhausen? (*Berliner Zeitung*. 23.12.1998)
6. **Marla Glen** ist nicht die **nächste Janis Joplin**. Das wollen weder sie noch ihre Fans (*Berliner Zeitung*. 03.03.1998).

В контекстах 4–6 антропоним-эталон приобретает также знаковый характер. Антропоним подвергается деонимизации и используется в значении символа уникального таланта. В контексте 4 Майкла Клейтмана, одного из известнейших в Европе и во всём мире оперных певцов, называют следующим Паваротти (нем. *der nächste Pavarotti*). В контексте 5 автор задается вопросом, не в спортивном ли комплексе в Берлине занимается боксом следующий Генри Маске (нем. *der nächste Henry Maske*).

А в контексте 6 отмечается, что американской певице и композитору Марле Глен не удалось достичь уровня таланта / известности Дженнис Джоплин, она не стала следующей Дженнис Джоплин (*nicht die nächste Janis Joplin*).

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ *ANDER*

Анализ отобранных контекстов показал, что неопределенное местоимение *ander*, употребленное с единичным антропонимом, как будто бы аккумулирует в себе значения порядкового числительного *zweite* и прилагательных *neu* и *nächst*. Словарь Берлинско-Бранденбургской академии наук DWDS фиксирует, что неопределенное местоимение *ander* указывает на различия, противопоставление раннее упомянутому объекту (другой; измененный; не как прежний; лучше / хуже). В сочетании с неопределенным артиклем *ein / eine* обозначает сходство, однородность с ранее упомянутым объектом, указывает на очередность: второй, следующий. Заметим, что в отобранном корпусе наиболее частотным является сравнение человека с самим собой, т. е. его прежней и новой «версии»:

7. Ein selbstbewusster Zapatero tritt den Spaniern gegenüber. **Ein anderer Zapatero als der, den sie zu kennen glaubten** (*Berliner Zeitung*. 16.03.2004).
8. In der Euro-Krise lernten die Italiener **eine andere Merkel** kennen: eine strenge Haushaltspolitikerin, die vor allem die Südländer zum eisernen Sparen verpflichtet (*Handelsblatt*. 25.09.2021).
9. Es war **ein anderer Gabin**. Aus dem melancholischen Abenteurer war in der Zeit der Abwesenheit ein grauer, bärbeißiger alter Mann geworden (*Der Tagesspiegel*. 09.07.2004).

Контексты 7–9 предполагают, что окружающим только предстоит знакомство (нем. *kennenlernen*; *j-d, den man zu kennen glaubte*) с «новыми версиями» известных им людей – испанским политиком Хосе

Луисом Сапатеро, канцлером Ангелой Меркель, актером Жаном Габеном. Каждый из них в сфере своей деятельности предстает перед окружающими в новом свете, об этом дополнительно сообщает контекст вокруг сравнения: Хосе Луис Сапатеро становится самоуверенным и решительным; Ангела Меркель показывает принципиальность в вопросах экономики; а Жан Габен к выходу нового фильма превращается в седого, угрюмого старика. Несмотря на то, что в контекстах речь идет об изменениях, происходящих с человеком в течение его жизни, в процессе сравнения антропонимы участвуют как некие сущности, представляющие собой ментальные репрезентации. Именно поэтому можно говорить о рассмотрении этих примеров внутри ординальной ЛкСМ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ лингвокогнитивных оснований сравнения с учетом специфики процесса интерпретации знаний позволил не только установить факт трансформации референциального выражения единичного антропонима-эталона, но и обратить внимание на специфику отбора дифференциальных признаков в сравнении. Проанализированные примеры демонстрируют, что основанием сравнения служат разнообразные характеристики носителей имени, среди которых профессиональные качества и личные черты, зафиксированные в структурах знания антропонима-эталона. Благодаря этому антропоним приобретает символичный характер, становится возможным его распознавание и воспроизведение в сопоставлениях.

Также в результате исследования был выделен и описан еще один подтип антономасической ЛкСМ с антропонимом, носящей ординальный характер. Присутствие такой ЛкСМ в контексте несомненно усложняет его семантику, так как требует от реципиента способности быстро расщеплять сложнейшие абстрактные ментальные конструкции. Перспективным видится дальнейшее изучение единиц, обеспечивающих ординальный характер предложенной ЛкСМ, а также детальный анализ релевантного для нее контекста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маслова В. А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 823–847.
2. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015.

3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. О. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
5. Цветаева Е. Н., Карпенко Е. И., Куликова В. А. Имя собственное на пересечении семантики и межкультурной коммуникации (на материале немецкоязычных дискурсов) // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы. Казань: Бук, 2022. С. 198–212.
6. Денисова Г. Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: проекция на систему, высказывание и текст. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2022.
7. Блохина Е. Д. Сравнение как способ вторичной интерпретации мира в языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2024.
8. Буркова Т. А. Функциональный потенциал имен собственных // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21 (3). С. 760–763.
9. Athanasiadou A. Paragon and Antonomasia: similar but / and different? // *Lingua*. 2023. No. 288. DOI 10.1016/j.lingua.2023.103522.
10. Манёрова К. В. Этнолингвистическая специфика устойчивых сравнений с компонентом-онимом в немецком языке (на фоне русского языка) // *Немецкая филология*. 2021. 11. С. 49–67.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
12. Блохина Е. Д. Сравнение как механизм вторичной интерпретации // *Гуманитарный научный вестник*. 2021. № 11. С. 124–127.
13. Куликова В. А. Антропонимы домена «музыка» в сравнительных лингвокогнитивных моделях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3 (845). С. 146–159.

REFERENCES

1. Maslova, V. A. (2021). Through the synergetic union of linguistics and other sciences – to new challenges and directions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 823–847. (In Russ.)
2. Dzyuba, E. V. (2015). *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkom yazykovom soznanii* = Linguocognitive categorization in Russian linguistic consciousness. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
3. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znaniye: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* = Language and knowledge: on the way to obtaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in the cognition of the world. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
4. Gulyga, E. V., Shendel's, E. O. (1969). *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemeckom yazyke* = Grammatical and lexical fields in modern German. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)
5. Tsvetaeva, E. N., Karpenko, E. I., Kulikova, V. A. (2022). *Imya sobstvennoye na pereesechenii semantiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii (na materiale nemeckoyazychnyx diskursov)* = Proper name at the intersection of semantics and intercultural communication (based on German-language discourses). In *Germanistika i lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennykh lingvisticheskikh universitetakh: istoki, razvitie, perspektivy* (pp. 198–212). Kazan: Buk. (In Russ.)
6. Denisova, G. L. (2022). *Kognitivnyi mekhanizm sravneniya v nemetskom yazyke: proektsiya na sistemu, vyskazyvaniye i tekst* = Cognitive mechanism of comparison in the German language: projection onto the system, utterance, and text. Togliatti: Togliatti State University. (In Russ.)
7. Blokhina, E. D. (2024). *Sravnienie kak sposob vtorichnoi interpretatsii mira v yazyke* = Comparison as a means of secondary interpretation of the world in language: PhD thesis in Philology. Tambov. (In Russ.)
8. Burkova, T. A. (2016). Functional potential of proper names. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 21(3), 760–763. (In Russ.)
9. Athanasiadou, A. (2023). Paragon and Antonomasia: similar but / and different? *Lingua*, 288. DOI 10.1016/j.lingua.2023.103522.
10. Manerova, K. V. (2021). Ethnolinguistic specificity of German conventional similes with an onym component against the background of the Russian language. *German Philology at the Saint Petersburg State University*, 11, 49–67. (In Russ.)

11. Teliya, V. N. (1996). Russkaia frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turno-lingvokul'turnye aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguocultural aspects. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
12. Blokhina, E. D. (2021). Comparison as a secondary interpretation mechanism. Humanitarian Scientific Bulletin, 11, 124–127. (In Russ.)
13. Kulikova, V. A. (2021). Anthroponyms of the domain "Music" in linguocognitive comparative models. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(845), 146–159. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Валерия Александровна

старший преподаватель
кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Valeriya Alexandrovna

Senior Lecturer
at the Department of lexicology and stylistics of German
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.08.2025
11.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Особенности изучения жестов в языках разных модальностей: жестовые и звучащие языки

А. В. Леонтьева¹, В. Д. Харитонов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹lentevanja27@gmail.com

²varvaradk@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу жестов в языках визуальной и звуковой модальностей, а также их роли в этих коммуникативных системах. Авторы рассматривают жесты как важный элемент устного общения, отмечая их ключевую роль не только в невербальной коммуникации, но и в структуре жестовых языков. Целью работы является обзор современных направлений полимодальных исследований, где особое внимание уделяется сравнению жестов в языках глухих и жестов, сопровождающих речь, в звучащих языках. В статье также представлены некоторые типы жестов, а также их роль и взаимодействие в процессе коммуникации. Делается акцент на различиях между жестами как экстралингвистическим средством (как в звуковых, так и в жестовых языках), и жестами в составе языковых систем. Материал опирается на междисциплинарные данные и результаты сопоставительных исследований. В результате проведенного обзорного исследования авторы приходят к выводу о важности подобных полимодальных исследований, так как они способны уточнить вопросы, связанные с ролью жестов в коммуникации разных модальностей.

Ключевые слова: жестовый язык, жесты, пантомима, бимодальность, полимодальность

Благодарности: статья выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности», регистрационный номер 125031904195-0.

Для цитирования: Леонтьева А. В., Харитонов В. Д. Особенности изучения жестов в языках разных модальностей: жестовые и звучащие языки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 75–84.

Review article

Aspects of Studying Gestures in Languages of Different Modalities: Signed and Spoken Languages

Anna V. Leonteva¹, Varvara D. Kharitonova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹lentevanja27@gmail.com

²varvaradk@yandex.ru

Abstract: This article analyzes gestures in languages of visual and spoken modalities, as well as their role in these communicative systems. The authors view gestures as an important element of spoken interaction, emphasizing their key role not only in nonverbal communication but also in the structure of sign languages. The purpose of the article is to review current trends in multimodal research, with particular attention to the comparison of gestures in the languages of the deaf and co-speech gestures in spoken languages. The article also presents several gesture types and examines their role and interaction in communication. Special focus is placed on the differences between gestures as extralinguistic means (in both spoken and sign languages) and gestures as part of linguistic systems.

The material draws on interdisciplinary data and results of comparative studies. Based on the literature review, the authors conclude that multimodal studies are critical, as they clarify issues related to the role of gestures in communication across modalities.

Keywords: sign language, gestures, pantomime, bimodality, multimodality

Acknowledgments: This article was prepared at Moscow State Linguistic University within the project "Creativity in everyday communication: Analysis of spoken language as being multimodal" № 125031904195-0.

For citation: Leonteva, A. V., Kharitonova, V. D. (2025). Aspects of Studying Gestures in Languages of Different Modalities: Signed and Spoken Languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(906), 75–84. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Часто, когда говорят о языке, подразумевают звучащую речь, реже – письменную, и почти никогда – жестовую. Тем временем, жесты уже продолжительное время являются важной частью устного общения. Так, например, О. К. Ирисханова и А. Ченки рассматривают жесты как важные коммуникативные индикаторы и структурные элементы дискурса [Ирисханова, 2021]. Более того, жесты лежат в основе языков визуальной модальности, которые используются для общения в случае, когда звучащая речь недоступна, например, такими являются языки глухих, а также некоторые жестовые языки (далее – ЖЯ), которые возникли под влиянием определенных условий (природных, рабочих и т. п.) [Буркова, 2019]¹.

Стоит выделить актуальность данной обзорной статьи, связанную с недостатком подобных исследований в сфере лингвистики русского жестового языка. В данном исследовании были проанализированы иностранные исследования американского, немецкого и других жестовых языков, а также работы из сферы полимодальной лингвистики. Обзорная статья охватывает сравнение национальных жестовых языков с обширным спектром явлений: «немые» жесты, пантомима, жесты, сопровождающие речь глухих и слышащих. Отдельно рассматривается влияние изучения жестового языка как второго. В лингвистике русского жестового языка данная тема требует более подробного изучения, как следствие, данная статья может послужить теоретической основой для дальнейших теоретических и практических исследований.

Для достижения обозначенной цели выделены следующие задачи:

- 1) проанализировать современное состояние исследований, посвященных разграничению языковых жестов и жестикуляции у носителей ЖЯ;

- 2) рассмотреть сходства и различия между «немыми» жестами слышащих и жестами ЖЯ, в том числе процесс их грамматикализации;
- 3) сопоставить жестикуляцию в контексте обучения ЖЯ как второго языка и проанализировать формирование жестового билингвизма;
- 4) осветить аспекты разграничения языковых и жестикуляционных движений.

Новизна работы заключается в междисциплинарном и сопоставительном анализе жестикуляции в ЖЯ, интеграции лингвистических, психолингвистических и нейронаучных данных, а также в систематизации недавних эмпирических работ, исследующих влияние билингвального и полимодального опыта на жестикуляционное поведение.

В статье предпринимается попытка определить современные векторы исследований, способствующие развитию теории полимодальности и ЖЯ. Практическая значимость заключается в разработке новых методических средств преподавания ЖЯ и совершенствовании технологий распознавания жестов.

ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ В ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

Один из вопросов из основных исследовательских вопросов при изучении жестовых языков: жестикулируют ли носители ЖЯ. Как правило, большинство жестов, которые не входят в словарный состав жестовых языков, это эмблемы, которые применяются поочередно, но не одновременно, с языковыми жестами [Goldin-Meadow, Brentari, 2017].

Случаи жестикуляции у пользователей жестового языка изучались в работе С. Дункан [Duncan, 2005]. Во время эксперимента, девять пользователей тайваньского жестового языка пересказывали события мультфильма. Результаты анализа показали, что все участники жестикулировали во время пересказа. Они использовали преимущественно иконические жесты, чтобы сделать повествование более детальным, например, для уточнения образа действия (как кот карабкается по трубе). Также отмечалось, что участники создавали

¹Буркова С. И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник / ред. С. И. Буркова, В. И. Киммельман. Новосибирск: НГТУ, 2019.

индивидуальные жесты. Например, они изменяли некоторые характеристики форм руки для передачи пространственно-образных свойств мультфильма. Так, один из участников модифицировал трехпальцевый ручной жест, чтобы показать, как кот поднимается по внутренней части водосточной трубы. Другой участник держал три пальца прямо, сжимая их, чтобы показать, что кот протискивается внутрь трубы. В работе выдвигается предположение, что вариативность в том, как пользователи показали изменение формы кота (его сжатие) при подъеме по трубе, является доказательством того, что модификации этих конфигураций рук являются жестовыми — если бы все три пользователя изменили жест в одинаковом виде, общность между ними указывала бы на то, что это морфемные изменения, а не жестовые. Образные свойства сцены (подъем по трубе) являются источником семантики жеста, но не диктуют его форму. Важно, что вариации таких жестов у глухих напоминают вариации, которые наблюдаются у говорящих, когда они жестикулируют, описывая похожее событие. Разница заключается лишь в том, что слышащие могут использовать любую базовую форму руки, так как в таком случае языковые категории выражаются в звучащей речи, тогда как пользователи ЖЯ использовали один и тот же трехпальцевый жест-классификатор животных.

В качестве жестов, сопровождающих речь в жестовых языках, также нередко рассматриваются движения губ. Так, в работе [Sandler, 2009] четыре носителя израильского жестового языка пересказывали мультфильм. Все четверо участников использовали движения рта, чтобы добавить дополнительные детали в свой пересказ. Например, один из участников, используя руки, показывал, как кот движется по водосточной трубе вверх, при этом он сжал губы, чтобы передать, что подъем осуществлялся в узком и тесном пространстве. Чтобы показать изгиб водосточной трубы, испытуемый также использовал «зигзаг»-движение рта.

Как отмечают С. Голдин-Медоу и Д. Brentari, движения рта у жестовых коммуникантов обладали всеми характеристиками, которые Д. МакНилл описал для жестов у слышащих — они были «глобальными» (то есть не состоящими из отдельных частей, как некоторые слова или жесты в ЖЯ); чувствительными к контексту (например, ротовой жест, означавший «узкий», был идентичен ротовому жесту, указывающему на «свистящий звук», создаваемый при полете в воздухе); индивидуальными (разные участники воспроизводили разные ротовые жесты для одного и того же события) [McNeill, 1992]. Таким образом, говорящие на ЖЯ могут использовать рот для передачи образной информации, которую обычно передают руки у слышащих.

СРАВНЕНИЕ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ И «НЕМЫХ» ЖЕСТОВ СЛЫШАЩИХ

Один из разделов сопоставительных исследований жестов, формирующих языковую систему (жестовые языки) и жесты слышащих, посвящен только тем жестам, которые слышащие использовали без или вместо речи. Так, например, одно из проведенных исследований в данной области показывает, что носители английского звучащего языка при описании серии событий используют такие жесты, которые, несмотря на отличия от жестов американского жестового языка по форме, очень схожи с ними по характеру движения и локации в пространстве [Singleton, Morford, Goldin-Meadow, 1993]. Было отмечено, что такие «немые жесты» («silent gestures») не только не производятся одновременно с речью, они в принципе не соответствовали типичным для речевых жестов критериям. Жесты без речи приобретали некоторые свойства жестов в жестовых языках, они были дискретны по форме, формировали подобные словам сегментированные единицы. Кроме этого, порядок воспроизведения таких жестов отличался от порядка слов в звучащем английском языке.

Похожие результаты были получены в ходе эксперимента [Schembri, Jones, Burnham, 2005], в рамках которого исследователи просили носителей английского языка, не знавших жестового языка, описывать события не голосом, а только руками. В результате было также обнаружено, что формы рук, используемые слышащими, отличались от используемых носителями языка жестов, но характер движения и расположение в пространстве практически не отличались.

В сопоставительном исследовании жестов слышащих и глухих рассматривалось восприятие речевых стимулов носителями американского жестового языка и слышащими людьми по двум параметрам: конфигурации ладони и места артикуляции, несмотря на их непрерывное изменение по форме [Emmorey, McCullough, Brentari, 2003]. Результаты показали, что носители ЖЯ воспринимали изменения конфигурации рук как категориальные, но не изменение места артикуляции таких жестов. Слышащие участники не воспринимали ни один из параметров как категориальный.

В другом эксперименте слышащие, не знающие жестового языка, описывали ряд сцен, используя речь, и проанализировали жесты, которые участники спонтанно производили вместе с речью [The biology of linguistic expression impacts neural correlates for spatial language, 2013]. Затем их попросили снова описать эти сцены, но уже используя только жесты, без речи. Были обнаружены значительные изменения в форме жестов в

зависимости от их использования: вместе с речью или вместо речи. Жесты без речи приобрели свойства, схожие с жестами в ЖЯ (см. выше) – они стали дискретными по форме, при этом жесты образовывали сегментированные, похожие на слова единицы, которые соединялись в последовательном, не свойственном английскому языку, порядке. Таким образом, существует качественная разница между жестами рук, когда они сопровождают речь (т. е. когда они являются жестами), и когда на них ложится вся коммуникативная нагрузка из-за отсутствия речи, так как в таком случае они начинают приобретать лингвистические свойства и, следовательно, по функциям напоминают движения рук из ЖЯ.

СРАВНЕНИЕ ЖЯ И ЖЕСТОВ, СОПРОВОЖДАЮЩИХ РЕЧЬ

Жесты в звучащей речи и жестовые языки воспроизводятся в одной и той же модальности, а также могут в той или иной степени быть внешне схожими между собой. С 1960-х годов, вслед за работами У. Стоуки [Stokoe, 1960], жестовые языки рассматриваются и описываются исследователями на основе работ лингвистов звучащих языков. Что касается полимодальных исследований, речевые жесты традиционно рассматриваются как внешние по отношению к языку [Kendon, 2004; Goldin-Meadow, Brentari, 2017]. Жестовые языки и речевые жесты анализируются по-разному как две принципиально различные формы коммуникации, однако предпринимались некоторые попытки прямого сравнения жестовых языков и жестов, чтобы точно определить сходства и различия между ними.

Лингвисты часто сопоставляют речевые жесты и жестовые языки, в частности, указательные жесты. Данная группа жестов представляет особый интерес, так как указательные жесты широко распространены в устной и жестовой коммуникации. Указательные жесты служат для привлечения внимания к объектам в обеих системах. В ЖЯ указательные жесты – часть языковой системы, так как они выполняют функцию местоимений [Meier, Lillo-Martin, 2010]. Данные жесты обладают схожей формой в ЖЯ и в звучащей речи несмотря на то, что они функционируют в двух разных языковых системах. К примеру, согласно исследованиям Дж. Фенлона [Comparing sign language and gesture: insights from pointing, 2019], в западных культурах указание на себя обычно осуществляется указанием на грудь как в жестах, сопровождающих речь, так и в американском жестовом языке (ASL) и британском жестовом языке (BSL). В то же

время в Японии указание на себя часто осуществляется при помощи указания на нос в момент речи, подобное указание наблюдается и в японском жестовом языке [McBurney, 2002].

Отдельно исследователи отмечают грамматикализацию указательных жестов: некоторые речевые жесты, используемые слышащими, могут проходить процесс грамматикализации и становиться частью жестового языка глухих [Pfau, Steinbach, 2006]. Р. Пфау и М. Штейнбах выделяют таким образом грамматикализацию указательных жестов в речи в указательные жесты в ЖЯ. Они предполагают, что такие жесты становятся жестами, обозначающими локацию, затем преобразуются в указательные местоименные жесты, а затем и в личные местоимения жестового языка [там же]. Таким образом, мы можем выделить не только сходства и различия между жестами в ЖЯ и речевыми жестами, но и процесс преобразования их друг в друга.

В работе Д. Квинто-Позоса и Ф. Парилла рассматриваются сходства в процессе выражения «точки зрения» при воспроизведении нарратива в звучащем языке с использованием жестов и в жестовом языке [Quinto-Pozos, Parrill, 2015]. Описание событий на звучащем языке может сопровождаться жестами с точки зрения персонажа (point of view of a character, CVPT), наблюдателя (observer, OVPT) или обеих точек зрения. Такие жесты сравнивают с конструируемыми действиями (constructed action, CA) и классификаторами (classifiers, CL) в жестовых языках. В рамках данного исследования обнаружено, во-первых, что носители жестового языка используют большее количество жестов-классификаторов в процессе нарратива. Также следует отметить, что глухие часто употребляют классификаторы в тех случаях, когда слышащие испытуемые задействуют жесты с точки зрения наблюдателя (OVPT). Одно особенно заметное различие между людьми, говорящими на жестовом языке, и слышащими испытуемыми, заключается в том, что в речи носителей ЖЯ наблюдались различные жесты, такие как классификаторы различных типов и локаций (руки, торс), тогда как слышащие в основном применяли одинаковые жесты.

Сопоставительное исследование ЖЯ и речевых жестов также проводилось на материале русского звучащего и русского жестового языков. Было проведено сравнительное исследование жестов, выражающих реципрок; анализ показал, что морфологические средства, выражающие реципрок в РЖЯ, также встречаются и в жестикуляции, а также, возможно, могут являться источниками грамматикализации [Филимонова, 2023].

ВЛИЯНИЕ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ КАК ВТОРОГО ЯЗЫКА

Жестовые языки используются не только глухими и слабослышащими людьми, но и слышащими детьми глухих родителей (CODA), переводчиками жестовых языков, людьми, которые работают с глухими и т. п. Одной из особенностей жестовых языков при их изучении и употреблении слышащими людьми является их способность влиять на их невербальное поведение. Так, ряд исследований, проведенных в США, показал взаимосвязь между продуцированием речи и владением американского жестового языка (American Sign Language, ASL). В исследовании 2009 года было выявлено, что ранние бимодальные билингвы, а именно слышащие дети глухих родителей, которые с раннего возраста были одновременно подвергнуты воздействию американского жестового языка и английского звучащего языка, использовали больше иконических (репрезентирующих) жестов в своей речи. В речи таких испытуемых больше жестов, указывающих на смену перспективы, а именно от лица персонажа, т. е. когда тело жестикулирующего используется для изображения действий некоего персонажа, 3-го лица, о котором идет речь [McNeill, 1992]. Такое увеличение жестов, которые участвуют в передаче точки зрения персонажа, может быть связано с понятием референциально-го или ролевого сдвига (role shift), специфической языковой конструкции, которая обозначает точку зрения персонажа в повествовании, при которой жестикулирующие изображают телодвижения и мимику дискурсивного референта. Отметим, что изначально данная конструкция рассматривалась как особенность жестовых языков, например, американского [Friedman, 1975]. Позже она привлекла интерес исследователей в области полимодальной лингвистики, которые также начали изучать проявления смены перспективы не только в речи, но и в жестах говорящих, например в устных повествованиях [Stec et al., 2017].

В целом полимодальное поведение таких людей характеризуется значительным жестовым разнообразием, так как они используют больше различных вариаций форм ладоней при воспроизведении жестов, особенно так называемых немаркированных форм [Casey, Emmorey, Larrabee, 2012].

В исследовании 2012 года сравнивается влияние изучения второго языка: визуальной (американский жестовый язык) и аудиальной модальностей (французский, итальянский и испанский) [Casey, Emmorey, Larrabee, 2012]. Испытуемые год изучали второй язык. В результате, при анализе пересказа мультфильма изучающими, в их речи

было отмечено значительное увеличение частоты жестов, увеличение количества иконических жестов и увеличение вариативности форм рук в жестах, сопровождающих речь, в сравнении с речью испытуемых, которые изучали романские языки. Пятеро студентов также произвели по крайней мере один жест из языка визуальной модальности.

Отметим важность влияния вышеуказанной иконичности на усвоение жестового языка как второго. В целом, согласно лингвистическим исследованиям, две трети жестов в ЖЯ можно в той или иной мере отнести к иконическим, а фонологические составляющие жеста в основном имеют семантическое значение. Исследование процесса усвоения жестового языка у слышащих показывает, что иконичность жестов помогает вспоминать слова, в том числе в процессе обратного перевода и называния картинок [Baus, Carreiras, Emmorey, 2012; Campbell, Martin, White, 1992; Lieberth, Gamble, 1991]. В то же время отмечается, что эффективность иконичности не распространяется на все аспекты изучения языка; так, наиболее эффективно иконичность задействуется изучающими жестовый язык при поиске ассоциаций между формой и значением [Van Hoey, Cormier, Lepic 2023]. Кроме того, иконичность жестов имеет и отрицательное влияние на процесс изучения жестового языка слышащими испытуемыми. В своем исследовании Дж. Ортега и Г. Морган отмечают, что иконичность позволяет сразу понять значение жеста, в связи с этим участники эксперимента очень часто пытались изобразить жесты максимально иконично, при этом допуская фонологические ошибки [Ortega, Morgan, 2015]. В то же время менее иконические жесты без понятного значения испытуемые воспроизводили более четко, стараясь как можно более точно повторить жест.

В работе, посвященной анализу передачи пространственных отношений слышащими и глухими в английском звучащем и британском жестовом языках (British Sign Language, BSL), исследовалось, как взрослые слышащие, не знакомые с жестовым языком, используют жесты для передачи пространственных отношений между объектами в условиях отсутствия речи [Janke, Marshall, 2017]. Участникам показывали пары изображений с объектами, которые изменяли свои пространственные отношения, что нужно было далее описать с помощью жестов. Основной задачей исследования было выявить, обладают ли обучающиеся жестовым языком ограниченным или расширенным набором жестов (а именно конфигурации ладоней) для представления объектов, и как обучение жестовым языком может способствовать расширению или сужению такого набора, чтобы в итоге он соответствовал конвенциональным классификаторам жестового

языка. Результаты показали, что испытуемые используют руки для представления объектов в 94 % случаев, демонстрируя разнообразные конфигурации ладоней. При сравнении результатов, полученных с анализом продуцирования жестов у изучающих BSL и его носителей, было выявлено, что набор конфигураций ладоней у испытуемых первой группы шире и разнообразнее, чем у носителей и обучающихся жестовому языку. Конфигурации их жестов также отличаются большей уникальностью и новаторством в сравнении с жестами BSL, при этом конфигурации таких жестов похожи на те, что используются в BSL и других ЖЯ, что, по мнению авторов, может говорить о физиологических ограничениях при их осуществлении. Также отмечается, что испытуемые из группы, которые не были знакомы с ЖЯ, были непоследовательны в использовании одних и тех же конфигураций для одного и того же объекта, в отличие от носителей, которые используют конкретные формы последовательно. В работе подчеркивается, что мануальный жест является для начинающих изучение ЖЯ основой, требующей перестройки в сторону грамматической системы жестового языка.

Позднее похожее исследование проводилось А. Фредериксен [Frederiksen, 2021]. В нем рассматривается влияние американского жестового языка как второго (L2) у взрослых слышащих людей на описание расположения объектов в пространстве. Также автор рассматривает влияние изучения ASL на первый язык участников (L1) – английский, в частности, на речь и сопутствующие жесты. В разных языках описание расположения объектов различаются по степени специфичности: в некоторых используются общие глаголы размещения («положить»), в других – специфические лексические единицы, зависящие от свойств или положения объекта. В ASL широко используются иконические жесты-классификаторы, которые относятся к общим глаголам размещения, такие как «ПОЛОЖИТЬ» и «ПЕРЕМЕСТИТЬ», что делает семантику таких глаголов прозрачной и потенциально более легкой для усвоения. В данном исследовании участвовали слышащие, изучающие ASL как L2 (носители английского), и сравниваются их описания размещения в ASL и английском с носителями ASL и англоговорящими, не владеющими жестовым языком. Изучающие L2 используют глаголы размещения и классификаторы в ASL аналогично носителям, но с большей вариативностью и менее подходящим использованием, что указывает на некоторые нечеткие границы значений. В английском языке учащиеся употребляют общие глаголы размещения аналогично неносителям из контрольной группы, однако их жесты содержат больше информации об

объекте, становясь более похожими на ASL, что свидетельствует о влиянии ASL на концептуализацию L1. Прозрачность и иконический характер различий целевых глаголов в ASL, вероятно, способствует перестройке семантики у изучающих, позволяя достичь более четкого использования нужных значений, несмотря на различие модальностей. Результаты подчеркивают, что изучение второго языка в иной модальности (от устной к визуально-жестовой) может влиять на семантическую организацию первого языка, особенно в жестах, указывая на раннюю перестройку значений, выходящую за рамки L2. Слышащие, изучающие ASL, успешно адаптируют семантику глаголов расположения в пространстве, при этом влияние ASL прослеживается и в их речевых жестах в английской речи, что показывает, что различие модальностей не препятствует семантической перестройке в процессе овладения вторым языком.

СРАВНЕНИЕ ЖЯ И ПАНТОМИМЫ

В лингвистике также рассматриваются сходства и различия между жестовыми языками и пантомимой. Нейроисследование К. Эммори рассматривает активность лобной и теменной коры головного мозга в процессе использования жестового языка и разыгрывания испытуемыми пантомимы [Sign language and pantomime production differentially engage frontal and parietal cortices, 2011]. Пантомима привлекает внимание ученых в связи с тем, что в жестовых языках основные артикуляторы языка, а именно руки говорящего, также используются для проявления неязыковой экспрессии, например, пантомимы или жестов-эмблем, таких как «большой палец вверх». Четырнадцать слышащих человек, не говорящих на жестовом языке, и десять глухих носителей Американского жестового языка (ASL) приняли участие в исследовании, в ходе которого они создавали пантомимы действий или глаголы ASL в ответ на изображения инструментов и объектов.

Анализ в основном сосредоточен на глаголах ASL, напоминающих пантомимические действия, таких как глаголы-классификаторы, в которых конфигурация руки отображает, как человеческая рука держит тот или иной предмет и использует его. Например, жест BRUSH-HAIR (РАСЧЕСЫВАТЬ-ВОЛОСЫ) состоит из хватательного движения рукой и «расчесывающего» движения головой. Такие глаголы чаще всего называют глаголами-классификаторами, поскольку форма руки является морфемной и указывает на свойство референтного объекта.

Результаты исследования показали, что обе группы участников в случае с пантомимой и с жестами-глаголами чаще всего правильно называют

действие, при этом глухие, не использующие жестовый язык, могут неправильно назвать предмет, который используется в процессе описываемого действия. Что касается активности мозга, у глухих испытуемых, говорящих на жестовом языке, воспроизведение пантомимы задействует верхнюю теменную кору с двух сторон, в то время как воспроизведение глаголов активизирует левую нижнюю лобную кору. У слышащих испытуемых, не говорящих на жестовом языке, воспроизведение пантомимы также не задействует левую нижнюю лобную кору; данные результаты показывают, что левая лобная кора не играет решающей роли в исполнении пантомимы как глухими, так и слышащими. Отмечается, что нейронные связи, отвечающие за воспроизведение пантомимы, различаются у глухих и слышащих испытуемых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье был проведен обзор современных исследований, посвященных изучению жестовых языков и жестов слышащих. Представленные работы демонстрируют, что пользователи ЖЯ активно задействуют иконические и эмблематические жесты, которые дополняют жестовую речь для уточнения повествования и передачи пространственно-образной информации. Также отмечается важность движений рта у носителей ЖЯ, которые обладают свойствами, которые присущи речевым жестам слышащих, а именно глобальность, чувствительность к контексту и индивидуальность вариаций.

Сопоставительные исследования выявляют, что «немые» жесты слышащих начинают приобретать лингвистические свойства, так как при отсутствии вербальной составляющей они становятся сегментированными и дискретными, что сближает их с жестами ЖЯ.

Также значительная часть современных исследований посвящена дейксису в речи как глухих,

так и слышащих. Указательные жесты, широко распространенные в языках обеих модальностей, обладают сходствами в формах, однако при этом претерпевают процесс грамматикализации в ЖЯ, превращаясь в полноценные жесты таких языков.

Изучение жестового языка как второго языка слышащими демонстрирует влияние на речевые жесты изучающих и на семантику устной речи, особенно в области передачи пространственной информации. Бимодальные билингвы чаще используют иконические жесты, большую вариативность конфигураций ладоней. В их речи чаще встречается референтный ролевой сдвиг, что более характерно для языков визуальной модальности.

Нейроисследования, посвященные сравнению ЖЯ и пантомимы, подчеркивают, что при воспроизводстве жестов языков визуальной модальности задействуются специфические области мозга, связанные с языковой обработкой, в то время как при воспроизводстве пантомимы используются другие зоны мозга, что подчеркивает физиологические различия между языковыми и неязыковыми жестами.

Таким образом, обзор работ, связанных со сравнением жестов в языках глухих и слышащих показал, что ЖЯ являются сложным многоаспектным явлением, которое включает в себя интеграцию иконических, эмблематических, дейктических жестов и жестов, обладающих признаками как коммуникативных маркеров, так и языковых единиц. Изучение влияния ЖЯ на жесты слышащих и процессы билингвизма расширяют понимание взаимосвязи между модальностями языка и невербальной коммуникацией, а данные, полученные в результате нейроисследований, подтверждают уникальность таких жестов.

В заключение подчеркнем необходимость изучения взаимодействия и влияния языков визуальной и звуковой модальностей друг на друга, так как такие исследования формируют новые направления в лингвистике и в когнитивных науках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ирисханова О. К. Полимодальный дискурс как объект исследования // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 15–33.
2. Goldin-Meadow S., Brentari D. The coming of age of sign language and gesture studies // Behavioral and Brain Sciences. 2017. Vol. 40. Article e59. DOI 10.1017/S0140525X15001247.
3. Duncan S. Gesture in Signing: Analyses of “Gesture” in the Signed Narrative of Learners of Taiwan Sign Language // Gesture. 2005. Vol. 5. No. 1. P. 43–74.
4. Sandler W. Symbiotic symbolization by hand and mouth in sign language // Semiotica. 2009. Vol. 174. No. 1/4. P. 241–275.
5. McNeill D. Hand and mind: what gestures reveal about thoughts. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1992.

6. Singleton J. L., Morford J. P., Goldin-Meadow S. Once is not enough: standards of well-formedness in manual communication created over three different timespans // *Language*. 1993. Vol. 69. P. 683–715.
7. Schembri A., Jones C., Burnham D. Comparing action gestures and classifier verbs of motion: evidence from Australian Sign Language, Taiwan Sign Language, and nonsigners' gestures without speech // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 2005. Vol. 10. P. 272–290.
8. Emmorey K., McCullough S., Brentari D. Categorical perception in American Sign Language // *Language and Cognitive Processes*. 2003. Vol. 18. No. 1. P. 21–45.
9. Sign language and pantomime production differentially engage frontal and parietal cortices / K. Emmorey et al. // *Lang Cogn Process*. 2011. Vol. 26. No. 7. P. 878–901. DOI 10.1080/01690965.2010.492643.
10. The biology of linguistic expression impacts neural correlates for spatial language / K. Emmorey et al. // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2013. Vol. 25. P. 517–533.
11. Stokoe W.C. *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf*. Buffalo, NY: University of Buffalo Press, 1960.
12. Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
13. Comparing sign language and gesture: insights from pointing / J. Fenlon et al. // *Glossa*. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 2. DOI 10.5334/gjgl.499.
14. Pfau R., Steinbach M. Modality-independent and modality-specific aspects of grammaticalization in sign languages // *Linguistics in Potsdam*. Potsdam: Universitäts-Verlag, 2006. Vol. 24. P. 5–98.
15. Meier R.P., Lillo-Martin D. Does spatial make it special? On the grammar of pointing signs in American Sign Language // *Hypothesis A/hypothesis B: linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter* / ed. D. B. Gerdts, J. C. Moore, M. Polinsky. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 345–360.
16. McBurney S.L. Pointing in Japanese Sign Language and spoken Japanese // *Sign Language Studies*. 2002. Vol. 3. No. 4. P. 398–412.
17. Quinto-Pozos D., Parrill F. Signers and co-speech gesturers adopt similar strategies for portraying viewpoint in narratives // *Topics in Cognitive Science*. 2015. Vol. 7. P. 12–35. DOI 10.1111/tops.12120.
18. Филимонова Е. В. Реципрок в русском жестовом языке и русской жестикуляции: сопоставительный анализ // *Слово и жест: материалы Научной конференции, посвященной памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»)*. 2023. С. 58–62.
19. Frederiksen A.T. Emerging ASL distinctions in sign-speech bilinguals' signs and co-speech gestures in placement descriptions // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 686485. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.686485.
20. Casey S., Emmorey K., Larrabee H. The effects of learning American Sign Language on co-speech gesture // *Bilingualism*. 2012. Vol. 15. P. 677–686. DOI 10.1017/S1366728911000575.
21. Baus C., Carreiras M., Emmorey K. When does iconicity in sign language matter for word learning? // *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. Article 232. DOI 10.3389/fpsyg.2012.00232.
22. Campbell R., Martin P., White T. The processing of iconic meaning in sign language and its application to word learning // *Applied Psycholinguistics*. 1992. Vol. 13. P. 473–489.
23. Lieberth A. K., Gamble M. E. Iconicity and meaningfulness in American Sign Language // *American Journal of Psychology*. 1991. Vol. 104. P. 381–398.
24. Van Hoey L., Cormier K., Lepic R. Iconicity in sign language learning: Associations between form and meaning // *Language Learning*. 2023. Vol. 73. P. 319–346. DOI 10.1111/lang.12636.
25. Ortega G., Morgan G. Iconicity and gesture jointly facilitate learning of second language signs at first exposure in hearing nonsigners // *Language Learning*. 2015. Vol. 65. P. 647–671. DOI 10.1007/s1366728911000575.
26. Janke V., Marshall C.R. Using the hands to represent objects in space: Gesture as a substrate for signed language acquisition // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Article 2007. DOI 10.3389/fpsyg.2017.02007.

REFERENCES

1. Iriskhanova, O. K. (2021). Polymodal discourse as an object of research. In Iriskhanova, O. K. (Ed.), *Polimodal'nye izmereniya diskursa* (pp. 15–33). Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. (In Russ.)
2. Goldin-Meadow, S., Brentari, D. (2017). The coming of age of sign language and gesture studies. *Behavioral and Brain Sciences*, 40, e59. DOI 10.1017/S0140525X15001247.
3. Duncan, S. (2005). Gesture in Signing: Analyses of "Gesture" in the Signed Narrative of Learners of Taiwan Sign Language. *Gesture*, 5(1), 43–74.
4. Sandler, W. (2009). Symbiotic symbolization by hand and mouth in sign language. *Semiotica*, 174(1/4), 241–275.

5. McNeill, D. (1992). Hand and mind: what gestures reveal about thoughts. Chicago, IL: University of Chicago Press.
6. Singleton, J. L., Morford, J. P., Goldin-Meadow, S. (1993). Once is not enough: standards of well-formedness in manual communication created over three different timespans. *Language*, 69, 683–715.
7. Schembri, A., Jones, C., Burnham, D. (2005). Comparing action gestures and classifier verbs of motion: evidence from Australian Sign Language, Taiwan Sign Language, and nonsigners' gestures without speech. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 10, 272–290.
8. Emmorey, K., McCullough, S., Brentari, D. (2003). Categorical perception in American Sign Language. *Language and Cognitive Processes*, 18(1), 21–45.
9. Emmorey, K. et al. (2011). Sign language and pantomime production differentially engage frontal and parietal cortices. *Lang Cogn Process*, 26(7), 878–901. DOI 10.1080/01690965.2010.492643.
10. Emmorey, K. et al. (2013). The biology of linguistic expression impacts neural correlates for spatial language. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 25, 517–533.
11. Stokoe, W. C. (1960). *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf*. Buffalo, NY: University of Buffalo Press.
12. Kendon, A. (2004). *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Fenlon, J. et al. (2019). Comparing sign language and gesture: insights from pointing. *Glossa*, 4(1), 2. DOI 10.5334/gjgl.499.
14. Pfau, R., Steinbach, M. (2006). Modality-independent and modality-specific aspects of grammaticalization in sign languages. *Linguistics in Potsdam*, 24, 5–98. Potsdam: University-Verlag.
15. Meier, R. P., Lillo-Martin, D. (2010). Does spatial make it special? On the grammar of pointing signs in American Sign Language. In Gerdts, D. B., Moore, J. C., Polinsky, M. (Eds.), *Hypothesis A/hypothesis B: linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter* (pp. 345–360). Cambridge, MA: MIT Press.
16. McBurney, S. L. (2002). Pointing in Japanese Sign Language and spoken Japanese. *Sign Language Studies*, 3(4), 398–412.
17. Quinto-Pozos, D., Parrill, F. (2015). Signers and co-speech gesturers adopt similar strategies for portraying viewpoint in narratives. *Topics in Cognitive Science*, 7, 12–35. DOI 10.1111/tops.12120.
18. Filimonova, E. V. (2023). Retsiprok v russkom zhestovom yazyke i russkoy zhestikulyatsii: sopostavitel'nyy analiz. In *Slovo i zhest* (pp. 58–62): proceedings of a scientific conference, dedicated to the memory of E. A. Grishina ("Grishinskiye chteniya". (In Russ.)
19. Frederiksen, A. T. (2021). Emerging ASL distinctions in sign-speech bilinguals' signs and co-speech gestures in placement descriptions. *Frontiers in Psychology*, 12, 686485. DOI 10.3389/fpsyg.2021.686485.
20. Casey, S., Emmorey, K., Larrabee, H. (2012). The effects of learning American Sign Language on co-speech gesture. *Bilingualism*, 15, 677–686. DOI 10.1017/S1366728911000575.
21. Baus, C., Carreiras, M., Emmorey, K. (2012). When does iconicity in sign language matter for word learning? *Frontiers in Psychology*, 3, 232. DOI 10.3389/fpsyg.2012.00232.
22. Campbell, R., Martin, P., White, T. (1992). The processing of iconic meaning in sign language and its application to word learning. *Applied Psycholinguistics*, 13, 473–489.
23. Lieberth, A. K., Gamble, M. E. (1991). Iconicity and meaningfulness in American Sign Language. *American Journal of Psychology*, 104, 381–398.
24. Van Hoey, L., Cormier, K., Lepic, R. (2023). Iconicity in sign language learning: Associations between form and meaning. *Language Learning*, 73, 319–346. DOI 10.1111/lang.12636.
25. Ortega, G., Morgan, G. (2015). Iconicity and gesture jointly facilitate learning of second language signs at first exposure in hearing nonsigners. *Language Learning*, 65, 647–671. DOI 10.1007/s1366728911000575.
26. Janke, V., Marshall, C. R. (2017). Using the hands to represent objects in space: Gesture as a substrate for signed language acquisition. *Frontiers in Psychology*, 8, 2007. DOI 10.3389/fpsyg.2017.02007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонтьева Анна Васильевна

кандидат филологических наук

заведующий лабораторией исследования жестовых языков

старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса

Московского государственного лингвистического университета

Харитоновна Варвара Денисовна

младший научный сотрудник
лаборатории исследования жестовых языков
Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonteva Anna Vasilievna

PhD in Philology
Head of the Laboratory for Sign Language Research
Senior Researcher at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies
Moscow State Linguistic University

Kharitonova Varvara Denisovna

Junior Researcher
at the Laboratory for Sign Language Research
at the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	08.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication

Полисемия как субъективная характеристика слова

В. В. Лузянин¹, И. А. Котюрова²

^{1,2}Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

¹pflaume.15.2022@gmail.com

²koturova@petrsu.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить субъективность восприятия одной и той же лексемы как моносеманта или полисеманта. Авторы предполагают, что достоверно определить факт присущности полисемии конкретному слову невозможно ввиду того, что в ментальном лексиконе разных носителей языка лексемы могут быть представлены как в виде инварианта, так и множества значений, что было проверено на материале немецких лексем с помощью анализа их лексико-семантических вариантов в словарях *Duden*, *DWDS* и *Wahrig*, составления их семантических инвариантов и опроса носителей немецкого языка. Результаты позволяют заключить, что семантический инвариант является возможным способом интерпретации значения слова носителями языка наряду с полисемантической моделью. Семантический инвариант предлагает практическое решение для словарей и преподавания, упрощая усвоение значений за счет демонстрации их общего ядра.

Ключевые слова: полисемия, моносемия, значение слова, лексический инвариант, немецкий язык, субъективизм

Для цитирования: Лузянин В. В., Котюрова И. А. Полисемия как субъективная характеристика слова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 85–92.

Original article

Polysemy as a Subjective Characteristic of a Word

Vadim V. Luzyanin¹, Irina A. Kotiurova²

^{1,2}Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

¹pflaume.15.2022@gmail.com

²koturova@petrsu.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify the subjectivity of perceiving the same lexeme as monosemantic or polysemantic. The authors suggest that it is impossible to reliably determine whether a specific word is polysemantic due to the fact that in the mental lexicon of different native speakers, lexemes can be represented as either an invariant or a plurality of meanings. This was tested using German lexemes by analyzing their lexical-semantic variants in the *Duden*, *DWDS*, and *Wahrig* dictionaries, compiling their semantic invariants, and interviewing native German speakers. The results of all stages of the study allow us to conclude that the semantic invariant is a possible way for native speakers to interpret word meaning, alongside the polysemantic model. The semantic invariant offers a practical solution for lexicography and language teaching by simplifying the acquisition of meanings through the demonstration of their common core.

Keywords: polysemy, monosemy, meaning of a word, lexical invariant, German, subjectivity

For citation: Luzyanin, V. V., Kotiurova, I. A. (2025). Polysemy as a subjective characteristic of a word. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 85–92. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Многозначность как параметр того или иного слова часто рассматривается в научной литературе как установленный факт. Это, в свою очередь, четко отражается в практических исследованиях, когда авторы приводят список множества выделенных в словарях значений или собственной семантической интерпретации в качестве признака полисемии или амбисемии [Денисова, Гусейнова, Горожанов, 2024]. Вместе с тем единой модели понимания и представления явления многозначности в теоретической лингвистике до сих пор не сложилось. Актуальным аспектом изучения семантики является оппозиция между данным явлением и явлением моносемии, а также вопрос о границе между ними. Так, устранение многозначности естественного языка критически важно для развития больших языковых моделей [Yae et al., 2024]. Кроме того, исследователи активно занимаются идентификацией и нейтрализацией полисемии в терминологическом аппарате [L'Homme, 2024]. Особый интерес представляют практические методики, позволяющие выявить верифицируемые признаки такого противопоставления.

Научная новизна данной работы заключается в сопоставительном анализе полисемантической и инвариантной моделей по отношению к семантическому описанию немецкой лексики, а также в представлении количественного выражения их соотношения.

Основными задачами данного исследования стали: 1) сопоставление лексикографического описания полисемантов; 2) апробация методологии вычленения семантических инвариантов для немецких лексем; 3) сравнительная характеристика полисемантической и инвариантной моделей представления значения слова. В данной статье рассматривается лексическая полисемия, которая в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой¹ описывается как «наличие у одного и того же слова <...> нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова». В этом определении используется другое понятие – «значение», при этом неясно, какого рода значения имеются в виду, т.к. значение многоаспектно и в зависимости от концепции может обладать разной предметностью и структурой [Архипова, 2013]. Центральной семантической характеристикой слова как единицы лексической системы языка является его лексическое значение, т.е. «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее

в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.»² Здесь важно отметить, что слово, как правило, не привязано к конкретному объекту действительности, а содержит в себе его семантические признаки.

Референция, т.е. соотносительность языкового знака и объекта действительности, происходит только в коммуникативном акте, когда слово с помощью контекста получает свое актуальное значение, определенный объем сем становится действительным, а остальная часть отсекается. Соответственно, вне контекста слово имеет только потенциальное значение [Стернин, 2015].

Таким образом, под лексической полисемией в данной работе понимается наличие у лексической единицы более одного набора семантических признаков, которые соотносятся в человеческом мышлении с различными предметами или явлениями действительности.

Определение границ значений полисемантических слов называется филиацией значений. В ходе филиации устанавливаются дискретные значения – лексико-семантические варианты (ЛСВ). Ю. Д. Апресян предложил выделять ЛСВ через анализ сочетаемости слов с разными классами понятий и сопоставление с регулярными деривационными моделями. Например, в предложениях «ломать дверь» и «ломать характер» реализуются два разных ЛСВ, так как дверь относится к физическим объектам, а характер – к абстрактным понятиям. Также необходимо распределять значения слов на основе устойчивых деривационных механизмов. Данная модель предполагает наличие ядерного значения, от которого посредством метонимического и метафорического переносов в виде радиальных или цепочечных связей возникают производные значения, например, «нос» в словосочетании «нос корабля» является производным от корневого ЛСВ «нос человека» [Апресян, 1995, с. 110]. Теория о ЛСВ была уточнена Н. З. Котеловой, согласно которой самостоятельное значение слова должно обладать уникальной синтагматической сочетаемостью и занимать особое положение в парадигматических рядах, представляющих собой регулярные оппозиции, например, синонимов и антонимов [Котелова, 1975]. Дальнейшее развитие идея о лексических парадигмах получила в работах В. В. Морковкина. Именно на основе данного фактора построены идеографические словари [Морковкин, 1977]. Однако сторонники такой модели допускают определенный синкретизм значений [Апресян, 1995]. Так, языковед Д. Н. Шмелев отмечал, что в разных

¹Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004.

²Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 374-375.

лексикографических источниках подразделяют значения одних и тех же слов по-разному, размытый характер границ значений он называет семантической диффузностью [Шмелев, 2017]. Лингвисты И. Фалкум и А. Висенте указывают на то, что границы между значениями могут быть размыты и непосредственно в речи. Так, в следующем примере лексема «book» (книга) указывает одновременно и на физический объект, и на литературное произведение: «that book with the gorgeous cover is really good» / «Та книга с прекрасной обложкой – действительно очень хорошая» [Falkum, 2015, с. 17]. Ю.Д. Апресян заключает, что подобные примеры «не подрывают принципа дискретной подачи значений слова, хотя необходимость отразить их в толковом словаре и ставит перед лексикографом ряд серьезных задач, в частности, задачу описания условий синкретизации значений многозначных слов» [Апресян, 1995, с. 181].

Концепция лексико-семантических вариантов имеет множество альтернатив. Так, еще А.А. Потебня утверждал, что каждое новое употребление слова индивидом является уникальным значением, но семантический признак, который положен в основу соответствия звуковой формы и смысла слова, всегда сохраняется [Потебня, 2025]. Подобные идеи широко распространены в зарубежной лингвистике. И. Л. Фалкум [Falkum, 2015] подвергает сомнению существование готовых вариантов значений в сознании человека, но не отрицает саму многозначность как способность слова к модификации смыслов посредством контекста. Э. Борг рассматривает данную способность лексических единиц как результат прагматической интерпретации, а значение слова, с точки зрения ученого, ограничивается сферой семантики и потому является недискретным, что фактически отрицает многозначность [Borg, 2004]. В таком случае можно говорить о семантическом инварианте – наборе значимых признаков, общим для всех потенциальных значений [Песина, 2020].

Существует и практический подход к определению полисемии, в котором она выделяется на основе хранения значений в ментальном лексиконе человека: если лексема зафиксирована в понятийном аппарате человека в виде множества элементов, она полисемантична, в ином случае – моносемантична [Brown, 2008]. Это позволяет закрепить за полисемией объективные показатели в противовес личным предпочтениям сторонников той или иной теории.

Таким образом, существуют два противоположных положения о полисемии: 1) полисемия существует, и значение слова состоит из ЛСВ; 2) полисемии не существует, а значение может быть

представлено в виде семантического инварианта. При этом данные модели репрезентации значений соответствуют двум возможным вариантам хранения семантики в ментальном лексиконе, что должно позволить установить соответствие полисемантической и инвариантной моделей. Однако это также позволяет предположить, что статус слова как однозначного или многозначного определяется субъективным восприятием индивида. Рассмотрение полисемии не как факта, который может быть эмпирически установлен, а как одной из возможных интерпретаций значения лексемы носителями языка, является оригинальной гипотезой данного исследования, так как подобное предположение исследует важное свойство рассматриваемого явления, которое не отрицает существования самой полисемии, но позволяет установить соотношение между двумя ключевыми положениями о ее природе.

АНАЛИЗ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

Одним из источников семантического анализа выступают словарные дефиниции. Для немецкого языка самыми авторитетными, используемыми как профессиональными лингвистами, так и рядовыми пользователями, являются толковые онлайн-словари *Duden*¹, *DWDS*² и *Wahrig*³, составляемые с опорой на данные сбалансированных лингвистических корпусов, а следовательно, отображают как устаревшие значения, так и современные, в том числе совсем новые. Важно, что выбранные словари представляют значение полисемантов в виде иерархического списка из ЛСВ подобно модели значений Ю. Д. Апресяна. Все три словаря выделяют значения на основе контекстуального употребления лексем в корпусах текстов. Материалом данного этапа выступают словарные статьи девяти лексем: Sonne, Stern, Erde, Wasser, Sturm, Stein, Grund, Land и Regen. Данное число лексем необходимо для показательных количественных результатов. Слова принадлежат тематической группе природных объектов и явлений и входят в число 3 тыс. самых встречаемых лексических единиц в частотном списке «A Frequency Dictionary of German»⁴.

В первую очередь в ходе анализа определялось количество выделяемых значений в разных источниках у каждой лексемы. Обработанные данные представлены ниже (см. табл. 1):

¹URL: https://www.duden.de/ueber_duden/Partner (дата обращения: 30.07.2025).

²URL: <https://www.dwds.de/d/wdw> (дата обращения: 30.07.2025).

³URL: <https://www.dwds.de/d/wb-dwds-wb> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴Randall L. J. A Frequency Dictionary of German. Abingdon, New York: Routledge, 2006.

Таблица 1

РАЗЛИЧИЯ В КОЛИЧЕСТВЕ ЗНАЧЕНИЙ,
РЕГИСТРИРУЕМЫХ СЛОВАРЯМИ

	Sonne	Stern	Erde	Wasser	Sturm	Stein	Grund	Land	Regen
Duden	3	5	6	4	5	9	5	5	2
DWDS	3	6	6	4	6	5	6	5	1
Wahrig	3	9	5	5	5	7	11	6	2

Из приведенных данных следует, что количество выделяемых значений в разных источниках не совпадает для восьми из девяти лексем, что говорит о неявных границах между значениями. Более того, в случае *Regen* словарь *DWDS* указывает одно значение лексемы, т. е. относит ее к категории однозначных слов, в то время как словари *Duden* и *Wahrig* описывают по два значения, относя ее к категории многозначных.

Описание одного и того же слова в приведенных словарях отличается не только в аспекте количества значений, но и в семантическом наполнении. Например, *DWDS* не выделяет у лексемы *Stern* (звезда) значения «Blesse (des Pferdes)» – «небольшое пятно белой шерсти (на лбу лошади)», хотя в двух других источниках это значение присутствует. Таким образом, несмотря на общее количество выделяемых значений данной единицы в разных словарях, содержание этих значений не совпадает.

Важную роль играют грамматические пометы. Так, разным значениям слова *Wasser* соответствуют разные формы множественного числа, либо

отсутствие таковых, что указывает на определенную степень грамматикализации значений.

Таким образом, проведенный анализ словарных дефиниций выявил субъективизм составителей словарей немецкого языка в подходе к филиации значений и позволяет сделать вывод, что один и тот же языковой знак может квалифицироваться разными носителями либо как полисемант, либо как моносема.

ВЫДЕЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИНВАРИАНТОВ

Следующий этап исследования заключался в составлении лексических инвариантов для девяти описанных выше лексем. Методологическим основанием этой работы послужили идеи С. А. Песиной [Песина, Калугина, 2014; Песина, Латушкина, 2014] о выделении общего значения, которое обязательно включает в себя необходимые для сигнификации производных значений семы.

В соответствии с данным подходом общее значение выводилось путем анализа всех представленных в словарях значений одной лексемы (так как в них содержатся готовые ЛСВ, многие из которых являются периферийными и узконаправленными) и их связей относительно деривационной модели. Общим значением считается то, от которого путем метафорического или метонимического переноса происходят производные значения.

Для лексемы *Stern* была построена следующая деривационная цепочка (см. рис. 1):

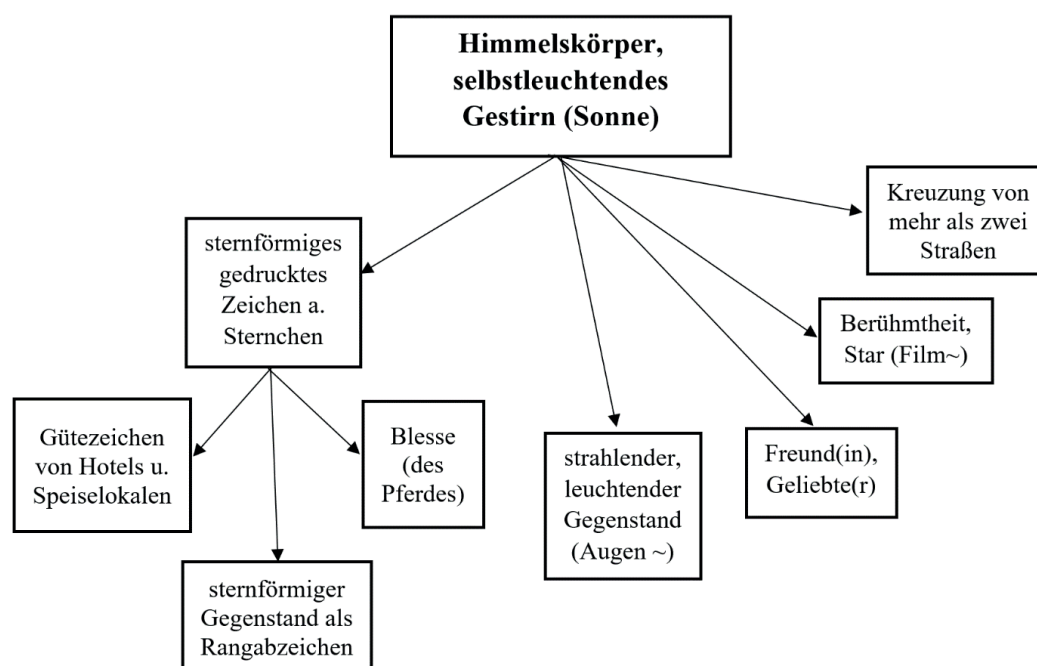
Рис. 1. Цепочка семантической деривации для лексемы *Stern*

Рисунок 1 отображает деривационную цепочку девяти значений лексемы *Stern* в словаре *Wahrig*, одно из которых – «Himmelskörper, selbstleuchtendes Gestirn (Sonne)» – было определено как исходное. Прочие значения квалифицируются как вторичные. Построение аналогичных схем для слова *Stern* на базе описаний в двух других словарях – *DWDS* и *Duden* – определило следующие общие значения соответственно:

- mit Ausnahme des Mondes und der Sonne: (mit bloßem Auge am Nachthimmel erkennbarer) Himmelskörper
- als silbrig weißer, funkelnder Punkt besonders am nächtlichen Himmel sichtbares Gestirn

Объединение этих формулировок привело к дефиниции инварианта:

- selbstleuchtender Gegenstand mit Strahlen, der am Nachthimmel erkennbar ist.

При составлении инварианта необходимо учитывать все семы, служащие основой для метафорических или метонимических переносов в производных значениях. Например, в приведенном примере инварианта фрагмент *mit Strahlen* связан с метафорическими значениями, сопряженными с формой звезды, а *erkennbar* закрывает область метафорических переносов на основе видимости / «видности», узнаваемости объектов.

Остальные лексемы также были проанализированы по описанной выше методике с целью определения их лексических инвариантов. Объем статьи не позволяет подробно описать процесс их составления, поэтому ниже представлены исключительно конечные формы:

- Sonne – gelber oder glutroter, kugelförmiger Himmelskörper, um den sich die Erde und andere Planeten unseres Sternsystems drehen, und die diese Planeten erleuchtet und erwärmt.
- Erde – Gemisch aus organischen und anorganischen Stoffen, das festen Boden unseres Planeten gestaltet.
- Wasser – flüssiger Stoff, aus dem Meere, Seen und Flüsse bestehen.
- Sturm – heftiger, starker Wind.
- Grund – Fundament; etwas, worauf sich irgend etwas basiert.
- Stein – fester mineralischer Stoff, aus dem Felsen bestehen, und den man beim Bauen nützt.
- Land – nicht mit Wasser bedeckte Gegend des Erdbodens.

Лексические инварианты, выявленные в результате анализа, представляют собой набор семантических признаков, которые в полной мере проявляются в основном значении и выборочно – во всех производных.

Возможность сведения множества значений к одному общему является еще одним вызовом для традиционного понимания явления полисемии. Результаты эксперимента показывают, что образование переносных значений слова представляет собой разновидность актуализации его семантики, при которой происходит отсев части сем. Это означает, что наличие переносных значений не может служить надежным доказательством многозначности слова, иначе таковой следовало бы признать едва ли не каждую лексическую единицу, ведь представленные механизмы деривации могут быть перенесены на лексемы, традиционно считающиеся однозначными, например, слово «папоротник» очевидно может использоваться по отношению к «изображению папоротника» или к «зарослям папоротника».

ПОЛИСЕМия В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Следующим этапом исследования стало анкетирование, которое позволило выяснить, как носители языка представляют значения слов и в каком виде эти значения хранятся в ментальном лексиконе.

В опросе участникам предлагалось выбрать, какой вид интерпретации значений соответствует их представлениям. Каждый из 8 вопросов анкеты, соответствующих описанным выше лексемам, имел три варианта ответа. Первым вариантом ответа служили дефиниции из словаря *Wahrig*, которые интерпретировали лексемы как полисемантические единицы. Второй вариант содержал указанные выше инварианты. Третья опция предполагала, что участники дадут собственную дефиницию, либо прокомментируют предложенные варианты ответа.

Было опрошено 63 совершеннолетних носителей немецкого языка. Данные возрастные ограничения призваны исключить информантов с несформировавшейся концептуальной картиной мира. В то же время из исследования были исключены лингвисты, так как их ответы потенциально могли сводиться к широко распространенным в лингвистике моделям, которых они сами придерживаются. Общий объем выборки составил 504 ответа (63 респондента / 8 лексем). Количественный анализ полученных данных позволил установить, что 268 ответов (53,17 %)

соответствуют многозначной модели представления лексем, в то время как 236 ответов (46,83 %) соответствуют модели однозначной. Приблизительно паритетное распределение ответов явно указывает на актуальность проблемы нечеткости семантических границ между полисемией и моносемией (см. табл. 2):

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЛЕКСЕМАМ

	Sonne	Stern	Erde	Wasser	Sturm	Grund	Stein	Land
Полисемантическое представление	32	29	47	32	19	34	23	52
Моносемантическое представление	31	34	16	31	44	29	40	11

В ходе проведения данного эксперимента было установлено, что три из восьми исследуемых лексем были признаны большинством опрошенных носителей языка моносемными. При этом лексема *Sturm* была идентифицирована респондентами как однозначная более чем в два раза чаще, чем как многозначная. Таким образом, лексические единицы, представленные в авторитетных немецких словарях в виде полисемантических единиц, в представлении значительного количества носителей являются моносемантическими. Данный результат, во-первых, ставит под сомнение релевантность дефиниций, представленных в словарях, а во-вторых, свидетельствует о неизбежной субъективности при категоризации лексем как моно- или полисемных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование обосновывает феноменологические проблемы явления полисемии. Многоуровневое исследование позволяет заключить: между отдельными значениями многозначного слова невозможно провести объективную границу. Факт того, что отдельные значения многозначного слова не обладают четкими границами, ставит под вопрос и объективность самой многозначности этого слова. Выделяемые в словарях значения можно привести к одному общему, которое будет содержать необходимый для актуализации всех потенциальных значений набор семантических признаков, что еще раз требует пересмотра понятия полисемии и уточнения критериев к выделяемым значениям полисеманта. Анализ словарных статей и опрос носителей немецкого языка показал, что они не едины во мнении, какие слова являются многозначными, а какие однозначными.

Изложенные выше аргументы и анализ предоставляют достаточные основания для подтверждения исходной гипотезы исследования. Статус слова как однозначного или многозначного определяется субъективным восприятием индивида, что не отрицает существования полисемии, но позволяет рассматривать ее как потенциально возможный вариант интерпретации семантики слова, альтернативу которому составляет инвариантный подход.

Полученные данные указывают на высокую актуальность теории инвариантности семантики, которая может быть применена для организации дефиниций в словарях и в лингводидактических целях. Это однозначно может упростить процесс семантизации для многих пользователей, которые в ином случае не улавливают общего компонента в намеренно дискретизированных значениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисова Г. В., Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023–2024 гг.) // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405.
2. Yae J. H. et al. Leveraging large language models for word sense disambiguation / Yae J. H., Skelly N. C., Ranly N. C., LaCasse P. M. // *Neural Computing and Applications*. 2024. No. 37. P. 4093–4110.
3. L'Homme M.-C. Seven Good Reasons for a Better Account of Fine-grained Polysemy in Terminological Resources // *Terminologija*. 2024. No. 31. P. 6–23.
4. Архипова С. В. Проблема значения слова в лингвистике // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. Т. 2. № 11. С. 15–18.
5. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015.

6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. 2-е изд. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. Т. I. Лексическая семантика.
7. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость: (к формализации в языкознании). Л.: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1975.
8. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд. Моск. ун-та, 1977.
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: URSS, 2017.
10. Falkum I. L. Polysemy: Current perspectives and approaches // *Lingua*. 2015. No. 157. P. 1–16.
11. Потебня А.А. Мысль и язык. Избранные работы М.: Юрайт, 2025.
12. Borg E. *Minimal semantics*. Oxford: Clarendon Press, 2004.
13. Песина С. В. Понятие «семантический инвариант» в ряду когнитивных терминов // *Дискурс*. 2020. № 6 (2). С. 125–133.
14. Brown S.W. Polysemy in the Mental Lexicon // *Colorado Research in Linguistics*. 2008. Vol. 21.
15. Песина С. А., Калугина О. Б. Составление толкового словаря на основе теории инвариантов // *Достижения вузовской науки*. 2014. № 9. С. 145–150.
16. Песина С.А., Латушкина О.Л. Лексический инвариант как способ организации словарной статьи // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3 (45). С. 308–310.

REFERENCES

1. Denisova, G. V., Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Ambisemia in the translation of ecological lexicon (based on the material of German-language newspaper discourse 2023–2024). *Terra Linguistica*, 15(4), 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405. (In Russ.)
2. Yae, J. H., Skelly, N. C., Ranly, N. C., LaCasse, P. M. (2024). Yae, J. H., Leveraging large language models for word sense disambiguation. *Neural Computing and Applications*, 37, 4093–4110.
3. L'Homme, M.-C. (2024). Seven Good Reasons for a Better Account of Fine-grained Polysemy in Terminological Resources. *Terminologija*, 31, 6–23.
4. Arhipova, S. V. (2013). Problema znacheniya slova v lingvistike = The problem of word meaning in linguistics. *Current issues in the humanities and natural sciences*, 2(11), 15–18. (In Russ.)
5. Sternin, I. A. (2015). *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* = Lexical meaning of a word in speech. Moscow, Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
6. Apresyan, Y. D. (1995). *Izbrannyye trudy* = Selected Works (vol. I. Lexical Semantics). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, RAS. (In Russ.)
7. Kotelova, N. Z. (1975). *Znachenie slova i ego sochetaemost': (k formalizacii v yazykoznanii)* = Meaning of the word and its compatibility: (towards formalization in linguistics). Leningrad: Academy of Sciences of USSR, Institute of the Russian Language. (In Russ.)
8. Morkovkin, V. V. (1977). *Opyt ideograficheskogo opisaniya leksiki* = Experience of ideographic description of vocabulary. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)
9. Shmelev, D. N. (2017). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* = Issues of semantics analysis of vocabulary. Moscow: URSS. (In Russ.)
10. Falkum, I. L. (2015). Polysemy: Current perspectives and approaches. *Lingua*, 157, 1–16.
11. Potebnya, A. A. (2025). *Mysl' i yazyk. Izbrannyye raboty* = Thought and language. Selected works. Moscow: Yurait. (In Russ.)
12. Borg, E. (2004). *Minimal semantics*. Oxford: Clarendon Press, 2004.
13. Pesina, S. A. (2020). Ponyatie "semanticheskij invariant" v ryadu kognitivnykh terminov = The Concept "Semantic Invariant" as a Cognitive Term. *Discourse*, 6(2), 125–133. DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-2-125-133. (In Russ.)
14. Brown, S. W. (2008). Polysemy in the Mental Lexicon. *Colorado Research in Linguistics*, 21. DOI 10.25810/s1d0-gj21.
15. Pesina, S. A., Kalugina, O. B. (2014). *Sostavlenie tolkovogo slovary na osnove teorii invariantov* = Compilation of an explanatory dictionary based on the theory of invariants. *Achievements of university science*, 9, 145–150.
16. Pesina, S. A., Latushkina, O. L. (2014). *Leksicheskij invariant kak sposob organizacii slovarnoj stat'i* = Lexical invariant as a way of organizing a dictionary entry. *Problems of history, philology, culture*, 3(45), 308–310.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лузянин Вадим Витальевич

преподаватель кафедры немецкого и французского языков
Петрозаводского государственного университета

Котюрова Ирина Аврамовна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой немецкого и французского языков
Петрозаводского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Luzyanin Vadim Vitalievich

Lecturer
at the Department of German and French Languages
Petrozavodsk State University

Kotiurova Irina Avramovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of German and French Languages
Petrozavodsk State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.08.2025
19.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Вербализация фреймового состава концепта СПИД во французском политическом дискурсе

Л. О. Маслова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
larissa_maslova@yahoo.com

Аннотация. В настоящей статье исследуется концепт СПИД во французском политическом дискурсе с использованием пропозиционально-фреймового метода. Цель исследования – показать, как в политической риторике формируется общественное восприятие СПИДа, которое включает медицинские, социальные и культурные аспекты этой проблемной темы. Рассматриваются ключевые пропозиции концепта (причины, последствия, действия, оценки) и основные фреймы (угрозы, борьбы и социальной сплоченности). Особое внимание автор статьи уделяет языковым средствам вербализации фреймового состава исследуемого концепта. Результаты исследования демонстрируют, что политический дискурс о СПИДе во Франции выступает не только средством описания медицинской проблемы, но также инструментом формирования общественного мнения.

Ключевые слова: СПИД, концепт, фрейм, пропозиционально-фреймовый анализ, когнитивные структуры, политический дискурс, вербализация, когнитивная метафора

Для цитирования: Маслова Л. О. Вербализация фреймового состава концепта СПИД во французском политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 93–101.

Original article

Verbalisation of the Frame Structure of the AIDS Concept in French Political Discourse

Larisa O. Maslova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
larissa_maslova@yahoo.com

Abstract. The article explores the concept of AIDS in French political discourse using a propositional-frame method. The study aims to identify how political rhetoric shapes public perceptions of AIDS by integrating medical, social, and cultural aspects. The key propositions of the concept (causes, consequences, actions, evaluations) and the main frames – threat, struggle, and social cohesion – are examined. Special attention is given to language means of verbalization of frame structure of the concept under analysis. The results of research have showed that political discourse on AIDS in France acts not only as a description of a medical issue, but also as a tool for shaping public opinion.

Keywords: AIDS, concept, frame, frame analysis, cognitive structures, political discourse, verbalization, cognitive metaphor

For citation: Maslova, L. O. (2025). Verbalisation of the frame structure of the AIDS concept in French political discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 93–101. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Эпидемия СПИДа, появившаяся во Франции в 1980-е годы, быстро вышла за пределы медицинской сферы и затронула социальные отношения, политические институты и культурные практики. С самого начала своего распространения болезнь сопровождалась стигматизацией уязвимых групп и дискриминацией заболевших, что сделало ее предметом острой общественной и политической дискуссии. В силу своей многозначности политический дискурс стал одним из ключевых инструментов осмысления эпидемии. В означенном дискурсе сложно переплетаются медицинские факты, правовые нормы и социальные ценности, такие как свобода, равенство, братство и солидарность. Высказывания президентов, министров здравоохранения и парламентариев не только определяли государственные меры борьбы со СПИДом, но и формировали общественное восприятие СПИДа, задавая рамки – от кризисной характеристики как *fléau* до риторики борьбы, солидарности и дестигматизации. В этой связи актуальным является изучение того, как концепт СПИД вербализуется в политической риторике: какие метафоры и фреймы используются для его описания, каким образом язык служит средством легитимации профилактических и правовых мер, а также как различные государственные органы взаимодействуют с национальными и международными общественными организациями.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач:

- 1) определить социально-политический контекст формирования дискурса;
- 2) выделить пропозициональные структуры и фреймы (угроза, борьба, солидарность, дестигматизация);
- 3) проанализировать лексические и метафорические средства, используемые политиками;
- 4) рассмотреть участие общественных организаций (Act Up-Paris¹, AIDES², Sidaction³) и международных структур;
- 5) проследить влияние цифровых коммуникаций на современную риторику.

Новизна исследования заключается в его методологии: к широкому корпусу французских политических текстов о СПИДе впервые применяется пропозиционально-фреймовый анализ, что позволяет выявить когнитивные механизмы формирования общественного восприятия болезни.

¹URL: <https://www.actupparis.org> (дата обращения: 18.08.2025).

²URL: <https://www.aides.org> (дата обращения: 18.08.2025).

³URL: <https://www.sidaction.org> (дата обращения: 18.08.2025).

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты для совершенствования информационных кампаний по профилактике и дестигматизации СПИДа, а также для развития межкультурной коммуникации в сфере здравоохранения.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Концепт СПИД давно вышел за медицинские рамки и превратился во Франции в значимое социальное и политическое явление. Уже в 1989 году Франсуа Миттеран подчеркивал, что «l'accès aux soins, c'est bien un droit essentiel de la personne humaine»⁴ («доступ к медицинской помощи – основное право человека»)⁵. Гуманистические ценности французского общества (*liberté, égalité, fraternité*) задают основу риторике, направленной на толерантное отношение к инфицированным и мобилизацию общества против стигмы. В том же ключе выступала и Симона Вейль, занимавшая пост министра здравоохранения:

– Il y a urgence d'une solidarité internationale dans la lutte contre le SIDA⁶. – Необходимо срочно проявить международную солидарность в борьбе со СПИДом, – было заявлено на Парижском саммите 1994 года.

На рубеже 1990-х годов министр иностранных дел и врач Бернар Кушнер сформулировал фрейм кризиса:

Véritable drame humain, problème majeur de santé publique, le SIDA est devenu un enjeu fondamental de développement⁷. – Настоящая человеческая драма, крупнейшая проблема общественного здравоохранения – СПИД стал фундаментальным вопросом борьбы против его распространения.

В той же речи он подчеркнул необходимость немедленных действий:

⁴URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/137807-allocation-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-la#:~:text=beaucoup%20de%20vous> (дата обращения: 18.08.2025).

⁵Здесь и далее перевод наш. – Л. М.

⁶URL: <https://www.vie-publique.fr/ressources/mots-cles/discrimination?page=14#:~:text=Interviews%20de%20Mme%20Simone%20Veil%2C,et%20l%27urgence%20d%27une%20solidarit%C3%A9%20internationale> (дата обращения: 18.08.2025).

⁷URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207713-declaration-de-m-bernard-kouchner-secretaire-detat-la-sante-et-l#:~:text=Mesdames%2C%20messieurs%2C%20Chers%20coll%C3%A8gues%20V%C3%A9ritable,sur%20deux%20qui%20vient%20accoucher> (дата обращения: 18.08.2025).

Combien de temps encore faudra-t-il attendre... nous devons aujourd'hui déclarer l'extrême urgence face au SIDA¹. – Сколько еще придется ждать... сегодня мы должны объявить крайнюю тревогу из-за СПИДа.

Эти заявления отражают фрейм угрозы, в котором эпидемия описывается как глобальный вызов, требующий коллективных решений.

При этом некоторые политики стремились смягчить тревожную риторику. Так, премьер-министр Жак Ширак еще в 1987 году утверждал:

Ce qui est un fléau, mais non une catastrophe planétaire². – Это напасть, но не всемирная катастрофа.

Его высказывание призвано было успокоить панику и подчеркнуть рациональную реакцию на эпидемию. В 1991 году премьер-министр Франции Мишель Рокар заверил, что «les crédits consacrés au SIDA seront maintenus»³ («средства, выделяемые на борьбу со СПИДом, будут сохранены»).

Говоря о международном аспекте, президент Жак Ширак в 1997 году на конференции в Абиджане заявил:

Il serait choquant, inacceptable et contraire à la plus élémentaire des solidarités d'assister sans réagir à l'instauration d'une épidémie à deux vitesses⁴. – Было бы шокирующим, неприемлемым и противоречащим элементарной солидарности наблюдать, не реагируя, формирование эпидемии на двух уровнях.

Это высказывание активно цитировалось как пример постановки моральной и политической задачи, где права пациента и глобальная справедливость становятся ключевой рамкой.

Существенную роль в формировании дискурса играют общественные организации – Act Up-Paris, Sidaction, AIDES – требующие от властей активных действий. Под их давлением лексика политиков становится более личной и эмпатичной, а дискурс – более ориентированным на права человека.

¹URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207713-declaration-de-m-bernard-kouchner-secretaire-detat-la-sante-et-l-#:~:text=vient%20de%20le%20montrer%20la,connaissent%20pas%20de%20long%20terme> (дата обращения: 18.08.2025).

²URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1987/06/25/le-ministre-de-la-sante-fait-le-bilan-de-la-lutte-contre-le-sida-michele-barzach-la-dame-de-coeur_4041273_1819218.html (дата обращения: 18.08.2025).

³URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1991/03/07/inaugurant-le-nouveau-batiment-de-l-institut-pasteur-m-rocard-assure-que-les-credits-consacres-au-sida-seront-maintenus_4009974_1819218.html (дата обращения: 18.08.2025).

⁴URL: <https://www.theglobalfund.org/fr/news/2019/2019-09-26-hommage-a-jacques-chirac-adversaire-resolu-du-sida-et-precurseur-du-partenariat-du-fonds-mondial/#:~:text=Le%209%20décembre%201997%2C%20lors,les%20plus%20efficaces%203F%20> (дата обращения: 18.08.2025).

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА СПИД

В рамках пропозиционально-фреймового анализа концепты рассматриваются как сеть пропозиций (семантических единиц) и фреймов (сценарных структур). Для концепта СПИД во французском дискурсе базовые пропозиции включают:

- 1) причины (ВИЧ-инфекция и пути передачи);
- 2) последствия (иммунодефицит, социальные и экономические проблемы);
- 3) действия (профилактика, тестирование, лечение антиретровирусной терапией и информационная поддержка);
- 4) действующих субъектов (государство, общественные организации, медицинское сообщество, граждане);
- 5) оценку (социальная значимость, моральная ответственность, необходимость солидарности).

Эти элементы образуют несколько пересекающихся фреймов [Fillmore, 1982].

Фрейм угрозы отражает представление о СПИД как об опасной эпидемии, требующей признания ее серьезности и срочных действий. Б. Кушнер говорил о человеческой драме (*drame humain*) и насущной проблеме общественного здравоохранения (*problème majeur de santé publique*), а министр здравоохранения Аньес Бюзен – об амбициозной цели ликвидировать эпидемию СПИДа к 2030 году (*éradiquer l'épidémie du SIDA d'ici 2030*)⁵. Франсуа Олланд подчеркивал:

Arrêter l'épidémie de SIDA dans le monde, c'est possible⁶. – Остановить эпидемию СПИДа в мире – это возможно.

Фрейм борьбы строится на военной метафоре (*lutte, combat, vaincre*), посредством которой эпидемия описывается как противостояние, требующее усилий и мобилизации. Президент Николя Саркози на конференции в Мехико отметил:

Il n'y a pas de lutte plus noble et plus juste que la vôtre, qui est de lutter jour après jour pour sauver les vies de millions d'hommes, de femmes et d'enfants⁷. –

⁵URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207608-agnes-buzen-22112018-lutte-contre-le-sida-et-les-mst#:~:text=droits%20en%20la%20matière,leur%20statut%20VIH%2C%20que%2090> (дата обращения: 18.08.2025).

⁶URL: <https://www.elysee.fr/francois-hollande/2012/07/23/message-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-adresse-aux-participants-de-la-conference-aids-2012-sur-le-role-de-la-france-dans-la-lutte-contre-le-sida-le-23-juillet-2012#:~:text=,travailler%20ensemble%20les%20milieux> (дата обращения: 18.08.2025).

⁷URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/171776-message-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-transmis-m#:~:text=publique,de%20millions%20d%27hommes%2C%20de> (дата обращения: 18.08.2025).

Нет борьбы более благородной и справедливой, чем ваша – борьба день за днем за спасение миллионов мужчин, женщин и детей.

Эмманюэль Макрон в 2021 году напоминал:

Car le SIDA aussi est une pandémie mondiale. Et ce n'est qu'ensemble que nous en viendrons à bout¹. – Потому что СПИД тоже является мировой пандемией. И только вместе мы с ним справимся.

Фрейм социальной сплоченности и прав акцентирует необходимость равного доступа к лечению и борьбы с дискриминацией. В Кодексе общественного здравоохранения закреплено:

Aucune personne ne peut faire l'objet de discriminations dans l'accès à la prévention ou aux soins². – Никто не может быть подвергнут дискриминации в доступе к профилактике и медицинской помощи.

На уровне политических заявлений это выражается в словах депутата Мартин Бийяр:

Nous cherchons à faire tomber toutes les discriminations³. – Мы стремимся устранить все формы дискриминации.

Франсуа Олланд, выступая на 25-летию ANRS⁴, добавлял:

Je veux évoquer... la lutte contre les discriminations. Comme pour toutes les maladies, le SIDA est une source d'injustices sociales⁵. – Я хочу поговорить... о борьбе с дискриминацией. Как и в случае других болезней, СПИД является источником социальных несправедливостей.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ

Политики используют медицинскую лексику (*infection à VIH, dépistage, traitement antirétroviral*), но

¹URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/279225-emmanuel-macron-27032021-sida#:~:text=J%27aimerais%20que%20cela%20suffisse%2C%20mais,nous%20en%20viendrons%20à%20bout> (дата обращения: 18.08.2025).

²URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000037950426 (дата обращения: 18.08.2025).

³URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/12/cra/2004-2005/092.asp#:~:text=nationale,de%20loi%20de%20M> (дата обращения: 18.08.2025).

⁴URL: <https://www.glopid-r.org/members/institut-national-de-la-sante-et-de-la-recherche-medicale-inserm/> (дата обращения: 18.08.2025).

⁵URL: <https://www.elysee.fr/francois-hollande/2013/11/26/declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-sur-la-lutte-contre-le-sida-a-paris-le-26-novembre-2013#:~:text=C%27est%20l%27honneur%20de%20la%20France,On> (дата обращения: 18.08.2025).

связывают ее с правами человека и борьбой со стигмой. Аньес Бюзен в 2018 году заявила:

Notre objectif est ambitieux mais pas irréaliste : éradiquer l'épidémie du SIDA d'ici 2030⁶. – Наша цель амбициозна, но реалистична: ликвидировать эпидемию СПИДа к 2030 году.

В том же выступлении она подчеркивала непрерывность усилий:

La lutte contre le SIDA doit se poursuivre. Elle ne doit connaître aucun répit⁷. – Борьба со СПИДом должна продолжаться. Она не должна знать передышки.

и призывала к дестигматизации:

Il est impératif de faire évoluer les représentations sociales [...] ainsi qu'envers les personnes vivant avec le VIH⁸. – Крайне важно изменить социальные представления <...> в том числе по отношению к людям, живущим с ВИЧ.

Гуманистический вектор особенно ярко прослеживается в высказываниях президентов. Жак Ширак, подчеркивая международный аспект, говорил:

Il serait choquant, inacceptable... d'assister sans réagir à l'instauration d'une épidémie à deux vagues⁹. – Было бы шокирующим, неприемлемым... наблюдать формирование эпидемии на двух уровнях и не реагировать.

Этот тезис перекликается с более ранними словами Франсуа Миттерана о праве на медицинскую помощь как основное право человека (*droit essentiel de la personne humaine*) и с позднейшими заявлениями Франсуа Олланда:

C'est l'honneur de la France de tout faire, au niveau international, pour que le SIDA cesse d'être aussi une maladie de la pauvreté⁹. – Честь Франции – сделать

⁶URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207608-agnes-buzyn-22112018-lutte-contre-le-sida-et-les-mst#:~:text=droits%20en%20la%20matière,leur%20statut%20VIH%2C%20que%2090> (дата обращения: 18.08.2025).

⁷URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207608-agnes-buzyn-22112018-lutte-contre-le-sida-et-les-mst#:~:text=la%20lutte%20contre%20le%20Sida,le%20Premier%20Ministre%20a%20annoncées> (дата обращения: 18.08.2025).

⁸URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207608-agnes-buzyn-22112018-lutte-contre-le-sida-et-les-mst#:~:text=d%27éliminer%20les%20épidémies%20d%27IST%20et,de%20genre%2C%20à%20l%27orientation%20sexuelle> (дата обращения: 18.08.2025).

⁹URL: <https://www.elysee.fr/francois-hollande/2013/11/26/declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-sur-la-lutte-contre-le-sida-a-paris-le-26-novembre-2013#:~:text=C%27est%20l%27honneur%20de%20la%20France,On> (дата обращения: 18.08.2025).

все возможное на международном уровне, чтобы СПИД перестал быть болезнью бедности.

Юридическое измерение закреплено в законодательстве: статья L1110-3 Кодекса общественного здравоохранения гласит, что *никто не может быть подвергнут дискриминации в доступе к профилактике и медицинской помощи (aucune personne ne peut faire l'objet de discriminations dans l'accès à la prévention ou aux soins)*. Политики регулярно отсылают к этому принципу, укрепляя связь между медицинскими мерами и защитой прав пациентов.

Тематически дискурс охватывает несколько фреймов: «борьба» (*lutte, combat, vaincre*), «кризис» (*fléau, défi majeur*), «солидарность и права» (*solidarité, égalité d'accès, droits des patients*), «наука и профилактика» (*dépistage, traitement antirétroviral, PrEP*) и «дестигматизация». Министр здравоохранения Розелин Башло в 2007 году объединяла сразу два фрейма, заявив:

Le sida, parlons-en ! Parlons-en pour en reparler, pour en parler autrement ! ... fléau implacable frappant d'abord les pays les plus pauvres, les plus démunis, les plus vulnérables¹. – СПИД, давайте поговорим! Давайте поговорим, чтобы говорить о нем по-новому! <...> Неумолимая напасть, прежде всего, поражающая самые бедные и наиболее уязвимые страны.

В той же речи она напомнила о прошлом:

Chacun se rappelle les propos abjects qui ont pu être formulés par ceux qui [...] avaient choisi de faire du racisme ordinaire leur fond de commerce². – Все помнят гнусные высказывания тех <...>, кто выбрал расизм своим источником дохода.

Эти слова отмечают переход к риторике дестигматизации и усилению моральной ответственности [Кузнецов, 2007].

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Во французском политическом дискурсе, посредством которого обсуждаются проблемы ВИЧ, СПИДа, широко используется метафора войны [Dijk, 2008]. Лексема *lutte* (борьба) упоминается почти во всех

официальных заявлениях. Николя Саркози называл усилия активистов самой благородной и справедливой борьбой (*lutte la plus noble et la plus juste*), а Эмманюэль Макрон подчеркивал необходимость совместных действий: «Nous ne pouvons pas relâcher nos efforts maintenant»³ («Мы не можем ослаблять усилия сейчас»), добавляя, что «Chaque don est une munition contre ce virus qui tue toujours»⁴ («Каждое пожертвование – это патрон против всё еще убивающего вируса») [Lakoff, Johnson, 1980].

Фрейм кризиса строится на словах *fléau* (бедствие) и *défi majeur* (серьезный вызов). Розелин Башло описывала СПИД как неумолимую напасть, прежде всего поражающую наиболее бедные страны (*fléau implacable frappant d'abord les pays les plus pauvres*), а премьер-министр Жак Ширак – как напасть всемирной катастрофы (*fléau catastrophe planétaire*). Министр Б. Кушнер называл эпидемию настоящей человеческой драмой (*véritable drame humain*), создавая образ социально-медицинского кризиса.

Не менее важен фрейм «солидарности». Симона Вейль подчеркивала срочность международной солидарности (*urgence d'une solidarité internationale*), а Жак Ширак говорил о *solidarité* как об обязательстве не допустить двойного уровня (*deux vitesses*)⁵ в доступе к лечению. Аньес Бюзен призывала изменить социальные представления (*faire évoluer les représentations sociales*) в отношении людей, живущих с ВИЧ, а Франсуа Олланд подчеркивал, что Франция должна действовать, чтобы СПИД не оставался болезнью бедности (*maladie de la pauvreté*). Эти высказывания способствуют дестигматизации и формируют фрейм «социальной сплоченности» [Goffman, 1974].

Повелительные лозунги играют особую роль. Кампания *Le sida, parlons-en!* Р. Башло 2007 года призывает снять табу и сделать разговор о болезни публичным. В 2019 году Эмманюэль Макрон обратился к гражданам с видеообращением: «J'ai besoin de vous pour sauver 16 millions de vies»⁶ («Мне нужна ваша помощь, чтобы спасти 16 миллионов жизней»), напоминая об ответственности каждого. Такие слоганы превращают аудиторию из пассивного наблюдателя в соучастника профилактики и лечения.

³URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/279225-emmanuel-macron-27032021-sida#:~:text=faire%20dépister%20régulièrement> (дата обращения: 18.08.2025).

⁴URL: https://jim4.jim.prod.public.doloforge.com/medecin/pratique/bibliotheque/21_uro/e-docs/la_lutte_contre_le_sida_en_france_en_2008_97076/document_biblio.phtml?reagir=1#:~:text=d'entre%20nous%20de%20la%20contagion,ordinaire%20leur%20fond%20de%20commerce (дата обращения: 18.08.2025).

⁵URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2019/06/21/sauver-16-millions-de-vies-lappel-du-president-emmanuel-macron-delon-john-et-de-peter-sands-pour-lutter-contre-le-sida-la-tuberculose-et-le-paludisme.fr#:~:text=sauver%2016%20millions%20de%20vies> (дата обращения: 18.08.2025).

¹URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/168706-declaration-de-mme-roselyne-bachelot-ministre-de-la-sante-de-la-jeunes> (дата обращения: 18.08.2025).

²URL: https://jim4.jim.prod.public.doloforge.com/medecin/pratique/bibliotheque/21_uro/e-docs/la_lutte_contre_le_sida_en_france_en_2008_97076/document_biblio.phtml?reagir=1#:~:text=d'entre%20nous%20de%20la%20contagion,ordinaire%20leur%20fond%20de%20commerce (дата обращения: 18.08.2025).

СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Во французском политическом дискурсе, который отражает эпидемию СПИДа, акценты расставлялись по-разному: от научных фактов до моральных призывов и ценностей республики. Эти высказывания служили средством как информирования, так и мобилизации общества. В их структуре можно выделить несколько основных стратегий убеждения.

Политики часто опираются на язык науки и статистики, подчеркивая реалистичность целей и эффективность предпринимаемых мер [Wodak, 2009]. Аньес Бюзен в 2018 году делала акцент на фактической стороне проблемы:

Notre objectif est ambitieux mais pas irréaliste :... éradiquer l'épidémie du SIDA d'ici 2030¹. – Наша цель амбициозна, но реалистична: ... ликвидировать эпидемию СПИДа к 2030 году.

Франсуа Олланд подчеркивал, что Франция останется примером в исследованиях, направленных против этой напасти:

La France continuera à être exemplaire en matière de recherche [...] contre ce fléau².

Он также отмечал, что благодаря лечению СПИД *est devenu... une maladie que l'on appelle chronique*²⁶ (стал тем, что называют хронической болезнью). Ссылки на статистику и научные достижения призваны подчеркнуть рациональность политики.

Значительная часть риторики строится на обращении к эмоциям и моральным ценностям. Высказывания Ф. Миттерана («Je demande à chaque jeune...» – «Я прошу каждого молодого человека...») и А. Бюзен («Il est impératif de faire évoluer les représentations sociales» – «Крайне важно изменить социальные представления») затрагивают совесть и ответственность граждан. Жак Ширак говорил о недопустимости эпидемии на двух уровнях (*à deux vitesses*), а Франсуа Олланд – о необходимости борьбы с несправедливостями.

Значимое место в аргументации занимает обращение к фундаментальным ценностям Республики. Республиканские принципы *liberté – égalité – fraternité* постоянно появляются в выступлениях. Ф. Миттеран называл доступ к лечению основным правом человека (*droit essentiel de la personne humaine*); закон

¹URL: https://sante.gouv.fr/IMG/pdf/181122_-_discours_-_elus_locaux_sida.pdf (дата обращения: 18.08.2025)

²⁶URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/186508-francois-hollande-04122012-lutte-contre-le-sida#:~:text=Mais%20je%20suis%20venu%20aussi,lutte%20quotidienne%20contre%20le%20sida> (дата обращения: 18.08.2025).

L1110-3 запрещает дискриминацию в доступе к профилактике и лечению; М. Бийяр утверждала:

Nous cherchons à faire tomber toutes les discriminations. – Мы стремимся устранить все формы дискриминации.

Такие заявления связывают политику в области здравоохранения с фундаментальными правами граждан.

Идея коллективной ответственности занимает особое место в политическом дискурсе, связанном со СПИДом. Политики подчеркивают, что успех борьбы со СПИДом зависит от действий каждого. А. Бюзен говорила о непрерывности борьбы, а Макрон – о необходимости совместных усилий и поддержке фондов. Жак Ширак призывал к глобальной солидарности, а Симона Вейль – к международной мобилизации. Сочетание этих стратегий позволяет охватить разные аудитории и укрепить поддержку политики.

АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Анализ конкретных речевых актов позволяет проследить, каким образом выделенные стратегии реализуются на практике и взаимодействуют между собой в политическом дискурсе, отражающем СПИД как явление.

В 2007 году министр здравоохранения Розелин Башло открыла национальную кампанию *Le sida, parlons-en!*

Le sida, parlons-en ! Parlons-en pour en reparler, pour en parler autrement ! En reparler, pour dire qu'il existe ; et continue de se répandre à travers le monde, fléau implacable frappant d'abord les pays les plus pauvres. – СПИД, давайте поговорим! Давайте поговорим, чтобы говорить о нем еще раз, говорить по-другому! Говорить снова, чтобы напомнить, что он существует и продолжает распространяться по миру, являясь неумолимой напастью, прежде всего поражающей наиболее бедные страны.

Выступление сочетает эмоциональный призыв (*parlons-en ! – поговорим об этом!*) и информативную часть (*fléau implacable – неумолимая напасть*), подчеркивая необходимость публичного обсуждения и солидарности.

В декабре 2004 года депутат Мартин Бийяр во время обсуждения законопроекта о создании HALDE заявила:

Nous cherchons à faire tomber toutes les discriminations. – Мы стремимся устранить все формы дискриминации.

Она настаивала, что люди, живущие с ВИЧ, часто сталкиваются с отказами в лечении и стигматизацией, и требовала включить состояние здоровья в перечень защищенных критериев. Ее выступление сочетало правовой аргумент – апелляцию к равенству – и моральный аспект – защиту достоинства граждан.

На Всемирной конференции по СПИДу в Мехико в 2008 году президент Николя Саркози обратился к активистам и исследователям:

Il n'y a pas de lutte plus noble et plus juste que la vôtre, qui est de lutter jour après jour pour sauver les vies de millions d'hommes, de femmes et d'enfants¹³. – Нет борьбы более благородной и справедливой, чем ваша – борьба день за днем за спасение миллионов мужчин, женщин и детей.

Эта речь объединяет военную метафору (*lutte*) и гуманистический аспект, а также призывает к международному сотрудничеству и поддержке Глобального фонда.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Хотя ключевыми деятелями являются государственные институты, значительное влияние оказывают общественные организации AIDES, Sidaction и Act Up-Paris. Именно активисты добились бесплатного доступа к антиретровирусной терапии для всех нуждающихся и расширили профилактические программы для молодежи. Действуя через массовые акции и кампании, такие организации подталкивают власть к более решительным шагам и меняют тональность официальной риторики.

Например, мэр Парижа Анн Идальго, выступая в 2014 году на подписании декларации «Город без СПИДа», заявила:

Paris s'engage, quoi qu'il en coûte, pour mettre fin à l'épidémie de SIDA¹. – Париж обязуется, чего бы это ни стоило, покончить с эпидемией СПИДа.

Такие декларации свидетельствуют о том, что местные власти и гражданское общество взаимно усиливают дискурс солидарности.

Активисты влияют и на лексику: под их давлением термин «sidaïque» постепенно исчезает, уступая место выражению *personne vivant avec le VIH*².

¹URL: https://mediatheque.lecrisps.net/doc_num.php?explnum_id=49745#:~:text=%5BPDF%5D%20,fin%20à%20%27épidémie%20de%20sida (дата обращения: 18.08.2025).

²URL: <https://www.unaids.org/fr/frequently-asked-questions-about-hiv-and-aids> (дата обращения: 18.08.2025).

Именно благодаря общественным организациям лозунг *Silence = Mort* (Молчание = смерть) стал символом борьбы, а риторика политиков стала более личной и эмпатичной.

СПЕЦИФИКА ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В XXI веке цифровые платформы радикально изменили способы обсуждения СПИДа. Государственные структуры, политики и общественные организации активно используют социальные сети, чтобы делать свои сообщения доступными и динамичными. В таких сообщениях часто используются императивные призывы, например *Parlons-en!* (Поговорим об этом!) или *Protégez-vous et vos proches* (Защитите себя и своих близких), заимствованные из офлайн-кампаний. Онлайн-коммуникация упрощает лексику и делает акцент на действенных шагах: прохождение тестирования, использование презервативов, поддержка исследований.

Хештеги вроде #StopSIDA и #1erDécembre объединяют пользователей вокруг Всемирного дня борьбы со СПИДом. Стримы с участием министров и экспертов, онлайн-опросы и форумы позволяют отвечать на вопросы в реальном времени. Быстрая реакция отмечалась в 2021 году, когда во время *Sidaction* президент Эмманюэль Макрон опубликовал видеообращение с призывом к пожертвованиям и напоминанием о том, что каждое пожертвование – *munition contre ce virus (напрямую против этого вируса)*. Аналогичные сообщения публиковались Министерством здравоохранения и мэриями, что укрепляет доверие к государственным институтам и снижает распространение дезинформации.

Онлайн-дискурс способствует дестигматизации. Возникают видео, в которых люди, живущие с ВИЧ, делятся своим опытом, разрушают стереотипы, а кампании с участием известных блогеров и артистов расширяют аудиторию. В результате цифровая коммуникация помогает объединить государственные инициативы и гражданское участие, делая борьбу со СПИДом частью повседневной медиасреды.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современный французский политический дискурс, отражающий СПИД, смещает акцент в сторону профилактики, раннего тестирования и равного доступа к лечению. В 2018 году А. Бюзен заявила о намерении ликвидировать эпидемию к 2030 году, а министр здравоохранения Оливье Веран подтвердил, что:

La France est mobilisée pour atteindre l'objectif d'éliminer le VIH/SIDA d'ici 2030¹. – Франция мобилизована для достижения цели ликвидировать ВИЧ/СПИД к 2030 году.

Реальные шаги включают расширение программы PrEP, предоставление бесплатных презервативов молодым людям, создание центров тестирования. Франция также поддерживает международные инициативы: в 2019 году Макрон призвал к щедрым взносам в Глобальный фонд, говоря, что ему «нужна помощь, чтобы спасти 16 миллионов жизней» («J'ai besoin de vous pour sauver 16 millions de vies...»).

Интерсекциональный подход становится все более заметным: политики рассматривают СПИД в контексте миграции и гендерного равенства.

Закон L1110-3 запрещает дискриминацию в доступе к медицинской помощи, а министры напоминают о необходимости *изменить социальные представления (faire évoluer les représentations sociales)*. Франция выступает за поддержку развивающихся стран. В 2016 году Ф. Олланд заверил, что *остановить эпидемию СПИДа в мире – это возможно (arrêter l'épidémie de SIDA dans le monde, c'est possible)*, а в 2013 году он подчеркнул, что это *честь Франции... чтобы СПИД перестал быть болезнью бедности (honneur de la France... pour que le SIDA cesse d'être aussi une maladie de la pauvreté)*. Эти заявления связывают национальные инициативы с глобальной ответственностью.

Тенденция к дестигматизации проявляется и в языке: вместо термина *porteur du virus (носитель вируса)* закрепилось выражение *personne vivant avec le VIH (человек, живущий с ВИЧ)*, подчеркивающее субъектность и достоинство человека. Вместе с этим развивается культура включенности: информационные кампании ориентированы на разнообразные группы (молодежь, мигранты, ЛГБТК+), что способствует снижению барьеров к тестированию и лечению.

¹URL: <https://onu.delegfrance.org/la-france-est-mobilisee-pour-atteindre-l-objectif-d-eliminer-le-vih-sida-d-ici#:~:text=La%20France%20est%20mobilisee%20pour,Monsieur%20le> (дата обращения: 18.08.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Французский политический дискурс о СПИДе представляет собой многослойное явление, сочетающее медицинские, социальные, правовые и культурные компоненты. Пропозиционально-фреймовый анализ показал, что ключевые рамки – угроза, борьба и солидарность – переплетаются и задают комплексное восприятие эпидемии. Лексическая организация отражает стремление к балансу между научной аргументацией и гуманистическим подходом: от медицинских терминов (*infection à VIH, dépistage, traitement antirétroviral*) до правозащитной лексики (*égalité d'accès, droits des patients*). Метафорика войны (*lutte, combat, vaincre*) сочетается с кризисной оценкой (*fléau, drame humain*) и апелляцией к солидарности и правам человека.

Стратегии убеждения объединяют отсылки на научные данные, эмоциональные и моральные призывы, национальные ценности и коллективную ответственность, что позволяет охватить разные аудитории и усиливает легитимность политических решений. Участие общественных организаций (AIDES, Sidaction, Act Up-Paris) сыграло решающую роль в дестигматизации и персонализации дискурса: их лозунги, кампании и давление на власть ускорили принятие прогрессивных мер. Цифровая коммуникация расширила возможности для диалога и вовлечения граждан. Она фактически превратила борьбу со СПИДом в часть повседневной медиасреды.

Современные тенденции указывают на дальнейшее развитие профилактических программ, усиление интерсекционального подхода, расширение международного сотрудничества и углубление дестигматизации. Французский опыт демонстрирует, что политический дискурс способен не только описывать медицинскую проблему, но и формировать общественное восприятие, задавать моральные ориентиры и мобилизовать ресурсы для борьбы с эпидемией. Это делает его важным инструментом национальной и международной стратегии противодействия ВИЧ / СПИДу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fillmore Ch. Frame Semantics. In *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Pub. Co., 1982. P. 111–137.
2. Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 2. С. 26–34.
3. Dijk T. van. *Discourse and Power*. London: Bloomsbury Publishing, 2008.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

5. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press, 1974.
6. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2009.

REFERENCES

1. Fillmore, Ch. (1982). Frame Semantics. In Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981 (pp. 111–137). Seoul: Hanshin Pub. Co.
2. Kuznetsov, V. G. (2007). Subject matter and objectives of diachronic contrastive conceptology. Issues of cognitive linguistics, 2, 26–34. (In Russ.)
3. Dijk, T. van. (2008) Discourse and Power. London: Bloomsbury Publishing.
4. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.
5. Goffman, E. (1974). Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press.
6. Wodak, R. (2009). The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Лариса Олеговна

аспирант

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка

факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslova Larisa Olegovna

PhD student

Lecturer at the Department of French Lexicology and Stylistics

Faculty of the of the French language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.08.2025
28.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК (81:159.95+81'373.612.2):811.131.1

Лингвокультурологические и концептуальные параметры эвфемии в современном итальянском языке

Л. В. Порохницкая¹, Е. Ю. Мищенко²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹lidie@list.ru

²misch.liz@mail.ru

Аннотация. Цель работы – выявить и описать языковые параметры эвфемизации, а также реконструировать концептуальные модели в семантике разнотипных эвфемистических единиц, которые используются в современном итальянском языке для номинирования ряда табуированных понятий. В исследовании применяются методы концептуального анализа, гипотетико-дедуктивный метод, метод дефиниционного анализа, метод культурологической интерпретации единиц. Показано, что в рамках традиционных областей эвфемистической номинации ведущими концептуальными моделями следует признать метафорические модели, в то время как в современных политкорректных сферах наиболее активны метонимические концепты.

Ключевые слова: эвфемистическая номинация, метонимический концепт, метафорический концепт, концептуальная модель, концептуальный фокус, эвфемистический фрейм

Для цитирования: Порохницкая Л. В., Мищенко Е. Ю. Лингвокультурологические и концептуальные параметры эвфемии в современном итальянском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 102 – 112.

Original article

Linguocultural and Conceptual Parameters of Euphemism in the Modern Italian Language

Lydia V. Porokhnitskaya¹, Elizaveta Yu. Mischenko²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹lidie@list.ru

²misch.liz@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to identify and describe the linguistic parameters of euphemization, as well as to reconstruct conceptual models in the semantics of differently structured euphemistic units that are used in modern Italian to nominate a number of taboo concepts. The methods of conceptual analysis, the hypothetical-deductive method, the method of definitional analysis, and the method of cultural interpretation of units are used. It is shown that within the traditional fields of euphemistic nomination, metaphorical models should be recognized as the leading conceptual models, while metonymic concepts are the most active in modern politically correct fields.

Keywords: euphemistic nomination, metonymic concept, metaphorical concept, conceptual model, conceptual focus, euphemistic frame

For citation: Porokhnitskaya, L. V., Mischenko, E. Yu. (2025). Linguocultural and conceptual parameters of euphemism in the modern Italian language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 102–112. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследовательский интерес к многоаспектному явлению эвфемии не утрачивает своей остроты как в отечественных, так и в зарубежных научных кругах. Определение эвфемизмов и параметров их коннотативно амбивалентной и непрерывно трансформирующейся природы представляет собой непростую задачу, которую лингвисты стремятся решить на протяжении нескольких десятилетий¹ [Allan, Burridge, 2007]. В данной работе под эвфемизмом понимается слово или словосочетание, используемое взамен другого слова или словосочетания, которое по нравственным, этическим, эстетическим и другим мотивам представляется неуместным в данном контексте [Порохницкая, 2014].

Феномен эвфемизации, отражающий динамику культурных и социальных процессов, демонстрирует растущую значимость в рамках итальянской лингвокультуры. Целый ряд итальянских лингвистов, например, Н. Галли де Паратези, Л. Серианни и Дж. Маттарукко, внесли существенный вклад в его исследование [Galli de Paratesi, 1964; Serianini, 2014; Mattarucco, 2017]. Однако несмотря на эти усилия, изучение культурологических и концептуальных моделей эвфемизации в итальянском языке остается приоритетной задачей для дальнейших научных изысканий. Учитывая вышесказанное, комплексное изучение лингвопрагматических, культурологических и концептуальных параметров эвфемизации в итальянском языке все так же представляется актуальным.

Научная новизна настоящего исследования обусловлена двумя основными факторами. Во-первых, недостаточная изученность эвфемистического номинативного потенциала² в итальянской лингвокультуре создает значительный пробел в понимании специфики данного явления в современном итальянском языке. За исключением небольшого количества работ, появившихся в последние десятилетия [Орлова, 2014; Побегайло, 2020], в научной литературе больше не было предпринято попыток подробно рассмотреть специфику процесса эвфемизации в итальянском языке. Во-вторых, ограниченность исследований, посвященных региональной вариативности эвфемистической номинации в итальянском языке, затрудняет возможность

выявления лингвокультурных и концептуальных моделей эвфемизации.

Практическая значимость данной работы нам видится в применении результатов исследования в курсах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лексикологии итальянского языка, а также в лексикографической практике для разработки современного словаря эвфемизмов итальянского языка.

К анализу привлекаются разноструктурные языковые единицы, обладающие эвфемистическим потенциалом. Многие из проанализированных единиц описываются и систематизируются впервые.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, способы пополнения эвфемистического фонда языка обычно совпадают с основными способами пополнения его словарного состава. Так, например, значительное количество языковых единиц, обладающих эвфемистическим потенциалом в итальянском языке, являются заимствованиями (прямыми или калькированными). Сравните, например, *maîtresse* (от фр. *любовница*), *pepperepè* (от порт. *наркоман*), *etera* (от греч. *проститутка*), *andare giù* (от англ. *to go down* – *умереть*).

Анализ отобранного материала продемонстрировал, что процент заимствований в итальянском намного меньше в сопоставлении с разнообразными внутрисистемными способами создания эвфемистических единиц. Достаточно продуктивным способом пополнения эвфемистического словаря в итальянском языке на синхронном срезе остается аффиксация. На синхронном срезе по-прежнему активен уменьшительный суффикс **-occio** (например, *grassoccio* – *толстый / полный*). Высокой активностью в итальянском языке отмечена также префиксация, которая в политкорректной номинации позволяет сместить акцент с табуированной сущности денотата. Особенно высоким эвфемистическим потенциалом характеризуются префиксы **-sotto** (например, *sottoccupato* – *безработный*) и **-ipo** (например, *ipovedente* – *слабовидящий*). Словосложение менее распространено, однако в медицинском дискурсе определенной продуктивностью отмечена основа **-leso** со значением «поврежденный, нарушенный» (например, *audioleso* – *с нарушением органов слуха*, *motuleso* – *с нарушением двигательных навыков*).

Высокий эвфемистический потенциал различного рода сокращений в итальянском языке в целом отражает общий тренд романских и германских языков [Порохницкая, 2014]. Активное использование

¹Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2000.

²Под термином «эвфемистический потенциал» мы понимаем степень эвфемистичности номинативной единицы, другими словами, ее способность смягчить и / или замаскировать обозначение некоторого явления действительности.

сокращений характерно, в частности, для политкорректного дискурса. Так, например, вместо *spazzino* (дворник) и *bidello* (школьный сторож) широко используется генерализирующий акроним *personale ATM* от *amministrativo, tecnico e ausiliario*. Прямые наименования *cancro* (рак) и *carcinoma* (карцинома) могут заменяться однобуквенным сокращением *K*. Примером стяжения может послужить эвфемизм *diversabile* (с ограниченными возможностями), образованный от *diversamente* и *abile*.

Несмотря на низкую продуктивность фонетических способов эвфемизации в итальянском языке, стоит отметить случаи звуковой аналогии, которая часто используется в целях эвфемизации ненормативных восклицаний и избежания богохульства: *cavolo*, дословно 'капуста', (вместо *cazzo!* – 'дерьмо!'), *perdindirindina* / *per zio* (вместо *per Dio!* – 'ради Бога!'), *madosca* (вместо *Madonna!* – 'Мадонна!'), *cribbio* (вместо *Christo!* – 'Иисусе!'). Менее популярна ономатопическая редупликация (например, *fare la pipì* – ходить в туалет).

На современном этапе анализа можно констатировать, что подавляющее большинство эвфемистических единиц в современном итальянском языке являются продуктом семантической деривации. Семантическая структура лексемы может расширяться за счет появления нового эвфемистического значения. Это происходит, например, в единице *soldato* (*солдат*), обозначающей самого низкого члена в иерархии мафии. Обратный процесс сужения значения можно проследить на примере эвфемизма для увольнения сотрудников *dispensare* (изначально 'распределять'). Эвфемистическая генерализация позволяет маскировать самый широкий спектр табуированных концептов (например, *la cosa* – вещь – может обозначать половой акт, употребление наркотиков и т. д.).

Эвфемистическую недосказанность следует признать одним из самых успешных способов пополнения итальянского эвфемистического фонда. В качестве примера можно привести *morbido* (мягкий) вместо *grasso* (толстый). Не менее распространенным явлением может считаться поляризация, которая традиционно продуктивна при номинации военных действий, где оккупация территории может обозначаться эвфемизмами *stabilizzazione* (стабилизация) или *pacificazione* (умиротворение).

Наконец, фразеобразовательные способы основанные, главным образом, на перифразе, отмечают достаточно высокой продуктивностью в эвфемистической номинации. В отличие от однословных единиц «сверхсловные» эвфемистические замены предоставляют больше простора для лингвокреативности и перекатегоризации. Например, многословная номинация *in cerca di nuove opportunità*

(безработный; 'в поисках новых возможностей') позволяет вывести в фокус номинации положительную идею новых возможностей, что по инференции сопряжено с представлением о «добровольном положении» человека, потерявшего работу. Отмеченный фокус обеспечивает данной частотной номинации достаточно стабильный эвфемистический потенциал.

ТРАДИЦИОННЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ОБЛАСТИ ЭВФЕМИЗАЦИИ В ИТАЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В настоящее время явление эвфемизации охватывает множество сфер жизни человека, что обусловлено амбивалентным отношением к ним представителей современного италоязычного социума. Наиболее распространенными референтными областями, в которых в настоящее время активно используются эвфемизмы в итальянском языке, являются смерть и связанные с ней реалии (похоронные обряды, кладбища), секс, проституция, беременность и роды, физиология, религия и суеверия, бранная лексика, преступления и наказания (в том числе убийства, кражи, тюрьмы), а также медицина (болезни, больницы, физические и ментальные ограничения). Как отмечалось ранее, концепт пьянства практически не подвергается эвфемистическому переосмыслению, что объясняется отсутствием социального порицания и постепенной нормализацией этого явления [Порохницкая, 2014]. И. В. Побегайло, в свою очередь, выделяет две главные группы сфер жизни общества, которые подвергаются эвфемизации, а именно *бытовые* (интимные отношения между людьми, семья, дом, смерть) и *социальные*¹ (национальная и социальная принадлежность, медицинская сфера, профессиональная деятельность, политика, дипломатия и военное дело) [Побегайло, 2020].

При подробном рассмотрении всех вышеупомянутых областей, оказалось, что наиболее табуированными в италоязычной картине мира являются концепты, репрезентирующие интимные отношения, физиологию и смерть. Так, например, почти четверть эвфемистических единиц нашего корпуса приходится на сферу сексуальности. В одну группу входят эвфемизмы, обозначающие свершение полового акта – *sacrificare a Venere, andare a letto insieme, impegnare in un congresso amoroso*; сам половой акт – *intimo colloquio, rapporti intimi, fabbricazione di cesti*; романтического партнера – *la dolce metà, moroso/a, amico/a*; романтические отношения – *affettuosa amicizia, dimestichezza*. Во вторую группу

¹Социальные эвфемизмы И. В. Побегайло так же подразделяет на два типа: «собственно социальные» и «социально-политические» [Побегайло, 2020].

данной области «оплачиваемая сексуальность» можно отнести проституцию – *la professione più antica del mondo*; секс-работников и работниц – *operatrice sessuale / del sesso, passeggiatrice, professionista del sesso, sacerdotessa di Venere, venditrice d'amore*; публичные дома – *casa chiusa, casa d'appuntamenti, casa di tolleranza, casa equivoca, casa squillo, maison*.

Область человеческого тела и его физиология в силу своей табуированности также подвержена языковому запрету. Данную область можно, в свою очередь, разделить на три тематические группы: половые органы, общечеловеческую физиологию и физиологию женскую. Так, например, к первой группе относятся единицы, номинирующие репродуктивные мужские и женские органы – *area intima, organi intimi / parte intime*; и женскую грудь – *ben fornita (da madre Natura), minna, poccia, pomo*. Во вторую группу входят эвфемизмы для физиологических процессов – *liberarsi, fare i propri bisogni, usare il gabinetto*; в том числе рвоту – *dare di stomaco, restituire, rigettare*; туалетную комнату – *gabinetto, licet, servizi, quel certo posto*. Последняя группа включает эвфемистические единицы, номинирующие различные проявления женской физиологии, например менструации – *avere le cose, avere i giorni critici, avere il ciclo, essere indisposta, essere in quel periodo del mese, il marchese, l'armata rossa, il barone rosso, lo sbarco degli inglesi*; беременности – *essere in (dolce) attesa, in stato interessante*; менопаузы – *la mia età*.

Наконец, третьей по продуктивности является номинативная область смерти и ее атрибутов. В итальянском языковом пространстве концепт смерти ввиду своей крайней табуированности является источником значительного эмоционального дискомфорта, от которого существующие эвфемистические замены позволяют дистанцироваться. При этом подходы к смягчению негативного восприятия концепта «умирать» варьируются, включая как общепринятые (*venire a mancare, venire meno, scomparire, andarsene*), так и религиозно обусловленные способы эвфемизации (*passare a miglior vita, lasciare questa valle di lacrime, addormentarsi nel bacio del Signore*). Также существуют эвфемизмы, вербализирующие более частные концепты, например:

- СУИЦИД – *l'autolesionismo, farsi del male, non farcela più*;
- ВЫКИДЫШ – *perdere il bambino, interruzione spontanea*;
- АБОРТ – *interruzione volontaria di gravidanza*;
- СМЕРТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ (ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ) – *lasciarci le penne / le piume / la pelle*;
- УБИЙСТВО – *fare fuori, eliminare, mandare sotto terra*;

- УБИЙСТВО В РЕЗУЛЬТАТЕ МАФИОЗНЫХ ВОЙН – *occuparsi di una persona scomoda, prendersi delle misure*;
- СМЕРТНАЯ КАЗНЬ – *rimozione della minaccia, sanzione estrema*;
- ЭВТАНАЗИЯ – *la morte dolce*.

Несмотря на большее разнообразие языковых средств репрезентации традиционных табуированных понятий в итальянском языке, изучение концептуального аспекта их семантики позволяет отметить действие регулярных моделей. Так, в области «секс» заметна частотная репрезентация полового акта и интимной связи через призму дружеских отношений (*affettuosa amicizia, dimestichezza*), деловых отношений (*congresso amoroso*), работы (*fabbricazione di cesti – изготовление корзин*), а также мифологических образов (*sacrificare a Venere*). В контексте эвфемистической номинации женской физиологии актуализируется метафорический образ нашествия врага (например, *lo sbarco degli inglesi – высадка англичан*).

Важно учитывать, что любой, даже узуальный эвфемизм обладает лишь определенной долей эвфемистического потенциала, который может варьироваться и даже утрачиваться в зависимости от контекста. Следовательно, интерпретация всех вышеуказанных номинативных единиц требует индивидуального подхода, основывающегося на выявлении интенции говорящего, учете фоновых знаний (бэкграунда) слушателя и специфике коммуникативной ситуации.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИТАЛЬЯНСКИХ РЕАЛИЙ

Идеология политической корректности, охватившая весь мир и в особенности европейские лингвокультуры, не обошла стороной и итальянский язык, укorenившись в нем, однако, не так прочно. Под политической корректностью чаще всего понимается движение, ключевой идеей которого можно считать избегание дискриминационного и оскорбительного языка в адрес социально незащищенных групп и меньшинств. В зону действия законов политкорректного взаимодействия в итальянском языке попадают следующие стигматичные и амбивалентные концепты – ФИЗИЧЕСКИЕ / МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ГЕНДЕР, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВОЗРАСТ.

Наиболее оформленными и сложившимися на сегодняшний день представляются политически корректные эвфемизмы, номинирующие лиц с физическими и ментальными особенностями. В основном нормы прескриптивной номинации привносятся в

итальянский язык из английского. Если рассматривать использование терминов, призванных бороться с так называемыми «эйблистскими» наименования в диахронной перспективе, то можно обнаружить определенную динамику концептуальных моделей, в общих чертах отражающую тенденции в англоязычном политкорректном дискурсе. Так большинство единиц анализируемой области со временем растрачивают свой эвфемистический потенциал, превращаясь либо в дисфемизм, либо в прямое наименование денотата, и начинают выстраиваться в цепочки кореферентных номинаций с возрастающим эвфемистическим потенциалом.¹

Ярким примером описываемого процесса могут служить основанные на недосказанности эвфемизмы *ipovedente* (слабовидящий) и *ipoudente* (слабослышащий), в фокусе номинации которых присутствует идея недостаточности. Отмеченные единицы начинают постепенно вытеснять такие номинации, как *audioleso* (с нарушением органов слуха) и *duro d'orecchio* (плохо слышащий), что обусловлено выведением в фокус табуированных в данном типе дискурсе идей «нарушение» и «тяжесть» («трудность»).

Сходную цепочку эвфемистических замен можно наблюдать в сфере номинирования мало-мобильных людей. *Storpio*; *zoppo* (калека) – *invalido* (инвалид) – *handicappato* (физически ограниченный) – *portatore di handicap* (обладатель физической ограниченности) – *inabile, disabile* – *diversamente abile / diversabile*. Последний эвфемизм был создан с целью вывести в фокус номинации одну из ведущих в контексте политкорректного номинирования идею наличия альтернативных способностей данной группы людей, в то время как предшествующие номинации были призваны профилировать табуированную на синхронном срезе идею отсутствия. В бюрократическом языке также используются *motuleso* (ограниченный в движении) и *non-deambulante* (неходячий), не получившие, однако, широкого распространения.

Наиболее актуальным трендом в языке и идеологии медкорректности можно считать People-first language (PFL) или «язык, ставящий человека на первое место», активно использующийся сегодня в СМИ и медицинском дискурсе англоговорящих стран. В рамках данного движения ведущей стратегией является использование описательных атрибутивных конструкций, акцентирующих в первую очередь идентичность денотата как человека, а не больного. Например, такие эвфемизмы, как *persona con abilità diverse, persona dotata di differenti capacità, persona fisicamente diverse, persona con disabilità visiva* конструируются на базе англоязычной модели *a person with... (who has...)*. Эта модель позволяет

вывести в фокус номинации идею «наличия у человека» (некоторого важного качества, заболевания и т.д.). Отмеченная тенденция, получившая широкое распространение в медкорректном дискурсе большинства европейских стран, продолжает вызывать ожесточенные споры как среди людей с ограничениями здоровья, так и в общественных кругах по причине сближения подобных эвфемистических моделей с моделями прямой номинации.

Что же касается гендерной языковой политики, здесь ситуация представляется более сложной. В то время как в английском языке главной стратегией признается «гендерное равенство», на языковом уровне имеет место нейтрализация обозначений мужского или женского рода (*spokesperson* вместо *spokesman, labour force, workforce* или *human resources* вместо *manpower*). Очевидно, что для итальянского языка данный подход не вполне применим. Именно поэтому наиболее популярной в итальянской лингвокультуре стала стратегия «femminilizzazione» (феминизации) флексий слов или их артиклей: *avvocato / avvocat* (адвокат/-ка), *attore / attrice* (актер / актриса), *finanziere / finanziaria* (финансист/-ка), *il poeta / la poeta* (поэт/-есса).

Профессиональная деятельность в Италии тоже подвержена значительному эвфемистическому переосмыслению. Наиболее заметной тенденцией стало активное внедрение слов **collaboratore** (сотрудник) и **operatore** (работник), имеющих в своей основе эвфемистическую генерализацию: *operatore cimiteriale* вместо *becchino* (могильщик), *operatore carcerario* вместо *guardia* (надзиратель), *collaboratore di giustizia* вместо *pentito* (информатор), *collaboratrice familiare* вместо *domestica* (горничная), *operatore / operatrice sessuale / del sesso* вместо *prostituta* (проститутка). Многие из перечисленных наименований, в фокусе семантики которых находится идея «статуса», не получили широкого распространения и остаются на периферии языковой системы.

Важным сегментом италияязычной картины мира по результатам нашего исследования следует признать концепт ЧЛЕН МАФИОЗНОЙ ГРУППИРОВКИ. Среди заметных эвфемистических единиц для вербализации данного концепта следует назвать *uomo di penza, uomo d'onore, uomo di rispetto*. Представляется, что такие номинации являются принадлежностью описываемого социолекта и используются, главным образом, для номинации первого компонента концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ.

Еще одним амбивалентным концептом, который попадает в зону действия законов политкорректности в итальянском языке, является ВОЗРАСТ. Среди узуальных эвфемистических сочетаний, посредством которых вербализуется данный концепт, следует отметить *avanti cogli anni* (в летах),

¹О явлении *euphemism treadmill* см. [Pinker, 2002].

un'età avanzata (преклонный возраст) и *gli anni della maturità / dell'esperienza* (годы зрелости / опытности). Стабильный эвфемистический потенциал отмеченных единиц обусловлен положительной идеей «зрелости» в фокусе их семантики. Одним из наиболее частотных в современном политкорректном дискурсе следует признать сочетание *la terza età* (третий возраст), который, по всей видимости, является калькой от англ. *the third age*. Калькированным эвфемизмом можно также считать единицу *una certa età* (некий возраст), в фокусе номинации которой оказывается идея «неопределенности», «размытости границ». Среди окказиональных эвфемистических сочетаний можно назвать номинацию от противного *diversamente giovane* (по-иному молодой) и метафорическую единицу *gli anni azzurri* (голубые годы), в фокусе которых находятся идея 'беззаботности'.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВФЕМИИ В СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ эвфемизации в ономазиологическом ключе служит важной цели понимания языковой картины мира рассматриваемой лингвокультуры¹.

Для изучения номинативной деятельности в рамках процесса эвфемизации необходимо рассмотреть исторические особенности формирования семантики ряда итальянских языковых единиц. В частности концепт смерти, будучи одним из наиболее табуированных, часто вербализуется с помощью языковых единиц, этимология которых не всегда очевидна даже для носителей языка. Например, для понимания эвфемизма *andare a Patrasso* необходимо знать о греческой мифологии и античной истории, к которым он отсылает. *Patrasso* (Патры) – это название древнего греческого города. В контексте католической Италии он ассоциируется с царством мертвых². Точно так же эвфемизм *mandare a Patrasso* (отправить в Патры) означает «убить». Другой эвфемизм *fare la fine del topo* («кончить как мышь») репрезентирует смерть в нищете и одиночестве. В основу его семантики положены народные итальянские представления о мышах как предвестниках бедствий и болезней. Приведенные примеры подтверждают тезис о том, что эвфемистическая номинация в итальянском

языке базируется на целом ряде исторически значимых культурологических концептов.

Проведенный лингвокультурологический анализ большого массива эвфемистических единиц для номинирования различных аспектов интимной жизни людей продемонстрировал, что несмотря на высокую степень лексикализации данного концепта и в других романских, а также германских языках, в итальянском языке данная номинативная сфера является одной из наиболее заметных в структуре эвфемистического фонда языка.³

Мы уже отмечали высокую продуктивность фитоморфных метафорических концептов в контексте эвфемистического номинирования мужских и женских половых органов в романских и германских языках [Порожницкая, 2014]. В итальянском языке данная концептуальная модель может считаться одной из наиболее активной в рамках изучаемой номинативной сферы. Сравните, например, обозначения женских органов – *fica / figa* (инжир), *patata / patatina* (картофель / картофелина), *mela* (яблоко), *castagna* (каштан), *carcioffola* (маленький артишок); обозначения мужских органов: *banana* (банан), *cetriolo* (огурец), *pisello* (горох). Важно подчеркнуть, что в основе семантики приведенных единиц лежит актуализация ряда базовых концептов, которые позволяют выводить в фокус номинации конкретизированные идеи, ограничивающие возможность реализации их эвфемистического потенциала.

Отличительной особенностью эвфемизации интимной жизни людей в итальянском языке надо признать широкое распространение кулинарных образов, представляющих собой важнейший сегмент концептуальной картины мира итальянцев. Так, например, семантика языковых единиц для номинирования интимных отношений *menare la pasta / polenta* (варить макароны / кашу) моделируется на базе значимых лингвокультурных концептов ПАСТА и ПОЛЕНТА. Интересным примером закрепления культурологической информации в семантике языковой единицы может служить лексема *limonare* (целоваться)⁴, которая отсылает к древнему обычаю ломбардских овощных торговцев продавать этот товар парами.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ

При описании семантики и прагматики эвфемистических единиц, представляющих как традиционные

¹Так, анализируя взаимосвязь между концептуальной и языковой картинами мира, В. Н. Манакин рассуждает о том, что язык имеет тенденцию фиксировать любые культурные особенности, которые становятся особенно заметными при сопоставлении с другими языками [Манакин, 2004].

²Более того, данный эвфемизм имеет созвучие с латинским существительным «предки» и по одной из версий происходит от латинской библейской фразы *ire ad patres* («идти к отцам»).

³Наиболее подробным лексикографическим источником эвфемизмов интимной сферы в итальянском языке следует считать *Dizionario storico del lessico erotico italiano. Metafore, eufemismi, oscenità, doppi sensi, parole dotte e parole basse in otto secoli di letteratura italiana* [Casalegno, Boggione, 1996].

⁴Существует также второе объяснение происхождения данной единицы, согласно которому речь идет о процессе выжимания лимона.

сферы эвфемизации в итальянском языке, так и сферы политкорректного взаимодействия, мы неоднократно отмечали, что значение лексических единиц и сочетаний, обладающих определенной долей эвфемистического потенциала, конструируется на базе метафорических и метонимических моделей, обнаруживающих определенную регулярность.

Как показало наше исследование, метафорические и метонимические концепты¹, лежащие в основе семантики эвфемизмов, репрезентирующих конкретную номинативную сферу, коррелируют между собой. В результате они образуют иерархически упорядоченную систему метафорических и метонимических кластеров и оппозиций.

Изучение семантических моделей эвфемистической номинации предполагает проведение двухступенчатого концептуального анализа, который включает в себя определение концепта (конфигурации концептов), на которых базируется семантика конкретной единицы, с последующим выделением фокусного элемента всей концептуальной структуры. Реконструкция концептуального фокуса представляет собой важный этап концептуального анализа семантики эвфемизма, поскольку именно он дает ключи к пониманию периметров эвфемистического потенциала конкретной единицы и в определенной степени позволяет оценить его историческую перспективу [там же].

В рамках настоящего исследования мы провели концептуальный анализ семантики большого

массива разноструктурных единиц итальянского языка, обладающих определенной степенью эвфемистического потенциала. Они представляют ряд как традиционных сфер эвфемизации (смерть, секс), так и политкорректных (безработица, увольнение). На современном этапе исследования мы имеем основания констатировать следующий факт: несмотря на то, что в рамках всех изучаемых сфер метафорические и метонимические концепты работают сообща, формируя кластеры и оппозиции, которые в свою очередь являются строевыми элементами иерархически организованного номинативного базиса конкретной области, можно говорить о преобладании метафорических концептов в традиционных сферах эвфемизации и о превалировании метонимических концептов в политкорректной эвфемии.

Описание концептуальных параметров эвфемизации в итальянском языке представляется логичным с номинативной области «смерть» – одной из старейших в италияязычной картине мира.

Проведенный концептуальный анализ семантики эвфемистических единиц данной сферы позволил реконструировать ряд ведущих метафорических и метонимических концептов, которые репрезентируют три основных концептуальных блока: АНТРОПОМОРФНЫЕ КОНЦЕПТЫ, ПРИРОДНЫЕ ФЕНОМЕНЫ и БЛОК БАЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ. Частотные вершинные элементы (фокусы) концептов-конституентов каждого блока образуют свою иерархическую систему, которую можно рассматривать в качестве фрейма эвфемистического номинирования изучаемого явления (см. схему 1).

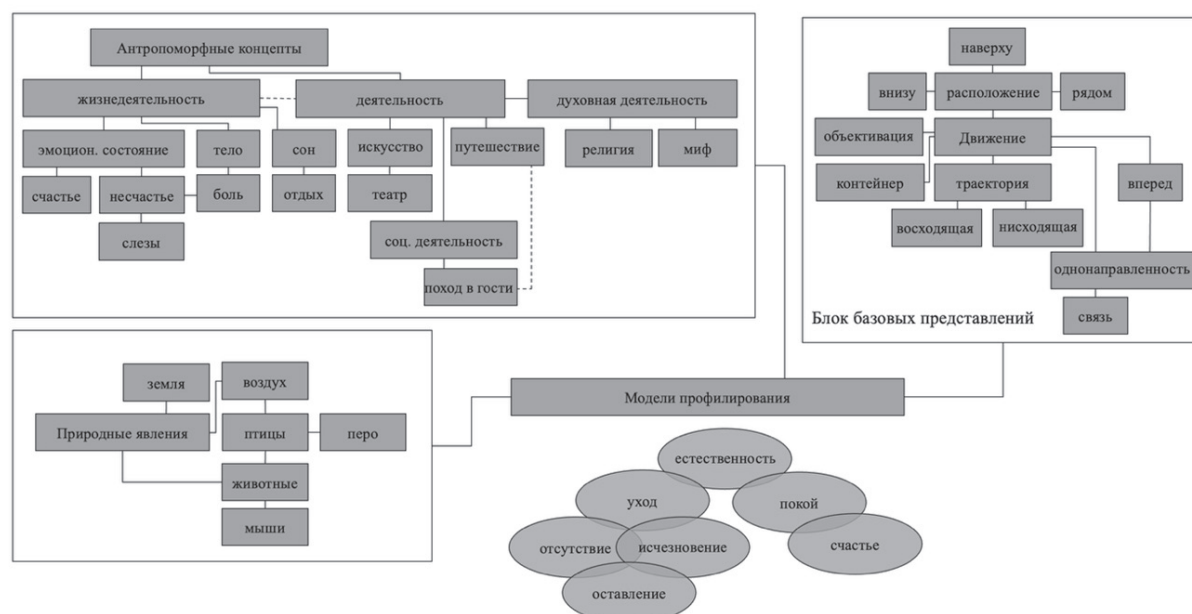
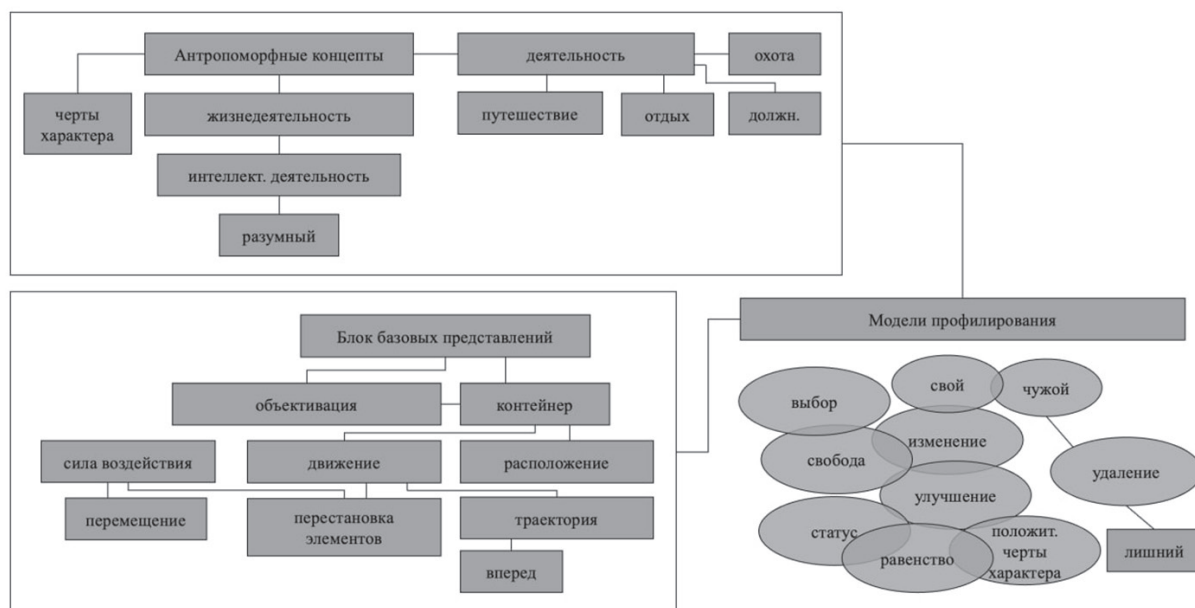

Схема 1. Концептуальные модели эвфемизации в рамках области «смерть»

Схема 2. Концептуальные модели эвфемизации в рамках области «производственные отношения»

Одним из наиболее продуктивных метафорических концептов в рамках номинативной области «смерть» надо признать концепт ПУТЕШЕСТВИЕ (АНТРОПОМОРФНЫЕ КОНЦЕПТЫ). При ближайшем рассмотрении он оказывается сложной конфигурацией концептов и включает в себя несколько подконцептов, в частности, ОТПРАВЛЕНИЕ В ПУТЬ (*andare via*) и НАХОЖДЕНИЕ В ПУТИ (*passamento*). Концепт ПОХОД В ГОСТИ (*andare al creatore*), отвечающий за религиозное видение смерти через призму воссоединения с Богом, коррелирует с концептом ПУТЕШЕСТВИЕ, образуя с ним единый кластер. В конструирование сложного концепта ПУТЕШЕСТВИЯ активно вовлекаются также концепты блока ПРИРОДНЫЕ ФЕНОМЕНЫ (например, ВОЗДУХ *volare in paradiso*, ЗЕМЛЯ *andare sottoterra*). Однако ключевую роль в контексте конструирования метафорических концептов ПУТЕШЕСТВИЕ и ПОХОД В ГОСТИ играют концепты блока БАЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (ДВИЖЕНИЕ) и ТРАЕКТОРИЯ (ВПЕРЕД, ВНИЗ, ВВЕРХ), которые являясь основополагающими строевыми элементами сложных концептов, определяют их фокусировку. Среди ведущих базовых представлений номинативной области «смерть» следует также подчеркнуть важность концептов РАСПОЛОЖЕНИЕ (НАВЕРХУ, ВНИЗУ, СТАТИЧНОЕ), КОНТЕЙНЕР, ОБЪЕКТИВАЦИЯ.

Говоря о функциях метонимических концептов в эвфемистической номинации смерти в итальянском языке, необходимо, прежде всего, отметить концепт ЗАКРЫВАНИЯ ГЛАЗ, который

может актуализировать видение смерти как самостоятельно (*chiudere gli occhi*), так и в структуре более комплексных метафорических концептов СНА (*addormentarsi nel bacio del Signore*) и ОТДЫХА (*eterno riposo*).

Достаточно показательна среди новых областей эвфемизации в итальянском языке сфера производственных отношений, в рамках которой ведущими моделями конструирования семантики частотных языковых единиц являются метонимические модели (см. схему 2).

Наиболее стигматичными в рамках данной сферы в итальянской лингвокультуре являются, по всей видимости, концепты БЕЗРАБОТИЦА и УВОЛЬНЕНИЕ. По результатам проведенного исследования можно утверждать, что в первом случае продуктивен метонимический концепт ОТДЫХ (*essere in riposo*), позволяющий репрезентировать представление об отсутствии работы через различные подконцепты в своей структуре: ПРАЗДНОСТЬ (*ozioso / sfaccendato*), СВОБОДА (*libero*), НАЛИЧИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА (*occupabile*). Помимо статичной метонимии достаточно активна также сценарная концептуальная метонимия, позволяющая эвфемистически репрезентировать табуированный процесс увольнения посредством апеллирования к отдельным этапам стандартной процедуры увольнения (ср. например, *esonere* 'освободить', *dare a una persona il permesso di andarsene*, 'дать разрешение уйти' и т. д.). В этой связи важно отметить также вклад метафорического концепта ПУТЕШЕСТВИЕ (ПОЕЗДКА), который отличается высокой активностью во всех

сферах эвфемизации в германских и романских языках. Сравните, например, *andare via* ('уехать'), *mandare via* ('отправить').

В рамках исследуемой области еще одна важная функция концептуальной метонимии заключается в репрезентации некоторых видов трудовой деятельности через призму более обобщенного концепта (напр., *operatore cimiteriale* вместо *becchino* ('могильщик'), *collaboratore di giustizia* вместо *pentito* ('информатор'). В фокус данных номинаций выводится идея более высокого социального статуса сотрудника. В этой связи интересно отметить также актуализацию противоположной метонимической модели репрезентации всего концепта РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ посредством его части – подконцепта ЧЕРТА ХАРАКТЕРА, присутствующая представителю этой профессии. В италиязычной картине мира на базе описанной модели конструируется, главным образом, представление о членах мафиозных группировок (напр., *uomo di rispetto* 'уважаемый человек').

Особая роль в конструировании комплексных метонимических и метафорических образов, моделирующих семантику номинаций анализируемой области, принадлежит концептам блока базовых представлений. В рамках номинативной сферы социально-производственных отношений высокой активностью отмечен концепт ДВИЖЕНИЕ, который может реализовывать свой потенциал самостоятельно (напр., *essere in mobilità*), а также в структуре комплексных метонимических (*essere in transizione professionale*) и метафорических концептов, главным образом, концепта ПУТЕШЕСТВИЕ. Базовый концепт ДВИЖЕНИЕ во многих случаях реализуется совместно с другими базовыми концептами, в частности, ОБЪЕКТИВАЦИЯ и СИЛА ВОЗДЕЙСТВИЯ, которые формируют распространенное в европейских лингвокультурах видение увольняемого сотрудника как объекта, перемещенного в пространстве (напр., *ricollocamento*). С концептом ПЕРЕМЕЩЕНИЕ коррелирует представление о ПЕРЕСТАНОВКЕ элементов в рамках целостного объекта. По результатам проведенного исследования можно утверждать, что данный метонимический образ является одним из наиболее

продуктивных в контексте эвфемистического номинирования массового увольнения сотрудников предприятия, которое может репрезентироваться как реструктурирование, перестройка (кадров) компании (*ristrutturazione*), что позволяет вывести в фокус номинации положительную идею позитивных изменений. Идея улучшения, которую следует признать одной из ведущих в рамках эвфемизации массовых увольнений (ср., также *ottimizzazione, adeguamento*) позволяет полностью сместить акцент с человеческого фактора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей работы был проведен комплексный анализ семантико-прагматических параметров разноструктурных единиц эвфемистической номинации в итальянском языке. Исследование продемонстрировало корреляцию основных языковых, культурологических и концептуальных моделей эвфемистической номинации в итальянском языке с частотными моделями в других романских, а также германских языках. Тем не менее углубленное изучение принципов формирования обширного корпуса языковых единиц, обладающих эвфемистическим потенциалом, позволило уточнить определенные нюансы концептуализации ряда табуированных явлений италиязычной лингвокультуры. Была предпринята попытка реконструкции наиболее активных метафорических и метонимических моделей эвфемистической номинации в рамках традиционных и политкорректных областей. Проведенный лингвокультурологический и концептуальный анализ позволил описать фрейм эвфемистической номинации двух важнейших табуированных явлений в итальянском языке (смерть и производственные отношения). Настоящее исследование может быть продолжено углубленным изучением параметров эвфемистического потенциала языковых единиц в итальянском языке с использованием современных электронных корпусов. Также было бы целесообразно привлечь к анализу полимодальные единицы с целью построения комплексной модели эвфемизации в италиязычной картине мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991.
2. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.

3. Galli de Paratesi N. *Semantica dell'eufemismo*. Torino, 1964.
4. Serianni L. *Studi di lessicografia italiana*. A cura dell'Accademia della Crusca // Volume XXXI. Firenze: Le Lettere, 2014.
5. Mattarucco G. Eufemismi e altre forme di imprecisione ricercata nell'antilingua italiana (1965–2015) // Università per Stranieri di Siena. *L'expression de l'imprécision dans les langues romanes*. Bucuresti: Ars Docendi, 2017. P. 371–382.
6. Орлова С. Н. Англицизмы в эвфемистической функции в итальянской экономической прессе как индикатор культурного взаимодействия // Российский университет дружбы народов. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3 ч. Ч. 1. С. 146–148.
7. Побегайло И. В. Эвфемизмы в лексической системе итальянского языка // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов / отв. ред. Верещагина Е.Н./ научный редактор Фомина И.В.. Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2020. С. 89–93.
8. Pinker S. *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. New York: Viking Press, 2002.
9. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знания, 2004.
10. Boggione V., Casalegno G. *Dizionario storico del lessico erotico italiano*. Metafore, eufemismi, oscenità, doppi sensi, parole dotte e parole basse in otto secoli di letteratura italiana. Milano: Longanesi & C., 1996.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
12. Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Сборник научных трудов к 100-летию И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М.: Рема, 2011. С. 13–30.

REFERENCES

1. Allan, K., Burridge, K. (1991). *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press.
2. Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i italianskogo yazykov = Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, German, French, Spanish and Italian languages): abstract of Senior Doctoral thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
3. Galli de Paratesi, N. (1964). *Semantica dell'eufemismo*. Torino.
4. Serianni, L. (2014). *Studi di lessicografia italiana*. A cura dell'Accademia della Crusca. XXXI, Volume XXXI. Firenze: Le Lettere.
5. Mattarucco, G. (2017). *Eufemismi e altre forme di imprecisione ricercata nell'antilingua italiana (1965–2015)*. Università per Stranieri di Siena. In *L'expression de l'imprécision dans les langues romanes* (pp. 371–382). Bucuresti: Ars Docendi.
6. Orlova, S. N. (2014). *Anglicizmy v evfemisticheskoy funktsii v ital'yanskoj ekonomicheskoy presse kak indikator kul'turnogo vzaimodejstviya = Anglicisms in a euphemistic function in the Italian economic press as an indicator of cultural interaction*. Philology. Theory & Practice, 12(42)-1, 146–148. (In Russ.)
7. Pobegajlo, I. V. (2020) *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme ital'yanskogo yazyka = Euphemisms in the lexical system of the Italian language*. In Vereshchagina, E. N., Fomina, I. V. (Eds.), *Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* (pp. 89–93): *sbornik nauchnykh trudov*. Voronezh: Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya po okazaniyu izdatel'skikh i poligraficheskikh uslug "NAUKA-YUNIPRESS". (In Russ.)
8. Pinker, S. (2002). *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. New York: Viking Press.
9. Manakin, V. N. (2004). *Sopostavitel'naya leksikologiya = Comparative lexicology*. Kiev: Znanie Publ. (In Russ.)
10. Boggione, V., Casalegno, G. (1996). *Dizionario storico del lessico erotico italiano*. Metafore, eufemismi, oscenità, doppi sensi, parole dotte e parole basse in otto secoli di letteratura italiana. Milano: Longanesi & C.
11. Lakoff, G., Johnson M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
12. Belyaevskaya, E. G. (2011). *Nominativnyj potencial konceptual'nyh metafor (konceptual'no-metaforicheskaya reprezentaciya kak ierarhicheskaya sistema) = The nominative potential of conceptual metaphors (conceptual and metaphorical representation as a hierarchical system)*. In Fadeeva, G. M. (Ed.), *Sbornik nauchnykh trudov k 100-letiyu I. I. Chernyshevoj* (pp. 13–30). Moscow: Rema. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Порохницкая Лидия Васильевна

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры лексикологии английского языка
 факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета

Мищенко Елизавета Юрьевна

преподаватель кафедры лексикологии английского языка
 факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Porokhnitskaya Lydia Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of English Lexicology
 Faculty of English
 Moscow State Linguistic University

Mischenko Elizaveta Yurievna

Lecturer at the Department of English Lexicology
 Faculty of English
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

04.08.2025
 19.09.2025
 06.10.2025

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

Лингвокогнитивные механизмы языкотворчества в современной английской фразеологии в перспективе дискурсивной интерпретации знания

Е. В. Рыжкина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
phraseology@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить и описать лингвокогнитивные механизмы, которые обуславливают процесс языкотворчества в английской фразеологии в ходе дискурсивной деятельности человека. В статье применяется метод когнитивного моделирования семантики неологизмов на базе английских фразеологических единиц, частотных в современных формах медиа дискурса. В ходе исследования установлено, что фразеологическая креативность может рассматриваться как проявление интерпретирующей функции языка, ибо через модификацию существующих единиц языка и образование новых носитель языка форматирует и объективирует обновленный опыт познания мира. В работе показано также то, что в каждом акте языкотворчества происходит уплотнение информации, передаваемой в дискурсе обновленными единицами.

Ключевые слова: английская фразеология, креативность, дискурсивная интерпретация, лингвокогнитивный механизм, неологизм

Для цитирования: Рыжкина Е. В. Лингвокогнитивные механизмы языкотворчества в современной английской фразеологии в перспективе дискурсивной интерпретации знания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 113–121.

Original article

Linguocognitive Mechanisms of Idiom Creativity in Modern English Phraseology in the Perspective of Discursive Interpretation of Knowledge

Elena V. Ryzhkina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
phraseology@mail.ru

Abstract. The article aims to look into the workings of discursive creativity of English idioms in terms of linguistic interpretation of knowledge. The study is focused on the linguocognitive mechanisms that underlie the formation and renovation of English idiomatic neologisms that stem from codified idioms selected from modern media discourse. Cognitive modeling of their semantics shows that idiom creativity manifests the interpretative function of language, for renovation of phraseology serves to reform knowledge structures in accordance with man's cognitive experience; it also entails further condensation of information conveyed by the idiomatic units in discourse.

Keywords: English phraseology, idiom creativity, discursive interpretation, linguocognitive mechanism, neologism

For citation: Ryzhkina, E. V. (2025). Linguocognitive Mechanisms of Idiom Creativity in Modern English Phraseology in the Perspective of Discursive Interpretation of Knowledge. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 113–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы языкотворчества во фразеологии рассматривались лингвистами и филологами фактически с момента возникновения исследовательского интереса к данной микросистеме языка. Изначально творческие процессы во фразеологии изучались в плане их художественно-эстетического потенциала. Вместе с тем постепенное расширение предметно-объектной области исследований фразеологической креативности выявило сложность и многогранность данного явления и обозначило перспективы его исследования на современном этапе. Так, в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы языкотворчество рассматривается сквозь призму познавательной и речемыслительной деятельности человека, и с этой точки зрения изучение творческих процессов в языке и, в частности, процессов во фразеологии направлено главным образом на решение следующих общих задач:

- 1) установление когнитивных и языковых механизмов порождения новых смыслов в ходе языкотворчества;
- 2) познание способов воплощения этих новых смыслов в рече-языковых формах;
- 3) поиск общих моделей вторичной интерпретации знания о мире в актах языкотворчества.

В настоящей работе освещаются лингвокогнитивные механизмы, лежащие в основе дискурсивной интерпретации знаний. Эти механизмы находят отражение в процессах языкотворчества. Они, в свою очередь, актуализируются в сфере английской фразеологии. В задачи исследования входит, во-первых, изучение когнитивных механизмов фразеологической креативности, которое проводится посредством концептуального анализа на основе методов, восходящих к известным авторским когнитивным концепциям языка [Fauconnier, 2003; Lakoff, 1980; Langacker, 1991]. Во-вторых, действие механизмов когнитивного уровня соотносится с семантическими процессами, которые формируют новые значения на языковом уровне. Для решения данной задачи применяется концептуально-дефиниционный анализ, который соединяет традиционные и когнитивно ориентированные приемы и методы, характерные для современных фразеологических исследований.

В целом отражая когнитивный ракурс изучения языка, данная работа является одной из первых попыток непосредственно установить корреляцию когнитивных и языковых процессов, лежащих в основе языкотворчества во фразеологии. Данный подход позволяет проследить динамику формирования новых концептуальных структур и соответствующих языковых значений и следовательно,

лучше понять суть взаимодействия языка и мышления. Это определяет актуальность изучения фразеологической креативности именно в когнитивном ракурсе, а также перспективность подобных исследований на различном языковом материале.

Современные исследования фразеологической креативности, как правило, сосредоточены либо на результатах языкотворчества (в исторической или в неологической перспективе), либо на самом творческом процессе фразообразования. Например, ряд ученых рассматривают креативность во фразеологии как метафорический процесс [Langlotz, 2006; Зыкова, 2015].

Разделяя положение о том, что языковая креативность любого рода обусловлена креативностью мышления [Langacker, 1991; Зыкова, 2015], мы полагаем, что не меньшую роль в языкотворчестве играют системно-языковой и дискурсивный факторы. Действие лингвокреативного мышления опирается на определенные языковые механизмы и номинативные средства, сложившиеся в языке, в связи с этим когнитивные механизмы и соответствующие процессы на языковом уровне рассматриваются в данной работе параллельно. Кроме того, реализация творческой потребности человека, которая провоцирует языковые новации, наступает в ходе речевой деятельности в той форме существования языка *in praesentia*, в которой получают воплощение потенции языка как системы и обретаются языковые решения конкретных коммуникативных задач субъекта речи. Поэтому исследователю интересны не только продукты языкотворчества, которые уже оформились как факты языка, но и проявления языковой креативности в условиях *динамической синхронии*, т.е. в ситуации, когда текущее состояние варьирования языковых форм / значений видится встроенным в динамику поступательного развития языка [Рыжкина, 2018].

Таким образом, в качестве объекта данного исследования выступают разного рода новообразования в английской фразеологии (в целом 500 единиц) – неологизмы и окказионализмы, которые демонстрируют тенденцию к воспроизводимости в современных дискурсивных практиках.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА В ДИСКУРСЕ

Как известно, формирование знания, или *интерпретация*, происходит при непосредственном участии языка. Одним из первых сформулировал данное положение выдающийся русский филолог и мыслитель А. А. Потебня (1835–1891), к трудам которого восходит отечественная фразеологическая традиция: «На слово нельзя смотреть как на выражение

готовой мысли <...> слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию»¹ [Потебня, 1999, с. 165]. Говоря о невозможности возникновения «готовых» мыслей без языковой объективации, Е. С. Кубрякова поясняет, что они получают завершенность только через «постепенное языковое оформление в ходе порождения речи» [Кубрякова, 2004, с.14]. В результате конструируется «языковой» образ мира как «проекция мира в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев, 2014, с. 21].

Языковая интерпретация знания проходит в три этапа. На первом формируется коллективная картина мира, «выделение единиц знания (концептов) с помощью языка и их объединение в категории с общим языковым обозначением» [Болдырев, 2014, с. 21]. Вторичная, индивидуальная, интерпретация представляет собой обработку коллективных знаний сквозь призму «индивидуальной концептуальной системы конкретного человека» [там же, с. 23]. Итогом этих процессов является создание системы концептов, «отображенной в языковой системе и представленной в двух формах – коллективно отработанной и индивидуально-креативной» [Беляевская, 2016, с. 20]. Вместе с тем индивидуально-креативный аспект интерпретации знаний далее реализуется в ходе дискурсивной деятельности. Продуктом этого *дискурсивного* этапа языковой интерпретации знания является авторский текст, в котором отражается «заданное индивидуальное мировидение, содержащее индивидуально-авторскую оценку» [там же, с. 21].

Текст как реализация смыслового содержания, вложенного автором в языковую форму, кодирует информацию таким образом, чтобы реципиент мог реконструировать заданное содержание, опираясь на семантику языковых средств, использованных в тексте, и на собственную эрудицию. Так как языковая интерпретация знания обязательно включает индивидуально-креативный компонент, а системы знаний автора и получателя сообщения полностью не совпадают, то исходный, авторский смысл и его «расшифровка» в интерпретации реципиента не будут тождественны. Однако интерпретация зиждется на типовых схемах и осуществляется посредством универсальных когнитивных механизмов, которые обеспечивают конструирование смысла, в том числе при дискурсивной интерпретации. К ним можно отнести механизмы концептуальной интеграции, схематизации, фокусирования / дефокусирования, концептуальной метафоры, метонимии, символизации и др.

¹ Данное утверждение вполне резонирует с известной метафорой Е. С. Кубряковой: объективация мысли не означает «одевание» готовой мысли в языковые одежды» [Кубрякова, 2004, с. 14].

В ходе языковой интерпретации знания, его форматирования, концептуализации и формирования семантики языковых / речевых единиц действие когнитивных механизмов «запускает» соответствующие процессы на языковом уровне. Так, действие когнитивной метафоры реализуется как метафорическое переосмысление значения той или иной единицы языка, скажем, при образовании фразеологизма или же как противоположно направленный семантический процесс – буквализация переносного значения единицы в дискурсе. Механизм схематизации, обеспечивающий необходимую степень детализации знания, в языковом преломлении предстает как расширение / обобщение или, напротив, сужение / специализация значения.

Механизм *компрессии* (от лат. *compressio* – *сжатие*) в широком толковании подразумевает упрощение, сокращение формы при сохранении исходного содержания. Применительно к языку компрессия предстает, прежде всего, как средство экономии языковых усилий и, в частности, проявление лаконизации высказывания. Как когнитивный механизм компрессия обеспечивает сжатие информации и возможность ее передачи путем выбора лаконичных языковых форм.

Именно механизм компрессии обеспечивает высокую информативность фразеологического знака, его способность передавать большой объем информации в компактной языковой форме, а также во многом обуславливает творческие преобразования структуры и семантики имеющихся в системе фразеологизмов, вплоть до образования на их основе новых единиц языка. Действие компрессии проявляется как при первичной фразеологизации, когда создается уникальное, невыводимое значение фразеологизма с характерной для него расширенной семантической периферией, так и в процессе последующих творческих преобразований фразеологических единиц (ФЕ). При этом смысловое наполнение обновляемой единицы как бы конденсируется и прирастает новым смыслом. Механизм компрессии в языкотворчестве на базе фразеологии требует отдельного, более детального рассмотрения.

МЕХАНИЗМ КОМПРЕССИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Способность идиоматических средств языка «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами», подметил еще А. А. Потебня [Потебня, 2012, с.103]. В частности, в своих «Очерках по теории словесности» ученый демонстрирует данный принцип «сгущения мысли» на примере единиц афористического уровня. Он

показывает, что пословица генетически восходит к басне, а поговорка – к пословице или непосредственно к басне. Именно поэтому исследователи вслед за В. Н. Телия нередко называют фразеологизм «микротекстом» или «свернутым текстом», т. к. в процессе концептуализации знания фразеологическая семантика вбирает все типы информации, «характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде “свёртки”, готовой к употреблению как текст в тексте [Телия, 1996, с. 8]).

Будучи информационно емким знаком и носителем различных типов информации, фразеологизм формируется и интерпретируется в пространстве определенной культуры [Телия, 1996; Ковшова, 1999]). Фразеологический знак не просто кодирует «пакет» информации, соотносимый с неким фрагментом действительности, но и отражает культурное знание, включая образы, импликации и коннотации, возникающие в связи с обозначаемым объектом в контексте данной культуры. Это знание активируется в дискурсе звуковой / графической формой фразеологизма, проходя «сквозь фильтр ментальности говорящего и слушающего» [Ковшова, 1999, с. 164]. Таким образом, семантика ФЕ изначально формируется и впоследствии «развертывается» в дискурсе в ходе многоуровневой языковой интерпретации знания. Причем в каждом акте дискурсной интерпретации фразеологизм прирастает новым знанием – дополнительный смысл как бы наслаивается на нормативное значение оборота.

При употреблении в дискурсе инвариантное знание, закрепленное за фразеологизмом в системе языка, может варьироваться с обеих сторон. Эти смысловые вариации возникают благодаря действию механизма смысловых замен, который, позволяет автору текста и адресату соотнести релевантный фрагмент картины мира с личным знанием и интерпретировать используемые единицы языка, насыщая их индивидуальными смыслами.¹

В силу своей информационной насыщенности и одновременно афористичности фразеологизмы нередко уподобляются таким литературным формам, как притча, басня или сказка. Так, ФЕ-аллюзии на какой-либо известный текст, служат отсылкой к соответствующему знанию. Например, библеизм *writing on the wall* (зловещее предзнаменование)² кодирует значимое для англоязычной культуры содержание библейского текста о пире царя Валтасара³ и, что

особо важно, культурные коннотации, отражающие ценности носителей английского языка. В данном случае идиома транслирует важный смысл о неизбежности расплаты за беспечность. Импликат этой единицы содержит мысль о том, что человек часто сам является творцом собственной гибели, особенно если он игнорирует очевидные признаки надвигающейся опасности и не слышит предупреждения. Следует особо отметить, что ценностный смысл, вложенный в семантику идиомы *writing on the wall* как результат интерпретации текста Библии выкристаллизовался именно в лоне англоязычной культуры с ее культом благоразумия и чувства ответственности. Для сравнения: в русском языке отсутствует аналогичный фразеологизм, восходящий к тому же источнику, что косвенно указывает на актуальность данного текста и его нравственного смысла для носителей английского языка и на нейтральное отношение к нему в русской культуре.

Способность столь компактной языковой формы кодировать обширный объем знания обусловлена механизмом компрессии, который реализуется на языковом уровне в действии фразеологической абстракции. Под абстракцией понимается отвлечение от лексических и грамматических значений компонентов фразеологизма, от значения его синтаксической конструкции и / или словосочетания в целом [Мелерович, 1982]. Для идиом характерна вторичная абстракция: «абстракция от абстракции прототипов фразеологизмов» [Кунин, 1996, с. 165]. В ходе фразеологизации сочетание слов, послужившее генетической базой ФЕ (прототип), приобретает осложненное, невыводимое в полной мере значение, которое не соотносится напрямую ни с одним из компонентов оборота. Чем выше уровень абстракции, тем более затемненным является фразеологическое значение [Мелерович, 1982] и, очевидно, тем выше уровень семантической компрессии ФЕ.

Образность как мотивационный компонент фразеологической семантики запускает процесс инференции, вывода знаний, стоящих за идиоматическим выражением. Например, внешняя форма оборота *when pigs fly* (рус. *когда рак на горе свистнет*, т. е. никогда) создает в нашем сознании чувственный образ, который интерпретируется нами как нечто совершенно невозможное в реальной жизни. Импликация «этого не будет никогда» (а не сам образ) становится концептуальным основанием соответствующего фразеологического значения «никогда». Данный пример показывает, что смысловое содержание, представленное фразеологическим знаком в свернутом виде, нуждается в когнитивной обработке, чтобы быть доступным для восприятия.

¹Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000.

²Зд. перевод приведен по: Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 1024.

³“And this is the writing that was written, MENE, MENE, TEKEL, UPHARSIN.” Приводится по: King James Version, Daniel 5:25. URL: <https://biblehub.com/esv/daniel/5.htm> (дата обращения: 22.03.2025).

Вместе с тем непрямым характер фразеологической номинации является источником другого имманентного свойства ФЕ – экспрессивности, позволяющей создать яркое представление об объекте, дать ему меткую и точную характеристику. Воздействуя на область чувств, экспрессивность приводит в действие наглядно-образное мышление и служит своего рода катализатором работы нашего сознания при восприятии фразеологизма.

Механизм компрессии обуславливает оба свойства фразеологической семантики, которые представляются разнонаправленными: с одной стороны, информационная насыщенность и «сгущение» смысла, а с другой – яркость и выразительность лаконичной формы, обеспечивающие доступ к релевантному знанию. Кроме того, изобразительно-выразительные качества большинства фразеологизмов дают простор для их индивидуальной интерпретации, результаты которой воплощаются в разнообразных формах речевой креативности.

МЕХАНИЗМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В ходе языкотворчества уравниваются стремление говорящего максимально полно выразить новое смысловое содержание и соблюсти закон экономии языковых усилий. В большинстве случаев автор творчески использует имеющиеся в языке средства выражения, насыщая их новыми смыслами. Этот творческий процесс предполагает среди прочего действие механизма компрессии. Из сказанного следует, что преобразованный знак будет по умолчанию иметь компрессионную семантику, в которой будет отражаться 1) информация, закрепленная за конвенциональным знаком, и 2) ее новая интерпретация. То есть любое творческое использование фразеологизмов неизбежно приводит к усложнению их семантической области. Это становится наиболее очевидным при фразеологической деривации, в ходе которой на базе уже существующей единицы образуется новая. В итоге происходит увеличение информационной емкости нового фразеологического знака, т.к. все релевантное знание, связанное с его прототипом, переносится в имплицит деривата.

К примеру, на основе идиомы *glass ceiling* (букв. «стеклянный потолок», невидимый барьер на пути к руководящим позициям¹), которая была введена в оборот в 1970-х гг. для обозначения предубеждений и дискриминационных практик в отношении

женщин, возник неологизм *glass cliff* (тенденция выдвигать женщин на руководящие должности во времена кризиса, рецессии или особых трудностей, переживаемых компанией²). Исходная идиома явилась результатом метафоризации и символизации: образ стекла передает идею невидимого, но непроницаемого препятствия, а *ceiling* – идею предела возможного продвижения наверх (ср. рус.: *Выше потолка не прыгнешь*). Хотя данная единица впоследствии претерпела расширение значения и теперь может относиться к любым категориям людей, подвергающихся дискриминации на рабочем месте, ее дериват *glass cliff* унаследовал у прототипа конструкцию и способ переосмысления и сохранил неизменной референцию – неравноправие и уязвимость женщин в корпоративной среде.

Вместе с тем дериват не просто продолжает образный план ФЕ *glass ceiling*, но и, по сути, выстраивает новый метафорический образ. Если изначально образ стеклянного потолка порождает ассоциации с барьером на пути вверх, новый образ (*cliff* – крутой обрыв, отвесная скала) наводит на мысль о крайне трудном и опасном восхождении. Кроме того, новая метафорическая проекция заставляет переосмыслить образ стекла, меняя его символическое значение. В новой номинации акцентируется признак абсолютно гладкой и скользкой поверхности, на которой трудно удержаться без опоры и, наоборот, с которой легко сорваться вниз. В результате вновь образованный оборот фигурально передает идею о продвижении женщины на пост, где ей заведомо предназначена роль неудачницы. Данный вариант дискриминации представляется более тонким и коварным, нежели обычные способы устранения женщин с первых позиций. Таким образом, неологизм *glass cliff* воспринимается не только как новый знак, но и как модификация устоявшегося фразеологизма, развивающая и углубляющая его смысл.

Еще один неологизм *glass labyrinth* (букв. «стеклянный лабиринт») следует схожей модели вторичной интерпретации исходного концепта. Однако в данном случае концептуальная метафора КАРЬЕРА – это ДВИЖЕНИЕ осмысливается не как путь наверх, а как извилистый и запутанный путь к цели. Как и в предыдущем случае, в данном новообразовании наблюдается перепрофилирование смысловой структуры: ее фокус смещается с признака «выставленный барьер» (хоть и невидимый) на признак «труднопреодолимые сложности», а именно «крайне сложная навигация» и «дезориентация», которые интенсифицируются благодаря

¹Перевод наш (Е. Р.) дефиниции, приведенной ресурсом The Free Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia by Farlex. URL: <http://thefreedictionary.com/> (дата обращения 22.03.2025).

²Перевод наш. – Е. Р. Дефиниции приведены по: Investopedia. URL: <https://www.investopedia.com/terms/g/glass-cliff.asp.com/terms/g/glass-cliff.asp> (дата обращения 22.03.2025).

новой интерпретации образа стекла. Стекло – прозрачный материал, и это создает иллюзию полной видимости и легкости ориентации, хотя на практике это оказывается не так.

Последний в данной серии неологизмов оборот *concrete ceiling* (букв. «бетонный потолок») был создан по контрастной аналогии с ФЕ *glass ceiling* и построен на метафорическом образе бетона как очень прочного и простого, «грубого» материала. Данная единица обозначает барьер на пути к повышению по службе, с которым сталкиваются женщины, представляющие национальные меньшинства. При формировании семантики неологизма *concrete ceiling* снова задействуются механизмы концептуальной метафоры, символизации, схематизации (в данном случае вызывающей сужение значения), а также профилирования. В новой концептуальной структуре акцентируется признак абсолютной непреодолимости возведенного препятствия и одновременно – неприкрытый характер дискриминации.

Таким образом, при фразеологической деривации по аналогии воспроизводится конструкция прототипа (модель соединения формы и содержания) и исходная концептуальная схема, в которую при каждом новом акте языковой интерпретации вносятся изменения посредством различных когнитивных механизмов. Они, в свою очередь, приводят в движение семантические процессы. Необходимо подчеркнуть, что языкотворчество всегда сопровождается уплотнением и приращением передаваемой информации, т.е. действием механизма компрессии. Если происходит серия преобразований на базе одной и той же единицы, плотность семантики возрастает с каждым последующим дериватом, т.к. вновь образованный вариант ФЕ передает и новое содержание, и знания, закрепленные за исходной единицей, а также «хранит память» о всех предшествующих модификациях значения ФЕ. Иначе говоря, на каждом этапе деривации от единого фразеологического прототипа происходит приращение и конденсация смыслового содержания по принципу матрешки.

Благодаря преемственной связи между дериватом и его прототипом знание, закрепленное за исходной единицей, в сжатой форме переносится на производный знак, образуя его имплицитную структуру, в то время как более актуальная информация, которая находится в фокусе новой номинации, обычно соотносится с новым компонентом деривата, хотя и не эксплицируется им полностью. В дискурсе происходит естественное семантическое развертывание нового смысла, в частности, за счет взаимодействия новообразования с элементами текста и активизации фрагментов релевантного знания.

Так, на базе ФЕ *glass ceiling* возник ряд глагольных новообразований, которые моделируют поведение человека в случаях социальной дискриминации. Первым был создан оборот *to hit the glass ceiling* (букв. «удариться о стеклянный потолок», достичь предела карьерного роста). При формировании семантики этой единицы (как и других глагольных оборотов серии) особенно заметную роль сыграли механизмы концептуальной интеграции и перспективизации. В результате взаимодействия исходной концептуальной структуры (*glass ceiling*) с концептуальными элементами глагола формируется бленд, на основе которого создается новое значение, причем новый образ конструируется с учетом перспективы / позиции человека. Также буквализация компонентов именной фразы акцентирует такие элементы смысла, как прочность стекла, сила и болезненность удара о него. Эти элементы нередко выдвигаются на первый план в ходе дискурсивной реализации оборота. Например:

Few people who *hit the glass ceiling* are inclined to go through the additional pain of a complaint to the government¹.

Фокусом данной дискурсивной интерпретации является болезненность удара о барьер корпоративных предрассудков и отказ от борьбы с ними.

В медиа дискурсе наблюдается высокая вариативность глагольного компонента данной единицы. Одним из наиболее частотных вариантов является глагол *to break*. Ниже приводится один из типичных контекстов дискурсивного употребления окказионализма *to break the glass ceiling*.

The senator is aiming *to break the biggest glass ceiling* in the world with her bid to become the President of the United States of America².

В данной дискурсивной интерпретации задается радикально иная перспектива: человек из жертвы, которую «бьет система», превращается в активного борца с системой. С этим связан и оценочный модус интерпретации, ибо выражение *to break the glass ceiling* несет в себе положительную оценку, отражающую ценности современного либерально настроенного общества.

Из всего многообразия окказиональных вариантов, которые возникли на основе ФЕ *glass ceiling*, стоит рассмотреть еще два, достаточно регулярно воспроизводимые в современном

¹Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения 22.03.2025).

²The Free Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia by Farlex. URL: <http://thefreedictionary.com/> (дата обращения 22.03.2025).

медиа дискурсе – *to shatter the glass ceiling* и *to put a crack in the glass ceiling*. Данные варианты отличаются друг от друга и от прототипа степенью интенсивности основного признака. Данная модель вариативности сложилась вследствие процесса буквализации и одновременной актуализации двух значений компонента *to break* исходного оборота – «разбить» (стекло) и «преодолеть» (барьер). Замена компонента *to break* на *to shatter* или *to put a crack* преобразует структуру метафорического образа и, как следствие, привносит в исходную концептуальную структуру градуируемый признак «сила удара», а также модифицирует связанный с ним признак «результативность». Итогом этих актов схематизации является сужение фразеологического значения дериватов. Если прототип *to break the glass ceiling* акцентирует положительный результат вследствие удара достаточной силы, то *shatter the glass ceiling* (букв. «разбить стеклянный потолок вдребезги») передает идею сверхмощного удара и полного разрушения; *put a crack in the glass ceiling* (букв. «сделать трещину в стеклянном потолке»), с одной стороны, активизирует признак «прочность стекла», а, с другой – указывает на недостаточность усилий для полного результата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе исследования было показано, что фразеологизмы и языкотворчество с их участием являются важным инструментом вторичной языковой интерпретации знания. Она позволяет формировать и заново формировать структуры знаний в ходе познавательной деятельности человека. Соответственно фразеологическая креативность дает возможность оформить и передать в компактной форме новые представления человека о мире и действительности, в которой он живет.

Важным наблюдением, сделанным в ходе исследования, стало то, что действие когнитивных механизмов, таких как концептуальная метафора, символизация, профилирование, схематизация, концептуальная интеграция, перспективизация и др., которые обуславливают вторичную языковую интерпретацию знания, представленного фразеологизмами, всегда сопровождается действием механизма компрессии, т.е. уплотнением и конденсацией передаваемой информации. В связи с этим любой дериват, возникший на базе фразеологизма, характеризуется более высокой информационной насыщенностью, нежели его прототип.

Выявленные когнитивные механизмы, действующие в различной комбинации, в свою очередь, обуславливают семантические процессы. Эти процессы позволяют языковым знакам выполнять интерпретирующую функцию и в итоге могут привести к полному переосмыслению значения ФЕ-прототипа, его расширению или сужению, замене / добавлению отдельных компонентов значения и т. д.

Творческое преобразование фразеологизма происходит в ходе дискурсивной деятельности человека, в той естественной среде, где реализуются потенциальные возможности ФЕ как информативной единицы и где она включается в общий процесс дискурсивной интерпретации. Технически это осуществляется за счет взаимодействия фразеологизма и / или его отдельных компонентов со смысловыми элементами текста, что активизирует структуры знания и запускает процесс их новой интерпретации.

Продemonстрированная методика может быть использована для изучения лингвокогнитивных механизмов языкотворчества в других системах и сегментах английского языка и на материале других языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fauconnier G., Turner, M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books, 2003.
2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
3. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar: in 2 vols. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. V. 2: Descriptive application.
4. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom Variation in English. Amsterdam-Philadelphia, 2006.
5. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Рыжкина Е. В. Фразеологическая креативность в английском языке в условиях динамической синхронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 13 (807). С. 245–258.
7. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. С. 20–28.
10. Беляевская Е. Г. Дискурсивная интерпретация и реинтерпретация знаний о мире в языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 19 (758). С. 18–27.
11. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности: басня, пословица, поговорка. М.: URSS, КРАСАНД, 2012.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. Ковшова М. Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры/ Российская академия наук, Институт языкознания, проблемная группа «Общая фразеология»: сборник статей / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 164–173.
14. Мелерович А. М. Смысловая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.
15. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996.

REFERENCES

1. Fauconnier, G., Turner, M. (2003). The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books.
2. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press.
3. Langacker, R. W. (1991). Foundations of cognitive grammar (vol. 2: Descriptive application): in 2 vols. Stanford, CA: Stanford University Press.
4. Langlotz, A. (2006). Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom Variation in English. Amsterdam–Philadelphia.
5. Zykova, I. V. (2015). Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya. Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya = Conceptual sphere of culture and phraseology. Theory and methods of linguocultural study. Moscow: LENAND Publ. (In Russ.)
6. Ryzhkina, E. V. (2018). Idiom creativity in modern English in the perspective of dynamic synchrony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 245–258. (In Russ.)
7. Potebnya, A. A. (1999). Mysl' i yazyk = Thought and Language. Moscow: Labirint Publ. (In Russ.)
8. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: On the way to acquiring knowledge of language: Parts of speech from the cognitive perspective. The role of language in cognizing the world. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russ.)
9. Boldyrev, N. N. (2014). Interpretation of the world and world knowledge of language. Cognitive Studies of Language, 19, 20–28. (In Russ.)
10. Belyaevskaya, E. G. (2016). Interpretating and Reinterpretating the Knowledge of the World in Discourse: a Typology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 19(758), 18–27. (In Russ.)
11. Potebnya, A. A. (2012). Iz lektsii po teorii slovesnosti: basnya, poslovitsa, pogovorka = Lectures on the Theory of Language Arts: fable, proverb, saying. Moscow: URSS, KRASAND Publ. (In Russ.)
12. Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ. (In Russ.)
13. Kovshova, M. L. (1999). Kak s pisanoy torboy nosit'sya: Principles of cognitive-cultural study of idioms. Phraseology in the context of culture (pp. 164–173). Moscow: "Yazyki russkoy kul'tury" Publ. (In Russ.)
14. Melerovich, A. M. (1982). Smyslovaya struktura frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke kak lingvisticheskaya problema = Meaning structure of phraseological units in modern Russian as a linguistic problem: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)
15. Kunin, A. V. (1996) A Course of Modern English Phraseology. Moscow, Vysshaya Shkola Publ.; Dubna, Feniks Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжкина Елена Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryzhkina Elena Viktorovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.411.21-32'19/20':316.722:325.3:81'42

Репрезентация культурно-идеологических кодов в постколониальном дискурсе алжирской художественной литературы

В. Л. Соколова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
viviso.1602@gmail.com*

Аннотация. Цель исследования – определить (потому что дальше идет «выявления») специфику репрезентации культурно-идеологических кодов в алжирской постколониальной франкоязычной литературе, путем выявления нарративных стратегий и языковых особенностей посредством которых конструируются эти коды. В соответствии с целью и задачами исследования использована комплексная методика. Она включает в себя методы гипотетико-дедуктивный, герменевтический, сплошной выборки, контекстуального и дефиниционного анализа. Материалом исследования является корпус литературных текстов франкоязычных алжирских романов второй половины XX века. Выбор эмпирического материала обусловлен языком произведений, культурно-историческим периодом и темами произведений, которые не только отражают сложный процесс деколонизации массового сознания, но и активно участвуют в формировании новых культурных парадигм.

Ключевые слова: франкоязычный постколониальный дискурс, алжирская художественная литература, культурный код, культурно-идеологический код, национальная идентичность

Для цитирования: Соколова В. Л. Репрезентация культурно-идеологических кодов в постколониальном дискурсе алжирской художественной литературы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 122–128.

Original article

The Representation of Cultural and Ideological Codes in the Postcolonial Discourse of Algerian Fiction

Viktorina L. Sokolova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
viviso.1602@gmail.com*

Abstract. The study aims to examine the specifics of the representation of cultural and ideological codes in Algerian postcolonial French literature, through identification of narrative strategies and language features by which these codes are constructed. In accordance with its aim and tasks the study uses a comprehensive methodology including hypothetic deductive, hermeneutic, continuous sampling, contextual and definitional analysis methods. The research is based on a corpus of literary texts of French-language Algerian novels of the second half of the 20th century. The choice is determined by the language of the works, the cultural and historical period and the topics of the text, which not only reflect the complex process of decolonization of the mindset, but also actively participate in the formation of new cultural paradigms.

Keywords: French postcolonial discourse, Algerian fiction, cultural code, cultural and ideological code, national identity

For citation: Sokolova, V. L. (2025). The representation of cultural and ideological codes in the postcolonial discourse of Algerian fiction Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 122–128. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В сфере современного гуманитарного знания постколониальный дискурс представляет особый интерес. Означенный дискурс аккумулирует в себе историко-культурные константы жизни бывших колоний. К числу этих констант относятся имплицитные и эксплицитные языковые, культурные, исторические механизмы репрезентации культурной памяти. Она, в свою очередь, многомерна. Культурная память включает в себя как идеологические установки носителей постколониального дискурса, так и национальную идентичность, закрепленную в текстах культуры, в частности, в различных литературах постколониальных стран. Особый интерес для исследования представляет франкоязычный постколониальный дискурс. Характерными чертами которого являются такие черты, как

- 1) этноспецифичность;
- 2) синкретизм;
- 3) индигенизация;
- 4) гибридность (языковая и культурная);
- 5) амбивалентность;
- 6) историзм.

В рамках цели настоящей работы решаются следующие задачи:

- 1) выявление и систематизация культурно-идеологических кодов, репрезентированных в алжирской литературе;
- 2) анализ языковых стратегий вербализации этих кодов.

Для достижения поставленных задач были использованы методы семиотического, контекстуального и лингвокультурологического анализа, метод сплошной выборки и дефиниционного анализа.

Актуальность работы обусловлена ростом интереса к постколониальным исследованиям. Этот интерес стимулирован пересмотром мирового колониального наследия и механизмов формирования, аккумуляции и трансмиссии культурной памяти [Подшибякина, Камара, 2024; Африка, постколониальный дискурс, тезисы докладов участников Всероссийской конференции: Африка: постколониальный дискурс, 2020; Сапрыкина, 2023], а также значительным количеством научных работ, в которых исследовано отражения идеологического компонента в текстах различных жанров [Гусейнова, Горожанов, 2023; Guseynova, Gorozhanov, 2024].

Новизна работы заключается в выявлении взаимосвязи культурно-исторических кодов в рамках единого корпуса текстов алжирской литературы. Материалом исследования являются ключевые франкоязычные алжирские романы второй половины XX века. Выбор материала обусловлен историческим и социокультурным контекстом жизни

региона в данный период. Практическая ценность исследования определяется применением полученных результатов при разработке курсов по истории зарубежных литератур и межкультурной коммуникации.

Франкоязычный постколониальный дискурс гетерогенен. Данное обстоятельство обусловлено ареалом распространения французского языка. Сегодня существует ряд национальных или региональных литератур бывших французских колоний, созданных на французском языке: мартиниканская, гаитянская (которые также именуются антильской литературой), квебекская, маврикийская, алжирская.

Алжирская франкоязычная литература представляет для нас особый интерес. Прежде всего, она сформирована в условиях берберо-арабского и французского мультикультурализма. Культурно-исторические истоки означенного типа литературы определяют особую лингвокультурную формацию, которая аккумулирует в себе определенный набор культурных кодов. Один из них – культурно-идеологический. Так, алжирская франкоязычная литература отображает не только языковые, но и культурно-исторические особенности региона: традиционные ценности, место религии, опыт колониализма, положение женщины, отношения «мы – они», поиск форм самоидентификации.

ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Вопросы постколониализма и постколониальной теории в различных ее проявлениях являются одним из самых больших вызовов современности в гуманитарном знании. Проблематика постколониальной теории занимает исключительное место в обширной программе социальных и гуманитарных исследований, в которых разработаны теоретические подходы к решению острых вопросов. Ответы на них необходимо искать в духовной сфере жизни общества [Подшибякина, Камара, 2024]. Материалом нашего исследования послужила франкоязычная художественная литература Алжира второй половины XX века. Выбор материала обусловлен культурно-историческим контекстом региона – подъемом освободительного антиколониального движения, для которого именно литература стала эксплицитным инструментом трансляции постколониального сознания и новых форм национальной идентичности.

Исследуемая постколониальная литература стала литературой новой формации, которая дала импульс к развитию постколониального дискурса. Данное понятие особо актуально для экспликации гуманитарного знания стран Африки и одновременно

позитивно значимо как возможная альтернатива колониального дискурса [Африка..., 2020].

Постколониальный дискурс определяется как специфическая дискурсивная формация, возникшая во второй половине XX века в прежде колонизированном пространстве Африки [Сапрыкина, 2023]. Мы также рассматриваем понятие постколониального дискурса как тождественное понятию дискурса в постструктуралистской трактовке [Подшибякина, Камара, 2024]. Так, Ж. Деррида определяет дискурс в постструктуралистской трактовке как «способ противостояния колонизаторам посредством деконструкции концептов, ориентированных на Запад» [Derrida, 1967, p. 56]. По С. Гиканди дискурс в постструктуралистской трактовке определяется как «способ противостояния колонизаторам посредством деконструкции западно-ориентированных концептов, это, своего рода, нарратив освоения» [Gikandi, 2004, p. 67]. М. Фуко рассматривает дискурс как область социального знания и систему высказываний, в рамках которой можно познавать мир. Благодаря дискурсу познается мир, а значит и новая реальность, в которой писатели и читатели, конструируя субъективность, приходят к пониманию себя, отношения друг к другу и своего места в мире [Ashcroft, 2013].

Таким образом, мы можем заключить, что постколониальный дискурс определяет новую социокультурную, идеологическую и языковую формацию, посредством которой транслируются ценности, идентичность, культурная память и идеологические установки. Они зашифрованы в культурно-исторических кодах. Среди культурно-исторических кодов мы выделяем следующие:

1. национально-идентичностный;
2. социально-языковой;
3. историко-коммеморативный.

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК КОНСТИТУТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Генезис постколониального дискурса гетерогенен. Однако к истокам его формирования мы можем отнести культурные коды этносоциума. В современном гуманитарном знании культурный код является базовой лингвокультурологической категорией и определяется как особый тип культурной памяти, способ сохранения и передачи информации, нормативно-ценностная система, структурирующая и организующая этнокультурное сознание. Она проявляется в процессах категоризации мира¹.

¹Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. М.: Гнозис, 2018.

Культурный код определяется как набор универсальных и национально специфических явлений, формирующих национальную картину мира, структурирующих культурное знание этносоциума² (Маслова, 2001), то есть этнокультурную информацию, которая трактуется как особый тип знания о духовной культуре и ментальности народа, которая может быть эксплицирована по данным естественного языка [Зыкова, 2017]. Посредством культурных кодов этносоциум не только аккумулирует накопленные знания и передает их внутри сообщества, но и транслирует их вовне.

Список культурных кодов – динамическая категория. Этот список открыт, дополняется, что позволяет разрабатывать новые классификации культурных кодов. Одна из наиболее релевантных групп культурных кодов для франкоязычного постколониального дискурса – культурно-идеологические коды. Основу рассматриваемого типа кодов составляют идеологемы, мифологемы, религиоземы, благодаря которым он становится значимым компонентом в выражении и трансляции этнокультурного сознания [Терских, 2023]. Особо значимыми видами культурно-идеологических кодов являются:

1. **Национально-идентичностный код**, включающий в себя информацию об этнической принадлежности представителей конкретного этносоциума, языковые практики и религиозные доминанты;
2. **Социально-языковой код**, объективированный посредством дихотомии «мы – они». Этот код формируют идея колониального противостояния и классовые различия.
3. **Историко-коммеморативный код**, сформированный через исторический нарратив и историческую память, последняя представляет собой сложную лингвофилософскую категорию, особый надындивидуальный механизм сохранения, накопления и генерирования информации, структурными элементами которого являются культурные концепты, объективированные в вербальных и невербальных знаковых единицах [Зыкова, 2017].

Каждая из составляющих вышеперечисленных культурных кодов может быть трансформирована в отдельный субкод. В данной совокупности культурных кодов заложена немалая этнокультурная информация. Она существует как достаточно широкая содержательная категория, которая не только охватывает особенности содержания языковых единиц (они формируются под влиянием этнических и культурных факторов), но также включает в себя внеязыковые феномены. К их числу относится система идей, знаний, ассоциаций. Они имеют не столько вербальную, сколько ментальную природу [Зыкова, 2017].

²Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОДОВ В АЛЖИРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Условия сосуществования колониального наследия и автохтонных практик породили особую лингвокультурную формацию, франкоязычную алжирскую литературу, инструментом вербализации культурно-идеологических кодов в которой являются языковые средства. Имплементация таких лингвистических стратегий, как использование этномаркированной лексики, вербализации дихотомии «мы – они», выражение прошлого через номинацию исторических событий, – всё это отражает процессы культурного самоопределения конкретного этносоциума.

Национально-идентичностный код

Национально-идентичностный код вербализуется посредством использования этномаркированной лексики, из которой к наиболее употребительным группам мы относим: антропонимы (1), топонимы (2), реалии (3), названия праздников (4), одежды (5), еды (6):

1. ...les espions de **Mustapha ben Ismaël**, le chef **des Douaïrs**... ; ...la tribu **des Gharabas** et de celle des **Beni Ali**... ; Au Bordj Hassan une garnison d'élite de deux mille hommes – huit cents Turcs et mille deux cents **Koulouglis**... (A. Djébar. *L'amour, la fantasia*)¹

В приведенных выше примерах антропонимы являются маркерами этнической и социальной принадлежности. Использование патронимических форм *ben Ismaël*, *Beni Ali* подчеркивает иерархичность и родоплеменную структуру алжирского общества. Лексема *Koulouglis* (особая социально-этническая группа, появившаяся в период османского владычества; потомки от смешанных браков янычар и местных женщин) отражает историческую стратификацию. Имена собственные, номинация автохтонных племен и групп населения идентифицируют героев произведений, их авторов и воссоздают сложную этноконфессиональную карту Алжира.

2. Elles sont situées sur un contrefort du **djebel Nacmaria**... ; Nous avons fui vers **l'oued**. Nous sommes entrées dans une « **guelta** » un peu profonde. Voici **les grottes el Frachich** ! (A. Djébar. *L'amour, la fantasia*)

Приведенные в примерах топонимы объективируют связь между культурным и природным

ландшафтом. Особый интерес представляют арабские географические термины *djebel* (гора), *oued* (река), *guelta* (водоем в пустыне или в скальных породах). Несмотря на наличие эквивалентов в лексике французского языка, предпочтение отдается именно арабским словам, что акцентирует автохтонное восприятие пространства.

3. Le « **taleb** », malgré son maintien quasi aristocratique, n'hésitait pas à soulever d'un trait sa baguette... ; L'aïeule maternelle s'imposait à moi par son corps **dansant dans les séances régulières de transe** ; en outre, à chaque veillée, sa voix, d'autorité autant que de transmission, m'enveloppait (A. Djébar. *L'amour, la fantasia*).

Il habite cette **déchra** ! (M. Dib. *Au café*)²

Слово *taleb* (студент, изучающий исламские науки, или выпускник школы по изучению Корана) обозначает фигуру, значимую для традиционного общества. Описание практики транса передает целый пласт национальных особенностей, где именно женщина выступает медиумом традиции, что характерно для магрибинского синкретизма. Использование лексем *les séances régulières de transe* (регулярные сеансы транса), *veillée* – бдения – вовлекаются в контекст; и означают отказ от экзотизации, где подобная практика не описывается как шаманство, что устанавливает диалог с читателем. Лексема *déchra* – это не просто географическое понятие, но символ традиционного уклада. Он противопоставлен городским, колониальным реалиям. Лексема *déchra* подчеркивает автохтонный контекст и становится своеобразным жестом ревитализации сельской культуры как хранительницы подлинной идентичности.

4. ...dans le village, trois ou quatre années de suite, **le jour de la « fête du mouton »** débute par la **complainte d'Abraham**... Je décidai d'aller à **la fête religieuse de Sidi M'hamed**, le saint patron de Miliana (A. Djébar. *L'amour, la fantasia*).

Религиозный пласт лексики не только отражает исламскую традицию, но и вербализует доисламский пласт идентичности, акцентируя синкретический характер религиозной традиции. Лексема *la fête du mouton* (Курбан-байрам) дается во французской кальке, что позволяет читателю не погружаться в религиозный и культурный контекст. Отсылки к библейским сюжетам *la complainte d'Abraham* подчеркивают синкретизм культурной памяти.

¹Djébar A. *L'amour, la fantasia*. Éd. : Poche, 1985.

²Dib M. *Au café*. Éd. : Sindbad, 1984.

5. ...**le séroural**, il est certain, permet mieux la posture en tailleur...; Qu'elle mette **une kachabia**! Qu'elle n'aille pas ainsi, avec les soldats! (A. Djebbar. *L'amour, la fantasia*)

Посредством номинации элементов традиционного костюма вербализуется вещный культурный код. Арабская лексика подчеркивает сопротивление ассимиляции франкоязычного контекста.

6. ... **du pain aux grains d'anis** ...; ... odeur de **grillades de mouton** et de **fricassées de poulet**... (A. Djebbar. *La femme sans sépulture*)¹

Гастрономическая лексика маркирует повседневные ритуалы, имплементацию европейской культуры и отсутствие экзотизмов для избегания ориенталистских клише.

Социально-языковой код

Одним из наиболее ярких инструментов объективации взаимного противостояния в обществе между французами и алжирцами является дихотомия «мы – они», выражающаяся посредством (1) пар местоимений «nous – vous», «nous – ils»; (2) номинации по национальному признаку; (3) отношения к использованию языка:

1. **Nous**, quand nous avons **les vôtres** prisonniers **chez nous**, nous ne les enfermions pas ainsi, jour et nuit! (A. Djebbar. *L'amour, la fantasia*)

Alors, pour la première fois, **ils** me brûlèrent la maison (A. Djebbar. *L'amour, la fantasia*).

Местоименная оппозиция служит мощным инструментом конструирования коллективной идентичности и социальных границ. Использование *nous* (мы) противопоставляется как *vous* (вы – формальное / враждебное обращение), так и *ils* (дистанцированное обозначение). В первом примере контраст между *nous* и *vous* подчеркивает различие в культурных нормах обращения с пленными. Во втором – посредством местоимения *ils* автор дегуманизирует французов, представляя их как безликую разрушительную силу.

2. **Vous, les Arabes**, vous ne savez que dire: «Je ne connais pas»! Dieu me rendait **ces Français** comme des ombres devant mes yeux... ; Le danger se révèle quelquefois sans fondement – Voyons, remarque l'une, **c'est un Français**!

Le passant, puisqu'il est Français, Européen, chrétien... (A. Djebbar. *L'amour, la fantasia*)

Этнические и религиозные номинации создают систему социальной категоризации. Обращение *Vous, les Arabes* (с заглавной буквы) маркирует расовые различия. Метафора *ombres* для французов лишает их конкретности, превращая в символических врагов. Указание на национальность (*Français*) сопровождается перечислением других маркеров идентичности (*Européen, chrétien*), что подчеркивает комплексность колониального антагонизма. Ирония в восклицании *c'est un Français!* демонстрирует, как национальная принадлежность становится определяющим (и оправдывающим) фактором.

3. ...tandis que l'homme continue à avoir droit à quatre épouses légitimes, nous disposons de quatre langues pour exprimer notre désir, avant d'ahaner : **le français** pour l'écriture secrète, **l'arabe** pour nos soupirs vers Dieu étouffés, le libyco-berbère quand nous imaginons retrouver les plus anciennes de nos idoles mères; Ils coulent droit au fond de son oreille, **ces mots, arabes ou berbères**, de l'inconnue ardente (A. Djebbar. *L'amour, la fantasia*).

Языковая полифония отражает сложность алжирской идентичности. Разнообразие языков представлено как инструмент самовыражения: французский – для «секретного письма» (l'écriture secrète), арабский – для духовного, берберский – для архаичного. Эта языковая полифония показывает многослойность культурного кода. В результате создается образ палимпсеста для языкового выражения региона. Арабские / берберские слова противопоставляются французскому тексту, становясь носителями подлинной идентичности. Языковой выбор, продемонстрированный в примерах – акт культурного самоутверждения.

Историко-коммеморативный код

Особой лексической категорией является милитарная лексика, которая выражает отношение местного населения (алжирцев) к захватчикам. Посредством этого лексического пласта вербализуется номинация культурно-исторических реалий данного периода. Эту категорию мы относим к инструментам вербализации именно историко-коммеморативного кода, так как лексические единицы относятся исключительно к историческому периоду второй половины XX века. Рассмотрим несколько примеров:

¹Djebbar A. *La femme sans sépulture*. Éditions Albin Michel S.A., 2002.

...le chef de *la SAS*, bien connu dans la région sortit et vint saluer l'officier ; *Les Zouaves* en particulier, Kabyles alliés au bey du Titteri, forment, dans l'effervescence générale, une houle bigarrée... Près d'un oued, *un gommier* me donna en cachette une cartouchière ; ...*une section d'artillerie et un goup d'Arabes* ralliés, le « *Makhzen* ». Vous, *les fellaghas*, vous vivez dans les forêts en bêtes sauvages, et vous voulez ici vous conduire en sauvages (A. Djébar. *L'amour, la fantasia*).

Милитарная лексика отражает сложную систему колониальной военной администрации. Так, например, *SAS* (Section Administrative Spéciale) специальный термин, обозначающий гражданские и военные подразделения. Они обеспечивают французское присутствие на захваченных территориях. *Les Zouaves* и *goumiers* – местные вспомогательные войска, имплементация этих лексических единиц в контекст подчеркивает этнический компонент. Показательно, что нейтральные военные термины *une section d'artillerie*, *une cartouchière* приобретают негативную коннотацию в текстах с колониальной тематикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурно-идеологические коды представляют собой конститутивную составляющую набора культурных кодов постколониального дискурса. В постколониальной франкоязычной литературе к наиболее релевантным культурным кодам мы относим национально-идентичностный, социально-языковой, историко-коммеморативный.

Каждый из представленных кодов функционирует как символическая матрица. При помощи этой матрицы транслируются бытовые и религиозные ритуалы. В их состав включены особенности одежды и архитектуры автохтонного населения; они фигурируют как дискурсивный фильтр. Этот фильтр объективируется через полиязычную среду и исторический нарратив, идентификационный маркер, аккумулирующий в себе социокультурные и языковые практики.

Представленные культурно-идеологические коды сосуществуют и образуют динамичные конфигурации. Они определяют специфику культурно-идентичностного самовыражения посредством языковых средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подшибякина Т. А., Камара С. Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке) // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 3. С. 38–49.
2. Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции: Африка: постколониальный дискурс: Ярославль, 25–26 июня 2020 года: организаторы: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Институт Африки Российской академии наук / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Ярославль: Филигрань, 2020.
3. Сапрыкина О. А. Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс. М.: ИНФРА-М, 2023.
4. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
5. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. №. 4. P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
6. Derrida J. De la Grammatologie. Paris: Les Éditions de Minuit, 1967.
7. Gikandi S. Poststructuralism and Postcolonial Discourse // The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. P. 97–119.
8. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-Colonial Studies: The Key Concepts. London: Routledge, 2013.
9. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.
10. Терских М. В., Зайцева О. А. Идеологические и культурные коды в аспекте формирования провокативного рекламного контента (на примере рекламы Benetton) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 225–237.

REFERENCES

1. Podshibyakina, T. A., Kamara, S. (2024). Postcolonial discourse: Theory, methodology, and practical application (on the example of ethno-political separatism in Africa). Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 3, 38–49. (In Russ.)

2. Gavristov, T. M., Khokhlova, N. E. (Eds.). (2020). Afrika: postkolonial'nyy diskurs = Africa: postcolonial discourse: collection of papers. Yaroslavl': Filigran'. (In Russ.)
3. Saprykina, O. A., Naydenova, N. S. (2023). Romanskie yazyki v Tropical'noy Afrike i postkolonial'nyy khudozhestvennyy diskurs = Romance languages in Tropical Africa and postcolonial literary discourse. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
4. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a factor of translation: traditions in innovation. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 22(3), 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
5. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
6. Derrida, J. (1967). De la grammatologie. Paris: Les Éditions de Minuit.
7. Gikandi, S. (2004). Poststructuralism and postcolonial discourse. In The Cambridge companion to postcolonial literary studies (pp. 97–119). Cambridge; New York: Cambridge University Press.
8. Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (2013). Post-colonial studies: The key concepts (2nd ed.). London: Routledge.
9. Zyкова, I. V. (2017). Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty = The metalanguage of linguoculturology: Constants and variations. Moscow: Gnozis.
10. Terskikh, M. V., Zaytseva, O. A. (2023). Ideological and cultural codes in the formation of provocative advertising content (case study of Benetton ads). Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1, 225–237.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Виктория Леонидовна

аспирант

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка

факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Viktoria Leonidovna

PhD Student

Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics

Faculty of the French Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.08.2025
19.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Прагматика номинативных предложений во французском публицистическом тексте экономической тематики

Е. Л. Туницкая

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Россия, e-tunia@yandex.ru*

Аннотация. Цель исследования - выявить характер употребления номинативных предложений в статьях экономической тематики, которые публиковались в ведущих изданиях французской прессы последних лет. Исследуемый материал рассматривается в работе с прагматической точки зрения. Следовательно, дискурс французской экономики осмысливается в статье как один из видов медиадискурса, направленного не только на информирование читателя, но и на формирование его точки зрения. Метод сплошной выборки позволил выявить наиболее частотные структурно-семантические типы номинативных предложений, свойственные медийному жанру «статья экономической тематики в массовых печатных изданиях». Благодаря сплошной выборке исследуемого материала в статье впервые выявлена обусловленность каждого типа номинативной конструкции как решением определенных макроструктурных задач (задач логико-тематической организации произведения), так и выполнением прагматической задачи аргументативного воздействия на читателя.

Ключевые слова: номинативное предложение, письменный медиадискурс, прагматика, дискурсивная аргументация, французская экономическая пресса

Для цитирования: Туницкая Е. Л. Прагматика номинативных предложений во французском публицистическом тексте экономической тематики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 129–136.

Original article

The Pragmatics of Nominative Sentences in the French Journalistic Text on Economic Subjects

Elena L. Tunitskaya

*Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-tunia@yandex.ru*

Abstract. The author aims to analyze from a pragmatic point of view the use of nominative sentences in economic articles published in the leading publications of the French press in recent years. This material is considered as one of the types of media discourse aimed not only at informing the reader, but also at forming his point of view. The continuous sampling method made it possible to identify the most frequent structural and semantic types of nominative sentences peculiar to this media genre. For the first time, the conditionality of each type of nominative construction was revealed both by solving certain macrostructural tasks (tasks of logical and thematic organization of the work) and the pragmatic task of argumentative influence on the reader.

Keywords: nominative sentence, written media discourse, pragmatics, discursive argumentation, French economic press

For citation: Tunitskaya, E. L. (2025). The pragmatics of nominative sentences in the French journalistic text on economic subjects. Vestnik of Moscow Linguistic University. Humanities, 12(906), 129–136. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Многолетнее использование статей французской экономической прессы как дидактического материала в процессе обучения студентов заставило нас обратить внимание на довольно частую встречаемость номинативных предложений (далее – НП) в этом медийном жанре.

Проведенный ранее прагматический анализ функционирования номинативных конструкций во французском художественном дискурсе [Туницкая, 2025] показал существенные различия анализируемых конструкций в экономической прессе и художественном произведении. Эти различия чрезвычайно значимы как в структурно-семантическом, так и в прагматическом аспектах. Действительно, в художественном тексте основная роль номинативных предложений заключается в передаче непосредственного восприятия ситуации персонажем (внутренний монолог и т. п.). Очевидно, в медийном дискурсе на экономическую тему их функция должна быть иной.

Если абстрагироваться от фундаментальных изданий по грамматике французского языка, включающих обычно небольшой параграф на данную тему [Гак, 2004; Тарасова, 2007], то наше внимание привлекли несколько исследований отечественных авторов, посвященных НП [Артюшкина, 2022; Куровская, 1984; Мокроусова, 2011; Скляренко, Перфильева, 2018]. В приведенном корпусе исследований лишь работы Артюшкиной О.В. и Куровской М.В. выполнены преимущественно на тех образцах французского языка, которые употреблены в художественных текстах.

Среди работ французских лингвистов, в которых затронута данная тема, следует выделить диссертационное исследование Ф. Лефевр [Lefevre, 2016; Lefevre, 2001]. Статья Ф. Лефевр охватывает все типы безглагольных предложений, содержащие в своей основе не только имя существительное, но и прилагательное, наречие, имя с предлогом. Большинство описываемых примеров взяты исследователем из разговорной речи с ее специфическим сегментированным синтаксисом¹ или из художественных произведений. Автор справедливо подчеркивает отличие безглагольных конструкций от неполных предложений, однако, рассматривая в качестве примеров разговорные диалогические единства, часто приводит сложные для однозначной трактовки примеры. Особое внимание Ф. Лефевр уделяет способам выражения в НП категории предикативности и других грамматических категорий, а также степени автономности безглагольных

предложений в синтаксическом, семантическом и контекстуальном аспектах. При этом глобальный подход к проблеме разнообразных безглагольных конструкций побуждает автора отказаться от рассмотрения некоторых интересных деталей, касающихся НП.

Таким образом, в ряде работ на примерах художественных текстов или диалогических единств более или менее подробно рассматриваются структурно-семантические характеристики НП, тогда как вопросы прагматики остаются на периферии. Указанное обстоятельство, а также роль медийных текстов в современном мире придают данной статье острую актуальность.

Новизна исследования определяется попыткой автора не только рассмотреть данный тип конструкций в прагматическом аспекте, но также на означенной основе объяснить их существенную роль и относительно высокую частотность их употребления в статьях по экономике. Впервые выявлены особенности функционирования НП в письменном французском медиадискурсе экономической тематики, показано отличие НП в медиадискурсе и в художественном дискурсе. Методологически выводы автора базируются на структурно-семантическом, композиционном и прагматическом анализе материала.

Материалом исследования послужили статьи французской прессы, как общей направленности (Monde), так и специализирующиеся в большей степени на экономических вопросах (Les Echos), но адресованные широкому читателю, а не узкому кругу специалистов. Совершаемый автором выбор читательской аудитории отличает медиадискурс от научного, хотя и специалист может найти в большинстве публикаций определенные сведения для своей профессиональной деятельности. К таковым относятся, например, статистические данные, ссылки на интервью и выступления известных представителей бизнеса. Адресованность широкому кругу читателей, привыкших читать ежедневную прессу, объясняет, как будет показано ниже, наличие в НП экспрессивно окрашенных языковых средств, не свойственных строгому научному дискурсу.

Всего проанализировано 50 письменных источников (статей и обзоров) и выявлено около 40-а НП различной семантики и структуры.

Материал и выводы исследования могут быть использованы в курсе лекций или на практических занятиях по дискурсивному анализу, чтению французской прессы.

В исследовании решаются следующие задачи:

- 1) выявление предложений, включающих НП, их группировка и классификация в соответствии с общностью семантико-синтаксической структуры;

¹Например: *Délicat, le problème!*

- 2) выявление аргументативного потенциала наиболее типичных НП;
- 3) сопоставление семантики и прагматики НП в письменном медиадискурсе и в художественном дискурсе.

БАЗОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В современной лингвистике НП рассматривается как особый тип односоставного предложения, в котором находят свое выражение одновременно субъект и предикат коммуникации.

Авторы единодушно подчеркивают его отличие от неполных предложений, свойственных диалогическому единству, таких как:

– Mais, précisément, quelles sont les forces de cette union entre PSA et FCA ? – D'abord, des complémentarités, note M. Mosquet (*Le Monde*. 16.02.2022)¹.

Описана структура и семантика НП, в меньшей степени, их организующая роль в тексте. В структурном плане НП могут выступать в виде простого предложения, части сложносочиненного предложения и главного предложения в составе сложноподчиненного предложения.

НП всегда рассматриваются контекстуально: в составе сложного синтаксического целого (абзаца). Акцент делается на их роль в тематической организации и обеспечении когезии на уровне текста.

НП делятся на три коммуникативных типа: повествовательное, вопросительное, побудительное. Также указывается его способность в ряде случаев выражать категорию субъективной модальности (оценочности).

Выражение категории времени в НП – вопрос дискуссионный [Артюшкина, 2022].

Большинство исследователей считает НП моноремой, но в некоторых контекстах оно может быть как темой, так и ремой высказывания.

Нет полного единства и в решении вопроса о разграничении семантических и функциональных типов НП.

1. Чаще всего в перечне семантических типов НП фигурируют бытийные НП или высказывания о существовании, констатирующие наличие или отсутствие субъекта в определенном пространстве: *De la neige jusqu'à l'infini*.
2. Выделяют также высказывания идентичности. К ним относят названия, этикетки,

а также, очевидно, заголовки и подзаголовки статей и др.².

3. Оценочные, или атрибутивные высказывания характеризуют произошедшее событие или лицо (предмет): *Echec total! menteur!*
4. Вслед за В. Г. Гаком имеет смысл выделить также процессуальные, или событийные НП, т. е. имя с семантикой действия [Гак, 2004]: *Le va-et-vient des employés*.
5. О. В. Артюшкина выделяет в качестве отдельного типа НП восприятия. На наш взгляд именно они играют ведущую роль в художественном тексте. Они необходимы как элемент внутреннего монолога персонажа – носителя авторской эмпатии О. В. Артюшкина проводит также подробный анализ употребления артикля в НП, доказывая его зависимость от семантического типа предложения [Артюшкина, 2022].

Говоря о коммуникативно стилистических особенностях НП, обычно указывают на их лаконичность и выразительность, на свойство имитировать непосредственное восприятие реальности. Намеренный отказ от литературности в пользу разговорной интонации вполне может рассматриваться как прием в газетном репортаже. Однако данный прием не употребителен в экономических исследованиях.

В то же время, приемы аргументативного воздействия НП на читателя в избранном нами медиажанре следует изучить более детально.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ТИПОВ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Основываясь на установленных положениях, рассмотрим семантико-синтаксическую структуру и прагматику НП на основе собранного материала.

Нами было выявлено и проанализировано в 50 статьях экономической прессы более 30 отрывков, содержащих НП или сходные конструкции.

При этом было установлено количественное доминирование нескольких видов НП. Рассмотрим примеры первого типа А:

1. *Autre moteur de la décarbonation, la mutation structurelle de la Chine*, qui est en train de passer d'un modèle centré sur les industries lourdes à une économie davantage tournée vers les

¹URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/63471-le-monde-16-septembre-2022-no-24166.html (дата обращения: 15.07.2025).

²В данной статье мы не рассматриваем этот тип НП. Пресса, разумеется, изобилует заголовками, подзаголовками и названиями разделов, но они как элемент композиции медиадискурсивного произведения изучены довольно подробно.

services et une production moins énergivore (*Le Monde*. 18.09.2023)¹.

2. En automobile comme en multirisques habitation, les résultats sont plus que satisfaisants avec une croissance supérieure à celle du marché et une contribution aux résultats de plus en plus significative. *Autre marché dynamique dans l'assurance*, et les bancassureurs l'ont encore une fois bien compris, celui dit de la «protection» (*Les Echos*. 23.10.2023)².
3. L'hydrogène naturel, qui n'émet aucun gaz à effet de serre, serait donc une véritable solution pour décarboner l'économie et d'œuvrer en faveur de la transition énergétique. *Autre atout, et non des moindres : son coût imbattable* (*Capital.fr*. 12.12.2023)³.

К основным структурным характеристикам типа относятся:

- 1) отсутствие начального артикля;
- 2) именное словосочетание, включающее в обязательном порядке неопределенное прилагательное *autre*;
- 3) начальное НП входит в состав бессоюзного сложного предложения, разделенного запятой или двоеточием, причем вторая именная группа, как правило, вводится определенным артиклем, хотя во втором примере именная группа заменена на местоименную (*celui*), что является исключением из правила;
- 4) второе НП часто распространено придаточным или вводным предложением, значительно реже распространено первое НП;
- 5) часто рассматриваемый тип НП начинает новый абзац.

С функционально-семантической точки зрения, первая часть за счет прилагательного-коннектора *autre* тесно связана с предыдущим контекстом, даже если начинается новый абзац. Имеются основания говорить о функции дополнения или расширения развиваемой автором темы через введение новой подтемы.

Рассматриваемая номинативная конструкция семантически близка к бытийной: *Autre marché dynamique dans l'assurance* → *il y a (un) autre marché dynamique dans l'assurance*. Однако следует оговориться: бытийными обычно называют

предикативные конструкции, утверждающие существование вещи или материального явления в определенном пространстве, тогда как в экономических текстах речь идет, скорее, о наблюдаемых явлениях, чем о вещах; мы можем судить о них, но не можем их осязать: *marché, atout, moteur de la décarbonisation*.

Что касается второго НП, то оно раскрывает содержание первого: *Autre moteur de la décarbonation, la mutation structurelle de la Chine* → *Autre moteur de la décarbonation c'est la mutation structurelle de la Chine*. С семантической точки зрения, раскрытие содержания сказанного оответствует операции идентификации (классификации).

Роль таких НП в логическом построении текста, в продвижении информации значительна.

Близкими, но не идентичными являются конструкции первого типа Б:

1. Tous les constructeurs mondiaux font face à des investissements de recherche et développement qui montent chaque année et on a de plus en plus de mal à les financer. *Conséquence* : les alliances, les fusions-acquisitions, les accords sur certaines technologies deviennent de plus en plus critiques (*Le Monde*. 16.02.2022)⁴.
2. Libérée de sa maison mère, achetée par un fonds d'investissement, puis cotée en Bourse, Spirit est devenue, par rachats successifs, une entreprise mondiale fournissant de multiples clients dont le principal concurrent de Boeing, Airbus. Celui-ci, n'entendant pas les choses de la même oreille, s'est invité dans les négociations. *Résultat*, les deux géants vont se partager l'un de leurs plus gros fournisseurs, qui emploie près de 18 000 personnes dans le monde (*Le Monde*. 24.06.2024)⁵.
3. C'est dans cet esprit que Boeing, qui n'en finit pas d'accumuler les catastrophes, a décidé d'en finir avec sa politique très extrémiste de fabrication à l'extérieur des pièces de ses avions pour les produire dans ses propres usines. *Symbole de cette nouvelle pratique forcée par les événements*, le projet de rachat de son fournisseur d'ailes et de fuselages Spirit AeroSystems, coupable d'être responsable de l'arrachage de la porte de secours d'un appareil en janvier 2024 (*Le Monde*. 24.06.2024)⁶.

¹URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/81180-le-monde-18-novembre-2023-no-24533.html (дата обращения: 15.07.2025).

²URL: <https://go.mail.ru/search?q=Les+Echos+%E2%80%93+23.10.2023&fr=atom&gp=501032> (дата обращения: 17.07.2025).

³URL: <https://xsava.xyz/magazines/CapitalFranceDecembre2023.htm> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/63471-le-monde-16-septembre-2022-no-24166.html (дата обращения: 15.07.2025).

⁵URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/96345-le-monde-24-novembre-2024-no-24851.html (дата обращения: 15.07.2025).

⁶URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/96345-le-monde-24-novembre-2024-no-24851.html (дата обращения: 15.07.2025).

НП данного типа не начинают абзац, но обычно входят в завершающую фразу. Они часто сигнализируют о выводе, заключении. Тем не менее возможна и другая семантика (*symbole, nouveauté*). В любом случае, подобные НП жестко связаны с предшествующим контекстом, в том числе, анафорически: *Symbole de cette nouvelle pratique forcée par les événements → Simbole de quelle pratique? – Celle dont on a parlé*. Имя НП не сопровождается артиклем, что усиливает связь с предшествующим контекстом.

Однако не менее важен и последующий контекст, который предлагает читателю оценку вышеизложенной ситуации. Авторская оценка вводится бессоюзно, через двоеточие или запятую. Это оценочное суждение обычно выражено двусоставным предложением, хотя не исключено и новое НП. Таким образом, авторская позиция передается не одним НП, а фразой в целом, где анализируемое НП является темой, а последующая часть ремой. Поэтому подобные НП можно характеризовать, прежде всего, с позиции логической организации целого текста как коннектор следствия или вывода, заключения. Именно связующая, коннекторная роль анализируемых НП А и Б в тексте заставила нас объединить их в общий тип.

В отличие от художественного текста использование НП в анализируемых примерах не приводит к смене авторской точки зрения во времени или пространстве. Автор описывает ситуацию от своего лица, но при этом логически управляет размышлениями читателя. Он слово заставляет читателя, сделать логическую паузу на запятой или на двоеточии и задать себе вопрос: *Autre atout, et non des moindres: → Quel atout? Conséquence: → Quelle conséquence?*

Если мы попытаемся заменить бессоюзную связь на союзную, то получим связь пояснительную, экспликативную: *Conséquence? – A savoir: les alliances, les fusions; symbole de cette nouvelle pratique forcée par les événements? – C'est-à-dire, le projet de rachat...*

К частотным конструкциям отнесем также следующие (второй тип):

1. Malgré toutes ces problématiques, le gouvernement chinois vise environ 5% de croissance cette année. Ce taux ferait rêver nombre de pays, mais il reste pour la Chine bien loin de l'expansion fulgurante qui l'a propulsée ces dernières décennies vers les sommets de l'économie mondiale. *Un objectif jugé par ailleurs ambitieux par nombre d'économistes (La Tribune. 19.12.2024)*¹.

¹URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/97485-la-tribune-19-decembre-2024-no-8004.html (дата обращения: 15.07.2025).

2. Les acteurs français de l'assurance sont confrontés à un certain nombre d'évolutions touchant chacun des aspects de leur activité : modifications des marchés et des comportements des acteurs, demande de nouveaux produits et de nouveaux modes de distribution, apparition de nouveaux acteurs, évolutions législatives, explosion du digital... *Des enjeux nombreux qui se traduisent par des efforts pour se maintenir en course, mais également par de nouvelles opportunités à saisir (Csc.com.2023)*².
3. La situation est d'autant plus alarmante que les taux sont remontés, que la note d'Altice France a récemment été dégradée par les agences de notation et qu'Altice doit commencer à rembourser ses premières échéances dont 1,6 milliard d'euros en 2025 pour un total de 20 milliards jusqu'en 2029. *Une situation qui rappelle certes Casino, mais pas seulement (Novethic.fr. 09.08.2023)*³.
4. C'est le cas de l'empire fondé par Michel Ohayon, à la tête des Galeries Lafayette, Gap ou encore Camaïeu. *Tant d'entreprises qui tombent les unes après les autres (Le Monde. 07.11.2023)*⁴.

НП данного типа включают существительное с неопределенным детерминативом (чаще всего, артиклем). К НП относится определительное придаточное предложение или, реже, причастная форма (*objectif jugé par ailleurs ambitieux*). Подобное НП ориентировано на предшествующий контекст, а поэтому обычно располагается в конце абзаца.

Возможность дополнить НП конструкцией *c'est / se sont* указывает на семантику классификации, которая за счет придаточного определительного предложения или причастия дополняется оценочностью. Подобные конструкции содержат авторский комментарий вышеизложенной ситуации.

Третье место по частотности употребления не случайно заняли вопросительные НП:

- 1) *Transition énergétique?* Aux Etats-Unis, il est un peu tôt pour le dire... En septembre, le pays a battu son record de production avec 13,2 millions de barils de pétrole extrait chaque jour du sous-sol américain. *Le gaz naturel? Même scénario*⁵.
2. À la surface de la terre, les dinosaures ont disparu il y a environ 65 millions d'années. Sur la planète

²URL: <https://www.csc.com/fr/2023> (дата обращения: 17.07.2025).

³URL: <https://www.novethic.fr/09.08.2023> (дата обращения: 18.07.2025).

⁴Там же.

⁵URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/80746-le-monde-7-novembre-2023-no-24523.html (дата обращения: 15.07.2025).

Bourse, ce n'est pas encore le cas, mais ils sont à leur tour en voie d'extinction. *Les dinosaures?* Comprenez les conglomérats industriels, avatars du *big is beautiful*, qui n'ont plus la cote auprès des investisseurs (*Le revenu.com*. 03.04.2022)¹.

Артикль в вопросительном НП отсутствует. С прагматической точки зрения, речь идет об имитации диалога с читателем. Автор в форме вопроса или переспроса устанавливает микротему, которая далее будет развита в рамках обсуждения глобальной темы.

Показательны также единичные примеры с иными характеристиками. Эти примеры свидетельствуют большей свободе авторского выбора:

Les chefs d'entreprise qui ne sont pas forcément bien conseillés, se rendent compte, une fois sur place, que l'équation économique était erronée, car ils n'avaient pas pris en compte le coût complet d'une délocalisation... Frais de transport, de logistique et de stockage, prix de formation de la main-d'œuvre, difficultés de manager les équipes à distance, augmentation des salaires locaux, problèmes de qualité, retards de livraison, etc (*La Tribune*. 23.10.2022)².

Так, в приведенном примере мы наблюдаем НП в виде перечислительного ряда. Связь с предшествующим контекстом смысловая, но легко определяется как причинная (аргументирующая).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ примеров показал, что в данной сфере существует ряд вопросов для дальнейшего исследования.

1. В письменных медиа-текстах экономического содержания встречаются также инфинитивные одночленные конструкции. Какова их семантика и прагматика? Отличаются ли они от НП?

Ainsi, l'AIE prévoit que la part des véhicules électriques atteindra 35 % des ventes mondiales en 2030, contre moins de 25 % dans une projection précédente. De quoi réduire la consommation de pétrole de 5 millions de barils par jour (*Le Monde*. 18.09.2023)³.

2. Интерес представляют неоднократно встречающиеся одночленные конструкции

¹URL: <https://www.lerevenu.com/> (дата обращения: 18.07.2025).

²URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/94973-la-tribune-23-octobre-2022-no-7965.html (дата обращения: 15.08.2025).

³URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/81180-le-monde-18-novembre-2023-no-24533.html (дата обращения: 15.07.2025).

с местоимениями или прилагательными, а также вводимые относительным наречием *d'où*:

Mais ce relai de croissance essentiel des économies européennes devrait tout de même profiter de l'amélioration à venir des conditions de crédit. **Ce**, grâce à la baisse, dans un futur proche, des taux d'intérêt directeurs de la BCE (*La Tribune*. 15.05.2024)⁴.

Dans ce contexte, *difficile* pour l'Inde de rivaliser sur le long terme avec ses voisins, notamment la Chine qu'elle rêve de remplacer comme usine du monde (*La Tribune*. 04.06.2024)⁵.

L'information extra-financière a pour objectif de permettre une évaluation des entreprises sur trois dimensions: environnement (E), social (S) et gouvernance (G). *D'où le terme* désormais consacré d'information ESG, qui semble largement préférable à ce «extra-financière» (*Metiseurope.eu*. 07.06.2023)⁶.

3. Встречаются односоставные предложения, опирающиеся на имя – косвенное дополнение. Какова семантика и прагматика подобных структур, проникающих в письменный медиадискурс из устного?

La stratégie de Danone à travers ce plan est de se focaliser sur son cœur de métier : les yaourts, les eaux minérales, la nutrition infantile et médicale. *Avec la priorité* donnée à la croissance des marques fortes et à la création de valeur (*Le Monde*. 08.03.2022)⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Прагматика НП в экономическом медиадискурсе полностью отличается от прагматики НП в дискурсе художественном, поскольку первый не требует смены авторской позиции (передачи внутренней речи вымышленного персонажа). Автор говорит с читателем от собственного имени, а если цитирует третье лицо, то делает это «открыто», в форме прямой речи.

⁴URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/103781-la-tribune-15-mai-2025-no-8096.html (дата обращения: 18.07.2025).

⁵URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/87666-la-tribune-6-avril-2024-no-7842.html (дата обращения: 18.07.2025).

⁶URL: <https://www.metiseurope.eu/07.06.2023> (дата обращения: 18.07.2025).

⁷URL: https://fr.downmagaz.net/news_magazine_francaise/66405-le-monde-8-decembre-2022-no-24237.html (дата обращения: 15.07.2025).

2. Аргументативная стратегия автора в его обращении к читателю объединяет ряд тактических приемов с использованием НП.
- При помощи НП автор структурирует дискурс с тематической точки зрения от абзаца к абзацу, моделируя логику дискурса.
  - НП часто используется для введения темы или подтемы, которую автор затем раскрывает в нужном ему ключе, приглашая читателя присоединиться к его ходу мысли.
- Лаконичность и экспрессивность НП усиливают его аргументативный потенциал.
3. Ряд сходных с НП явлений, также распространенных в экономическом медиадискурсе, требует дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Туницкая Е. Л. Специфика употребления номинативных предложений в художественном дискурсе на примере романа Сесиль Умани «Дальше, чем ночь» // Романистика в эпоху полилингвизма: сб. матер. VII Международной научно-практической конференции: 19–21 октября 2023 / отв. ред. О. А. Быкова ; члены редакционной коллегии: А. О. Манухина, А. М. Смирнова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025. С. 75–80.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.
3. Тарасова А. Н. Грамматика современного французского языка. Синтаксис. М.: Нестор-Академик, 2007.
4. Артюшкина О. В. Номинативные предложения в тексте. Контрастивное исследование на материале русского и французского языков // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 6. С. 32–45
5. Куровская М. В. Номинативные предложения в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 2012.
6. Мокроусова О. Ю. Номинативное предложение как единица текста: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
7. Склярченко Р. В., Перфильева Е. Д. Лингвистические особенности номинативных предложений (на материале романа Р. Брэдли «Вино из одуванчиков») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. № 1. 2018. С. 198–202.
8. Lefeuve F. Les énoncés averbaux autonomes: approche syntaxique et discursive // La phrase autonome. Théorie et manifestations. 2016. P. 73–87.
9. Lefeuve F. La phrase averbale en français // L'information grammaticale. 2001. № 88. P. 47–48.

REFERENCES

1. Tunitskaya, E. L. (2025). The specifics of the use of nominative sentences in artistic discourse on the example of the novel by Cecil Oumhani «Plus loin que la nuit». In Bykova, O. A. (Ed.), *Romanistika v ehpokhu polilingvizma* (pp. 75–80): collection of papers of the VIIth International scientific and practical conference, 2023, October 19–21. Moscow: MSLU. (In Russ.)
2. Gak, V. G. (2004). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* = Theoretical grammar of the French language. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
3. Tarasova, A. N. (2007). *Grammatika sovremennogo frantsuzskogo yazyka. Sintaksis* = Modern French Grammar. Syntax. Moscow: Nestor-Akademik. (In Russ.)
4. Artyushkina, O. V. (2022). Nominative sentences in the text. A contrastive study in Russian and French. *Moscow University Philology Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 32–45. (In Russ.)
5. Kurovskaya, M. V. (1984). *Nominativnye predlozheniya v sovremennom frantsuzskom yazyke* = Nominative sentences in modern French: abstract of PhD thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)
6. Mokrousova, O. Y. (2011). *Nominativnoe predlozhenie kak edinita teksta: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* = Nominal Sentence as a unit of Text: Communicative and Pragmatic Aspects: abstract of PhD thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)
7. Sklyarenko, R. V., Perfil'yeva, E. D. (2018). *Lingvisticheskie osobennosti nominativnykh predlozhenij (na materiale romana R. Brehdberi «Vino iz oduvanchikov»)* = Linguistic and stylistic peculiarities of nominative sentences (based on Ray Bradbury's novel «Dandelion wine»). *Vestnik of Lobachevskiy state university of Nizhni Novgorod. Philology*, 1, 198–202. (In Russ.)

8. Lefeuve, F. (2016). Les énoncés averbaux autonomes: approche syntaxique et discursive. In La phrase autonome. Théorie et manifestations (pp. 73–87). Bruxelles: Peter Lang.
9. Lefeuve, F. (2001). La phrase averbale en français. L'information grammaticale, 88, 47–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туницкая Елена Леонидовна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры романо-германских языков

Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tunitskaya Elena Leonidovna

Doctor of Philology, Associate Professor

Professor at the Department of Roman-Germanic languages

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.08.2025
19.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Китайские стихи Н. С. Гумилева: реминисценции из Теофиля Готье

Е. А. Осьминина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить реминисценции из поэзии и прозы Т. Готье в стихотворениях Н. С. Гумилева, посвященных Китаю. Использован структурный стиховедческий анализ (для выделения темы, мотивов и образов стихотворений) и компаративный анализ (для сравнения стихотворений). Материалом исследования являются произведения Н. С. Гумилева: «Я верил, я думал...», «Китайская девушка», цикл «Фарфоровый павильон», поэма «Два сна». В результате исследования выявлены образы и эпитеты, являющиеся реминисценциями из стихотворения «Chinoiserie» и новеллы «Павильон на воде» Т. Готье: китайская девушка, беседка (павильон) на воде, птицы, цветы, фарфор, красный и желтый цвет, – и мотив стилизации, «игрушечного» Китая, который также идет от Т. Готье.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, «Китайская девушка», «Фарфоровый павильон», «Два сна», Теофиль Готье, «Павильон на воде», образ Китая

Благодарности. Сердечно благодарю Ю. Б. Орлицкого за его стиховедческие семинары в РГГУ.

Для цитирования: Осьминина Е. А. Китайские стихи Н. С. Гумилева: реминисценции из Теофиля Готье // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 137–143.

Original article

Chinese Poems by N. S. Gumilev: Reminiscences from Theophile Gautier

Elena A. Osminina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to identify reminiscences from T. Gautier's poetry and prose in N. S. Gumilev's poems dedicated to China. The article uses structural verse analysis (to identify the themes, motifs, and images of the poems) and comparative analysis (to compare the poems). The research material includes N. S. Gumilev's poems: "I Believed, I Thought...", "The Chinese Girl", the cycle "The Porcelain Pavilion", and the poem "Two Dreams". As a result of the research, the above-mentioned works revealed images and epithets that are reminiscences from the poem "Chinoiserie" and the short story "Le Pavillon sur l'eau" by T. Gautier: a Chinese girl, a gazebo (pavilion) on the water, birds, flowers, porcelain, red and yellow, – and the motif of stylization, the "toyiness" of China, which also comes from T. Gautier.

Keywords: N. S. Gumilev, "Chinese Girl", "Porcelain Pavilion", "Two Dreams", Theophile Gautier, "Le Pavillon sur l'eau", the Image of China

For citation: Osminina, E. A. (2025). Chinese poems by N.S. Gumilev: reminiscences from Theophile Gautier. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 137–143. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье ставятся следующие задачи: сначала кратко охарактеризовать произведения Т. Готье о Китае, затем последовательно, согласно хронологическому порядку публикации, исследовать «китайские» стихотворения и циклы Гумилева с помощью структурного и компаративного анализа для выявления в них реминисценций из Т. Готье.

Научную новизну исследования обеспечивает сравнение стихов Гумилева с подстрочником «Chinoiserie», с образами и мотивами «Павильона на воде». Результаты исследования могут быть использованы к курсам лекций, посвященных истории литературы Серебряного века, при изучении русско-китайских отношений. Этими познавательными возможностями и определяется практическая ценность работы.

В статье использованы материалы литературоведения, затрагивающие тему «Гумилев и Теофиль Готье»: послесловие Г. К. Косикова к «Эмалям и камням» Т. Готье в переводах Гумилева [Косиков, 1989], комментарии к собранию сочинений Гумилева (1998–2007), недавние исследования К. В. Брылевой [Брылева, 2019; Брылева, 2022], а также летопись жизни и творчества Гумилева [Степанов, 2014; Степанов, 2019]. Также использовались статьи, посвященные теме «Гумилев и Жюдит Готье» (перечислены в разделе, посвященном циклу «Фарфоровый павильон»). Материал исследования – тексты стихотворений Гумилева 1910–1918 годов (два тома из собрания сочинений¹, общий объем 50,5 п.л.).

КИТАЙСКАЯ ТЕМА У ТЕОФИЛЯГОТЬЕ

Стихотворение «Chinoiserie» Теофиля Готье было опубликовано в сборнике «La Comédie de la Mort» (1838); в России оно известно в позднем переводе Всеволода Рождественского (антология «Средоточие времен», 1979 год) под названием «Китайский мотив»; в собрании сочинения Гумилева названо «Китайской безделушкой». Для проведения настоящего исследования был необходим подстрочник, который выполнила для нас К. П. Осьминина, выпускница МГЛУ:

Шинуазри

Нет, это не Вы, мадам, которую я люблю,
И более не Вы, Джульетта, не Вы,
Офелия, не Беатрис, не даже,
Лаура, блондинка, с большими нежными глазами.

Та, которую я люблю, находится сейчас в Китае;
Она живет вместе со своими старыми родителями
В башне из тонкого фарфора
При желтой реке, где обитают бакланы.

Ее глаза изогнуты к вискам,
И маленькие ножки можно удержать в руке.
Цвет лица более ясный, чем медь лампы.
Ногти длинные и красные, как кармин.

За решеткой она прячет свою головку
Как ласточка летающая, касаясь,
И каждый вечер как поэт,
Поет иве и цветку персика.

В литературном портрете девушки есть оттенок иронии: длинные и красные ногти (шаблонный образ в европейских описаниях китайянок), сравнение цвета лица с цветом медной лампы. Собственно, само название «Шинуазри» (т. е. «китайщина») указывает на некую стилизацию. «Башня из тонкого фарфора» – это вариации на тему «фарфоровой» пагоды (с колокольчиками) в Нанкине, изображения которой были известны в Европе [Неглинская, 2015]; ива и персик из последней строки – символические для китайской культуры цветы.

Второе произведение Теофиля Готье о Китае, новелла «Le Pavillon sur l'eau» (1846), было переведено Л. Перхуровой и озаглавлено «Павильон на воде» (1916), затем Ю. Линником и озаглавлено «Павильон, отраженный в озере» (2017). Сюжет новеллы следующий: два друга, Ту и Куань, живущие в Кантонской провинции, построили два павильона у пруда, расположенные друг напротив друга. Поссорившись, они возвели посреди пруда стену, но в этой стене находилось отверстие, в котором было видно отражение противоположного павильона. Юноша Чин-Синг (Жемчуг, сын Куаня) и девушка Жу-Киуань (Яшма, дочь Ту), увидели друг в друга в отверстии отражения и полюбили. Любовь победила вражду, друзья помирились, юноша с девушкой поженились. Некоторая ирония по отношению к Китаю присутствует в новелле в целом и чувствуется в ее последней фразе: «Стали ли они от этого счастливее, мы не знаем, потому что счастье нередко только тень на воде»².

Новелла полна этнографических подробностей: описана архитектура и декор павильонов, буддийского храма (литературный экфрасис), занятия друзей и их детей; при изображении внешности юноши и девушки используются образы и сравнения из китайской культуры. При этом во всем описании также присутствует некая стилизация («шинуазри»).

¹Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресение, 1998–1999. Т.2, 3.

²Готье Т. Клуб гашишистов. Рассказы. М.: Универсальная б-ка, 1916. С. 81.

ГОТИАНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЭЛЕГИИ «Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ...» (написана в 1911 г., опубликована в 1912 г.)

Влияние «Шинуазри» Т. Готье на Гумилева в данной элегии отчетливо прослеживается. Перечислим мотивы, образы и эпитеты Т. Готье, которые прямо или косвенно использует Гумилев (в скобках указаны соответствующие словосочетания русского поэта): «Celle que j'aime» («тихая девушка»), «Elle de meure, avec ses vieux parents» («смотрит без мыслей и снов»), «une tour de porcelaine fine» («колокольчик фарфоровый»), «Au fleuve jaune» («в желтом Китае»), «les cormorans», «l'hirondelle» («журавлиные стаи»), «Un pied petit» («С поджатыми ножками»), «le cuivre des lampes» («золотом вышиты»), «rougis de carmin» («из красных шелков»), «Chante le saule et la fleur du pêcher» («слушая легкие, легкие звоны»).

Представляется, что название сборника Готье «Эмали и камеи» могло послужить источником эпитета «В эмалином небе...» из элегии. В этом эпитете, как и в сравнении сердца с «колокольчиком фарфоровым» проявляется то уподобление живого – неживому, природного – культурному, которое Г. К. Косиков отмечает как особенность поэзии Готье: «природа, ревнующая к искусству...» [Косиков, 1989, с. 18], опредмечивание природы. Интересна в этой связи и запись А. Блока в дневнике 20 октября 1911 г.: «Разговор с Н. С. Гумилёвым и его хорошие стихи о том, как сердце стало китайской куклой»¹.

В то же время стихотворения Т. Готье и Гумилева сильно различаются. «Шинуазри» посвящено китайке как предмету любви поэта. Тема элегии – не китайка и не Китай, а размышления о жизни, в завершение которого в последних двух строках возникает Китай, как некая прекрасная страна, где сердце поэта умиротворяется. Хотя при описании Поднебесной используются самые распространенные образы: колокольчик, пагода, девушка, шелк, дракон, красный и желтый цвета, о стилизации говорить преждевременно. Иронии ни по отношению к Китаю, ни по отношению к китайке в элегии Гумилева нет.

ГОТИАНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ «КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА» (опубликовано в 1914 г.)

Влияние «Шинуазри» Т. Готье на Гумилева здесь проявляется сильнее, нежели в элегии, хотя единого мнения среди исследователей по данному вопросу нет. Дело в том, что в записных книжках Гумилева существует перевод данного стихотворения

на французский язык². Г. П. Струве, а за ним ряд исследователей считают французский текст автопереводом Гумилева; Е. Е. Степанов предполагает, что он был сделан в 1918 году [Степанов, 2014]. Комментаторы Гумилева приводят мнение С. Фошера: «Это стихотворение, которое Гумилев счел возможным самому перевести на французский, восходит к Готье, а не к китайской поэзии»³. В то же время М. Д. Эльзон не исключает того, что «Китайская девушка» – перевод, а французский текст – оригинал, автор которого еще не известен⁴. Мы склоняемся к точке зрения Г. П. Струве и О. Фошера.

Перечислим мотивы, образы и эпитеты Т. Готье, которые прямо или косвенно использует Гумилев (в скобках указаны соответствующие словосочетания русского поэта): «Celle que j'aime, à présent, est en Chine» («Китайская девушка»), «Elle demeure, avec ses vieux parents» («Безмятежные танки»), «une tour (...), // Au fleuve» (беседка / Посредине реки), «une tour de porcelaine», «la fleur du pêcher» («Куст фарфоровых роз»), «les cormorans», «l'hirondelle» («Металлической птицы»), «plus clair que le cuivre des lampes» («блещет золотом»), «Par son treillis» («Как плетеная клетка»), «qu'un poète, Chante» («пишу <...> танки»).

Сходство стихотворений обнаруживается на всех текстовых уровнях. Героиня обоих произведений – прекрасная китайка. Похоже место ее проживания, отгороженность от остального мира, занятие. Готианское опредмечивание природы в «Китайской девушке» чувствуется еще сильнее, чем в элегии «Я верил, я думал...»: «фарфоровые розы» и «металлическая птица» значимее и ярче «эмалевого неба». Любопытно сопоставление этой металлической птицы с механическим соловьем из сказки Г. Х. Андерсена «Соловей», сделанное А. А. Моисеевой [Моисеева, 2019].

О «шинуазри» в «Китайской девушке» говорит смешение культур, одно из свойств данного стиля [Неглинская, 2015]. Героиня Гумилева пишет танки: это жанр японской, а не китайской поэзии. В журнальном варианте стихотворения присутствует строфа о том, что «комбинации шахмат» успокоят героиню. Шахматы – индийская игра, китайцы играют в шашки.

Наконец, ирония в «Китайской девушке» несомненна. И это, быть может, самое главное. Последняя строфа стихотворения демонстрирует иронию, основанную на контрасте внешности жениха (который «лыс и устал») и юного чувства («все влюбленный»), юного испытания («экзамены сдал»).

²Гумилев Н. С. Собрание сочинений: в 4 т. Вашингтон: Kamkin, 1964. Т. 2: Стихи 1916–1921 гг. и стихи разных лет. С. 268, 345.

³Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресение, 1999. Т.3. С.320–321.

⁴Там же. С. 321.

¹Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. Автобиография 1915. Дневники 1901–1921. С. 75.

Данная строфа по-новому освещает и обобщает все предыдущие; в результате вся китайская культура оказывается «искусственной», «сделанной», скованной предписаниями и ограничениями (экзамены).

ГОТИАНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЦИКЛЕ «ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН» (переводы 1917–1918 гг., опубликованы в 1918 г.)

В основе цикла «Фарфоровый павильон» лежит «Яшмовая книга» Жюдит Готье, дочери Теофила, – сборник крайне вольных переложений китайской поэзии, настоящее «шинуазри» в точном смысле этого слова. На качество переложений Ж. Готье указывали еще современники Гумилева (академик В. М. Алексеев), разбору и влиянию ее сборника на мировую поэзию посвящена обстоятельная статья Ф. Стоке [Stocès, 2006].

Сам Гумилев назвал имя Жюдит Готье в примечаниях к своему циклу (правда, вместе с фамилиями других переводчиков с китайского), но без указания имен китайских поэтов. Последние приведены в «лондонском альбоме» Гумилева [Степанов, 2014], в комментариях к четырехтомнику и десяти томнику поэта. В отечественном литературоведении теме «Гумилев и Жюдит Готье» посвящен ряд работ, которые уже приходилось перечислять [Осьминина, 2018], добавим к ним недавние статьи А. Г. Коваленко, П. В. Пороль и И. Б. Бурдонова [Коваленко, Пороль, 2021; Бурдонов, 2023].

«Яшмовая книга» Жюдит Готье содержала 71 переложение в издании 1867 года и 110 – в издании 1902 года. Гумилев выбрал из них 11. Е. Г. Солнцева указывает на «принцип отражения», лежащий в основе построения «Фарфорового павильона», однако считает идеей цикла не отражение (как выражение символистской теорией соответствий), но «двойственность бытия»: «гедонизм не вечен, в безмятежности есть фарфоровая хрупкость» [Солнцева, 2013, с. 77].

Нам же кажется, что отражение является не только принципом композиции, но и основной идеей «Фарфорового павильона». Если выделить основные и побочные мотивы стихотворений из цикла Гумилева и подсчитать их, то мотив подобия / притяжения, соответствия (то есть отражения) окажется на первом месте, а мотив неразделенной любви, имеющий биографическое объяснение [Степанов, 2014], – на втором. Разберем те стихотворения «Фарфорового павильона», где данный мотив представляется нам основным.

В стихотворении «Фарфоровый павильон», давшем название всему сборнику, друзья в павильоне пьют вино, пишут стихи и отражаются в озере. У Жюдит Готье стихотворению соответствует

переложение Li-Tai-Pé (Ли Бо) «Le Pavillon de porcelain»; по Стоке, соответствия для Ли Бо не обнаружено [Stocès, 2006]. Можно предположить, что дочь (а за ней и русский поэт) вдохновилась именно новеллой отца «Павильон на воде», ведь основным мотивом новеллы и является мотив отражения, в последней ее фразе распространенный до философского обобщения (см. выше).

В стихотворении «Луна на море» друзья в лодке смотрят на луну и тучи, отражающиеся в море, и предлагают для них разные сравнения. У Жюдит Готье стихотворению соответствует переложение Li Oey «Le Clair de lune dans la mer»; по А. Г. Коваленко, П. В. Пороль, это Ли Вэй, по И. Б. Бурдонову, Ли Хуа. Мотив отражения («лунный столб, что в море отражен») присутствует только в окончательном варианте стихотворения Гумилева. В подстрочнике Ли Вэй, сделанном П. В. Пороль, «озеро наполнено лунным светом» [Коваленко, Пороль, 2021, с. 533].

В стихотворении «Отражение гор» герой в лодке любит отражение гор на поверхности озер и более ни к чему не стремится. У Жюдит Готье стихотворению соответствует переложение Tchang Tsi «Au milieu du fleuve»; по Стоке, это Tchang-oei / Zhang Wei «En bateau et la tasse a la main». В переводе данного стихотворения с китайского языка, сделанном маркизом Эрве де Сен-Дени, наличествует только винный мотив; Жюдит Готье добавила к нему мотив отражения. Гумилев вообще убрал винный мотив и оставил только отражение.

В стихотворении «Природа» явления природы уподобляются продуктам человеческой деятельности: бамбук – хижинам, деревья – крышам, скалы – пагодам. У Жюдит Готье стихотворению соответствует переложение Ouan-Tsi «Un poèterit dans son bateau»; по Стоке, имя поэта не определяется. Здесь можно увидеть следование принципу «опредмечивания природы» Теофила Готье; мотив отражения трансформируется в мотив соответствия.

Таким образом, влияние «Павильона на воде» на «Фарфоровый павильон» в мотиве отражения – безусловно. Справедливости ради отметим, что появление данного мотива можно объяснить и по-другому. Обращение к системе соответствий (присутствующей в «Изумрудной скрижали» герметистов, латинский текст XVI века) свойственно и некоторым оккультным учениям, и теории символизма. Известно, что Гумилев интересовался оккультизмом в Париже в 1906–1908-х годов (о чем дважды писал В. Я. Брюсову).

Стилизация и ирония по отношению к Китаю, присутствующая в стихотворении и новелле Теофила Готье (чего совсем нет в переложениях Жюдит), также чувствуется и в цикле «Фарфоровый

павильон»; особенно отчетливо – в стихотворении «Три жены мандарина».

ГОТИАНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭМЕ «ДВА СНА» (написана в 1917–1918 гг.)

Поэма не окончена; известен текст первой главы и будущее оглавление, поэтому сделать заключение об идее поэмы и ее основных мотивах нельзя (хотя ее заголовок отсылает и к буддизму и к названию одного из классических китайских романов, «Сон в красном тереме»). Однако «готианские» реминисценции найти можно: и в мотивах, и в образах, и в эпитетах первой главы.

В поэме присутствуют: китайка (правда, девочка, а не девушка), «эмалевая крыша», «желтая река», «красные шелка», «персиковые лепестки», «бронзовый дракон», «полуаршинные ноги», «ученейшие мандарины», «изысканная беседа», «павильоны», «стихи старинные». Все эти хрестоматийные образы придают тексту налет стилизации, «шинуазри». Есть в «Двух снах» и мотив отражения, благодаря включению в поэму стихотворения «Луна уже покинула утесы...» («Луна на море» из «Фарфорового павильона»); варианты стихотворения подробно разбирает И. Б. Бурдонов [Бурдонов, 2023].

Ирония, однако, трансформируется, превращается в легкую насмешку, в шутку. Последние строки поэмы: о «забавах ребячьих», которые нет ничего «милей» в век «войны и революций», отчасти объясняют обращение Гумилева в 1918 году и к стилизации, и к Китаю. Представляется, что Гумилев хотел именно позабавить, развлечь своих читателей: и «Фарфоровым павильоном», и «Двумя снами», – немного отвлечь от бушующих вокруг «войн и революций», утешить игрушкой. И для мотива отражения в «Фарфоровом павильоне» можно найти то же объяснение. Опреде́мчивание природы превращает природу в игрушку, а всю Поднебесную – в «китайскую безделушку», «шинуазри» (ведь игрушка и игра также есть подобие реальности). Именно поэтому, как нам представляется, в «Фарфоровом павильоне» нет переложений военных стихов (хотя в «Яшмовой книге» Жюдит Готье есть

целый раздел переложений китайских военных стихотворений, ведь война – одна из распространенных тем китайской поэзии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первых стихотворениях Гумилева, посвященных Китаю («Путешествие в Китай», «Возвращение»), страна представляется предметом грез, волшебным царством отдохновения, подобным буддийской нирване (буддийские образы в «Возвращении»). Такое отношение к стране еще чувствуется в элегии «Я верил, я думал...», однако уже здесь есть намек на искусственность, «сделанность» китайской культуры («эмалевое небо»), наряду с конкретными образами из «Chinoiserie» Т. Готье что, как нам кажется, и объясняется влиянием Т. Готье, над переводами которого начал работать Гумилев в 1912–1913 годах.

Влияние Готье, узнаваемое как в конкретных образах и эпитетах Гумилева, так и в мотивах его произведений, проявляется далее все больше и больше: в стихотворении «Китайская девушка», цикле «Фарфоровый павильон», неоконченной поэме «Два сна». Повторяющиеся образы, хрестоматийные для европейского «шинуазри»; мотив отражения; «опреде́мчивание природы», стилизация; ироническое или шутовское отношение к «китайской безделушке», – все вышеперечисленное отличает изображение Китая и у Т. Готье, и у Гумилева. Влияние «шинуазри» Теофиля Готье на Гумилева сохраняется до самых последних «китайских» стихотворений русского поэта (хотя, разумеется, только влиянием Готье они объяснены быть не могут).

И здесь Гумилев оказывается в определенной традиции: русского «шинуазри», русской репрезентации Китая – как зеркала репрезентации французской. Эта традиция берет свое начало от XVIII века и продолжается в XIX и XX веках. В последних исследованиях русско-китайских связей [Цветков, 2024] указано начало данной традиции. Включение исследования «китайских мотивов» в поэзию Серебряного века (не только Гумилева, но и Бальмонта, Брюсова) в широкий переводческий контекст XVIII–XIX вв. представляется крайне перспективным направлением будущих исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косиков Г. К. Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камеи. М.: Радуга, 1989. С. 304–321.
2. Брылева К. В. Воспоминания зятя. Об одном источнике сведений Николая Гумилева о Т. Готье // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 2–3. С. 221–233.
3. Брылева К. В. Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 96–104.
4. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: в 3 т. М.: Азбуковник, 2019. Т. 1. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия, 1886–1921.

5. Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М.: Прогресс-Плеяда, 2014.
6. Неглинская М. А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М.: ИВ РАН, 2015.
7. Моисеева А. А. Андерсеновские аллюзии в стихотворении Н. С. Гумилева «Китайская девушка» // Филология в XXI веке. 2019. № 2(4). С. 104–111.
8. Stocès F. Sur les sources du Livre de Jade de Judith Gautier // *Revue de littérature comparée*. 2006. Vol. 3. № 319. P. 335–350.
9. Осьминина Е. А. Образ Китая в поэзии акмеистов (на примере Н. С. Гумилева) // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы: сборник материалов конференции: Москва, 15–16 ноября, 2018 года / отв. ред. Е. М. Дьяконова, Н. В. Захарова, В. А. Иванова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 175–179.
10. Коваленко А. Г., Поролю П. В. Китайский текст в стихотворении Н. Гумилева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 529–536.
11. Бурдонов И. Б. Путь стихотворения «Свет над морем»: от Ли Хуа до Гумилева, по временам и странам // Общество и государство в Китае. 2023. Т. 52. С. 150–204.
12. Солнцева Е. Г. Китайские мотивы в «Фарфоровом павильоне» Н.С. Гумилева // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2013. № 4. С. 72–79.
13. Цветков Д. В. Образ Китая в культуре Российского просвещения (на материале русских переводов китайской литературы XVIII века): дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2024.

REFERENCES

1. Kosikov, G. K. (1989) .Got'e i Gumilev = Gautier and Gumilev. Got'eT. Ehmalikamei (pp. 304–321). Moscow: Raduga. (In Russ.)
2. Bryleva, K. V. (2019). The memoirs of the son-in-law. One of Nikolai Gumilev's sources of knowledge about T. Gautier. Summer School on the Russian Literature, 15, 2–3, 221–233. (In Russ.)
3. Bryleva, K. V. (2022). Gautier versus Verlaine: about N. Gumilev's preference in French poetry. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriyaliteraturnyiyazyka*, 81(1), 96–104. (In Russ.)
4. Stepanov, E. E. (2019). Letopis' zhizni Nikolaya Gumileva na fone ego polnogo epistolyarnogo naslediya 1886–1921 = The chronicle of Nikolai Gumilev's life against the background of his complete epistolary legacy 1886–1921 (vol. 1: Chronicle of Nikolai Gumilyov's life based on his complete epistolary legacy, 1886–1921): in 3 vols. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
5. Stepanov, E. E. (2014). Poet navoin. Nikolai Gumilev. 1914–1918. = A poet at war. Nikolai Gumilev. 1914–1918. Moscow: Progress-Pleyada. (In Russ.)
6. Neglinskaya, M. A. (2015). Shinuazri v Kitae: tsinskiistil' v kitaiskomiskusstveperiodatrekhvelikhpravlenii (1662–1795) = Chinoiserie in China: The Qing style in Chinese art during the Three Great Reigns (1662–1795). Moscow: IV RAN. (In Russ.)
7. Moiseeva, A. A. (2019). Allusions to Andersen in Gumilev's poem "Chinese Girl". *Filologiya v XXI veke*, 2(4), 104–111. (In Russ.)
8. Stocès, F. (2006). Sur les sources du Livre de Jade de Judith Gautier. *Revue de littérature compare*, 3(319), 335–350.
9. Osminina, E. A. (2018). ObrazKitaya v poeziiakmeistov (naprimere N.S. Gumileva) = The image of China in the poetry of the Acmeists (on the example of N. S. Gumilev). *Vostochnye chteniya. Religii. Kul'tury. Literature* (pp. 175–179). Moscow: IMLI RAN. (In Russ.)
10. Kovalenko, A. G., Porol, P. V. (2021). Chinese text in a poem by N. Gumilev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 529–536. (In Russ.)
11. Burdonov, I. B. (2023). The path of the poem: from Li Hua to Gumilev, by time and countries. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 52, 150–204. (In Russ.)
12. Solntseva, E. G. (2013). Chinese motifs in a poetical cycle "Porcelain Pavilion" by N. S. Gumilev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 4, 72–79. (In Russ.)
13. Tsvetkov, D. V. (2024). Obraz Kitaya v kul'tureRossiiskogoprosveshcheniya (na material russkikh perevodov kitaiskoi literatury XVIII veka) = The Image of China in the Culture of the Russian Enlightenment (based on Russian translations of Chinese literature of the 18th century): PhD thesis in Culturology. Krasnodar. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры коммуникационных технологий
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osmarina Elena Anatolievna

Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of Communication Technology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.08.2025
25.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.1

Феномен русского поэтического авангарда в эстетике художественного слова

К. Н. Перевертова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
k.churzina@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – определить культуротворческий потенциал русского поэтического авангарда. В работе акцентируется его разрыв с традиционной поэтикой, который приводит к созданию «самовитого слова». В нём сочетается творческая индивидуальность и социальная стихия. Объектом исследования в совокупности являются процессы реформации в области поэтического языка и художественного слова. В области теории поэтики авангарда настоящая статья опирается на программные заявления и манифесты ключевых представителей поэтической плеяды русского авангарда. Результаты исследования показывают, что авангардистской поэтике эстетически имманентна особая «поэтика сдвига». Согласно ее внутренним законам, слово перестает являться символом в классическом понимании. Слово в авангардной эстетике обращено к себе как к акустическому и визуальному знаку, призванному не столько воспроизводить, сколько конструировать смыслы.

Ключевые слова: русский поэтический авангард, футуризм, экспрессионизм, Серебряный век, поэтика, художественное слово

Для цитирования: Перевертова К. Н. Феномен русского поэтического авангарда в эстетике художественного слова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 144–151.

Original article

The Phenomenon of Russian Poetic Avant-Garde in the Aesthetics of Artistic Words

Kseniya N. Perevertova

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
k.churzina@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to reveal the cultural-creative potential of the Russian poetic avant-garde from the position of a break with traditional poetics and the creation of a “self-made word” combining creative individuality and social principle. The object of the study was the processes of reformation in the field of poetic language and artistic expression. In the field of the theory of avant-garde poetics, this article is based on the programmatic statements and manifestos of key representatives of the poetic galaxy of the Russian avant-garde. The results of the study prove that in avant-garde aesthetics a special “poetics of shift” is manifested, where the word ceases to be a symbol in the classical sense, turning to itself as an acoustic and visual sign, capable of creating polysemy and multidimensionality of meaning.

Keywords: Russian poetic avant-garde, futurism, expressionism, Silver Age, poetics, artistic word

For citation: Perevertova, K. N. (2025). The Phenomenon of Russian Poetic Avant-garde in the Aesthetics of Artistic Words. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 144–151. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Переориентация ведущих принципов поэтики от классических к индивидуально обусловленным, которая наиболее ярко проявилась на рубеже XIX–XX веков, обусловлена переменой в экзистенциальном статусе творческой личности. Творческий акт становится тем локусом, где «действительно производится жизнь» [Бройтман, 2004, с. 233] во всей ее уникальности и неповторимости. Деятельный (а не созерцательный) характер творческого усилия обусловлен особой интенциональностью субъекта творческого волеизъявления по отношению к продукту авторства – художественному произведению. В результате происходит не только преодоление границ установленных канонов (то есть сложившейся общей эстетической установки), но и сами эти каноны становятся творчески нерелевантными. Так, в научной литературе этот канон заменяется понятием «внутренней меры» [Тамарченко, 1988, с. 83], а саму эпоху в искусстве – поэтикой «художественной модальности» [Бройтман, 2004, с. 221].

В искусстве поэтического слова художественная модальность проявляется в концепции «нового» лирического «я». Оно раскрывается через многоаспектные субъективные отношения. В рамках этих отношений преодолевается традиционное единство автора как самотождественного и самодовлеющего субъекта и создается сложная, полифоническая художественная реальность.

Наиболее квинтессированно в параметрах реализации принципов неклассической поэтики художественное слово проявило себя в лирическом творчестве русских авангардистов. Изучение отношения авангарда к языку позволяет понять механизмы формирования поэтики «самовитого слова», его связи с социокультурным контекстом эпохи и трансформацию его эстетических ценностей. Эпохальная масштабность данного исследования определяет его значимость не только в филологическом, но и в философско-культурологическом аспектах. Таким образом, актуальность настоящей статьи обусловлена влиянием авангардистской поэтики на формирование отношений современной художественной мысли и языка в культуре XX века и до наших дней.

Задачи настоящей работы:

1. Проанализировать основные идеи, черты и художественные приёмы русского поэтического авангарда через ключевые тексты и программные заявления авторов;
2. Исследовать отражение авангардистских идей в цитатах наиболее значимых деятелей данного направления, выявить

их отношение к художественному слову и принципам творчества;

3. Обосновать значение русского поэтического авангарда для развития современного искусства художественного слова.

Материалом настоящей работы послужили программные манифесты, заявления и статьи о языке и слове ведущих авангардистов эпохи.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что материал и результаты исследования могут быть использованы в вузовском курсе истории литературы XX века, в спецкурсах и научных семинарах, посвященных изучению лирического творчества русских поэтов начала XX века и принципов художественного миромоделирования.

ПОНЯТИЙНЫЙ ГЕНЕЗИС АВАНГАРДА

Русский поэтический авангард начала XX века – один из сложнейших феноменов, выходящий за рамки культурного явления и приобретающий «форму национального самосознания» [Боровская, Спесивцева 2016, с. 62]. Авангард выстраивал свою эстетическую платформу на творческом милитаризме, предполагающем борьбу как имманентную компоненту искусства, креативности и новаторства: «Не существует красоты вне борьбы. Нет шедевров без агрессивности. Поэзия должна быть жестокой атакой против неизвестных сил» [Брик, 1915, с. 50]. Мотив непереносимого противостояния отразился и в семантике номинации данного течения.

Понятие «авангард» происходит от французского слова *avant-garde*, которое в буквальном переводе означает «передовой отряд» (*avant* – *вперед* и *garde* – *стража, отряд*), исторически употреблялось исключительно в военной сфере для обозначения части войска, выдвинутой вперед для охраны главных сил.

В русский язык данное понятие вошло в употребление в XVIII веке и со временем приобрело образное значение – именовать ведущую и передовую часть какой-либо общественной, социальной или культурной группы.

В конце XIX века авангард стал использоваться как революционная метафора и политический символ, а в искусстве он обозначил направление, характеризующееся новаторством, радикализмом в отношении к традициям и экспериментами. Так, авангард стал обобщающим термином для течений в искусстве и культуре, которые стремились к поиску новых форм радикального выражения, новаторства и перемен.

Однако несмотря на закрепившуюся смысловую связь понятия «авангард» со сферой искусства,

зародыш милитаризованности, воинственности остается в лексико-ассоциативном ядре данного понятия как культурного феномена. Так, история культурного авангарда начинается со скандала, который в 1913 году разразился между художником Ильей Репиным и иконописцем Абрамом Балашовым; последний варварски изрезал картину Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван», в чем сам художник узрел проявление радикального настроения нового искусства: «То, что произошло, – по словам Репина, – быть может, является одним из результатов того движения, которое мы замечаем сейчас в искусстве, где царят так называемые "новаторы", всевозможные Бурлюки и т. д., где раздаются призывы к «новому» искусству, к уничтожению искусства старого...» [цит. по: Крусанов, 1996, с. 72–73]. Похожее эпатажирующе-скандальное поведение предопределило и отношение авангардистов к языку в целом и художественному слову в частности.

АВАНГАРД КАК ОБЛАСТЬ МЫСЛИ

Русский авангард – это не просто художественное движение, а особая область мысли, поиск новых форм мышления и выражения. Расшатывая и трансформируя структуру классической антиномии *тело–дух*, поэтический авангард вводит в структуру данной художественной онтологической системы координат *логос* в гераклитовском толковании, обозначая им закон бытия, разумный и упорядоченный принцип мира. Таким образом, логос в дискурсе авангарда – некий «собирающий» принцип, объединяющий смысл и речь в единую «разумную» структуру.

Логос в эстетике авангарда, с одной стороны, мыслится как инструмент, помогающий «продрать» сквозь толщу веков к первому дню творения, в первичный бурлящий хаос бытия, желая подглядеть рождение чуждоностей мира» [Философия русского авангарда, 2023, с. 6]; а с другой стороны, это витальный импульс рождения искусства (в том числе и искусства слова) из хаоса.

Авангард воспринимался его представителями именно как «перемещение искусства в область мысли» [Философия русского авангарда, 2023, с. 20], где сам процесс творчества есть путь проникновения за пределы материально-предметного мира к первоосновам бытия. Отказ авангардистов от главенствующего в искусстве принципа мимесиса, предопределил особое обращение со спецификой человеческого восприятия и мышления, ориентация на перцепцию с целью познания предмета.

Новая «оптика видения» зиждется, согласно гипотезе А. Крученых – одного из идеологов

отечественного поэтического футуризма, на поэтике «сдвигов». А своим труде «Сдвигология русского стиха» (1922) определяет сдвиг для как важнейшую способность «думать ухом»: «Сдвиг – яд, очень опасный в неопытных руках глухачей, но его же можно использовать как хороший прием, например: желая придать слову "цикута" еще большую увлажненность, я искал такой фразы, в которой бы "цикута" помещалась в середине строчки и перед ней союз и, для получения посредством стыка сдвигового слова "ицикута", так получился стих: Паюсный корморан и цикута сестра милосердия» [Крученых, 1922, с. 15]. Иными словами, прием сдвига основан на как можно большем расхождении в градусе изначального смысла и звучания слова и его лирической ассоциацией.

Отсюда поиски истоков языка и возникновения «зауми» у поэтов, образная синестезия (апелляция к шестому чувству – цветной слух (А. Рембо), световой запах (Ф. Бодлер), вкусовой слух), разрушение традиционного синтаксиса (телеграфный стиль, рваный синтаксис В. Маяковского «Из улицы в улицу»), смысловые девиации и смещения (В. Маяковский «Отплытие», Т. Чурилин «Конец Кикапу»), абсурд «перевернутости» и гротеск, прием скорнения (В. Хлебников), нарушение сюжета, отказ от смысловой и причинно-следственной последовательности событий, отступление от основной темы, сдвиги интонационные и временные, интерес к основам графики – «линиям, фигурам, чистому цвету», – словом, все то, что способно разрушить автоматизм восприятия, вынудить читателя не просто понимать, а размышлять и переживать новое, иначе мыслить, сделать поэтическим фокусом психо-физиологическую рецепцию, которая становится эстетическим эквивалентом трансцендентному. Иными словами, авангард начала XX века стремится оторваться от языка, преодолеть его, создавая «новую оптику видения мира. Эта оптика стадии творения мира, его рождение из небытия» [Философия русского авангарда, 2023, с. 6].

Слово в неклассической поэтике становится стало самостоятельной единицей – «самовитым самоценным словом», а язык превращается не просто в инструмент передачи смысла, а в средство создания новых смыслов, новых структур мышления и новой реальности языка.

Код русского авангарда интерпретируется как особый «культурный текст эпохи» [Боровская, Спесивцева, 2016, с. 70], имеющий свою эпистемологию, то есть собственную систему смысла и мышления, синтаксис, который моделирует новые структуры связи между индивидуальными и коллективными опытами, мирами искусства и философии. Таким образом, русский поэтический авангард – это не

только лаборатория новых художественных форм, но и пространство для радикального переосмысления самой природы мышления, где искусство становится философией и областью интеллектуального эксперимента.

АВАНГАРД СТРЕМИТСЯ ОТОРВАТЬСЯ ОТ ЯЗЫКА

Авангард понимал искусство, выражаясь словами К. Малевича, как такой момент человеческого существования, в котором «прекращается всякая борьба за существование» [цит по: Философия русского..., 2023, с. 48]. Для достижения этого состояния необходимо выйти из коммуникации с миром и покинуть «порядок языка», остаться наедине с собой, поскольку именно в коммуникации с другим наступает «забвение своей первобытной сущности, своей принадлежности к миру грез» [там же, с. 50]. Поэтому он идет на радикальный разрыв с классической системой языка, порождая новую эстетику, где слово перестает быть символом, отсылающим к внешнему, а на авансцену выводится сам художник слова. Он и есть средство, пользуясь которым «обязательно будет говорить либо Бог, либо Дьявол. Не слово, а невербальный стон является более адекватным средством говорить о том, о чем невозможно сказать. Язык поймал поэта и не дает ему ничего сказать, минуя слово...» [там же, с. 39]. В процессе творческого акта вступает в силу «внутренний аппарат» (К. Малевич), то есть особого рода внутренний образ, отражающий трансформацию психофизиологической природы соощущений в поэтическую. Так формируется новый тип языка, который позволяет выразить неразрывную спаянность природного, вещного, вещественного, архитектурного, телесного, ментального и духовно-творческого в структуре художественного слова.

Кроме того, авангард ищет новые способы выражения через «десемантизацию» языка – обесценивание привычного смысла слова с целью достижения другого уровня смыслового восприятия образа, где текст может включать чужие языки, иноязычные заимствования и даже намеренное усложнение формы с целью разрушения автоматизма восприятия. Заметим, что в самой смысловой сути авангарда прослеживается идея отчуждения [Горожанов, 2009]. Таким образом, можно сказать, что авангард стремится не только уйти от привычного слова, но также создать радикально новый язык искусства, который воздействует не привычным смыслом, а формой, звучанием и визуальностью. Так зарождается новая эстетика и новые способы восприятия мира.

СЛОВО КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

Поэтика сдвига, авангардистская установка на разрушение автоматизма восприятия поэтического текста продуцировали обоюдоострую читательскую позицию по отношению к художественному слову. Так, процесс рождения поэтического слова происходил из преодоления канонов классического искусства, нес в себе идею априорной деформированности по отношению к практическому языку. Следовательно, образ в процессе творческого акта не воспринимается чисто предметным, нацелен на нарушение естества психофизиологии человеческого восприятия, обретая в структуре художественного текста субъективная модальность.

В то же время авангардисты утверждали мощенность слова как феномена, обладающего собственным телом, энергией, вибрацией. В своих манифестах они писали о «слове-семени», в котором заложена некая органическая природа творчества. Эта идея опиралась на философию А. Лосева и П. Флоренского. Они концептуализировали слово не только как произносимый звук, но и объект, содержащий в себе космические первоэлементы мира: визуальную (буква) и акустическую (звук) стихию. В этой связи в творчестве авангардистов возникло понятие «буква как таковая», то есть заумное («бессмысленное») слово трактовалось как буквенно-иерархический комплекс космического звукомира.

В. Шкловский в работе «Воскрешение слова» (1914) отмечал, что при восприятии поэтического языка важно движение губ, мышечное наслаждение, сходное с танцем или занятиями спортом. Искусство авангарда, по его научному убеждению, связано с первичными жестами и мышечными ощущениями, которые рожают «другие» смыслы и переживания. Эти «другие» данные человеческого мировосприятия выходят за пределы линейной логики текста. Значимое место отводилось авторами графической и звуковой материализации слова. Поэты-авангардисты экспериментировали с визуальным строем текста – меняли шрифты, кегли, расположение букв, чтобы создать ощущение не только смысла, но и материала, фигуры, ритма. Итальянские футуристы развивали жанр «слова на свободе» (*Tavole parolibere*). По законам данного жанра текст формировался как композиция, которая воздействует не только на слух, но и на зрение. Таким образом, слово в авангардистской поэтике – это не только средство передачи смысла, но и самостоятельная художественная реальность, в рамках которой слово материализуется, становится физиологически, органически ощутимым.

Через заумь, эксперимент с буквой и звуком, обращение к ощущению и движению в поэтической миромодели возникла концепция «само-витого слова вне жизненных правд и быта» (В. Хлебников), «акоммуникативность» [Бобринская, 2003, с. 116], которой в пределах авангардного функционирования литературного языка определила отношение к художественному феномену (слову, жесту и др.) как к автономному биологическому организму. В авангардной модели мира этот изобразительный феномен наделен особой чувственностью и физиологической активностью. «Словесные организмы, – согласно взглядам Н. Бурлюка, – борются за существование, живут, размножаются и умирают» [От символизма до «Октября», 1924, с. 24] и становятся знаками мира идей в системе трансформированной антиномии *тело – дух / душа*. Так, Е. Бобринская, рассуждая о «некоммуникативности» заумного языка А. Крученых, отмечает: «Аффективная речь, воспроизводящаяся на страницах гектографических книг Крученых, представляла парадоксальный образ целостности человека, обретаемой через предельное напряжение психической ткани и программный отказ от коммуникации» [Бобринская, 2003, с. 108]. Таким образом, слово в авангардистской поэтике обретает характеристики психического феномена в котором обнаруживаются черты отрицательной антропологии футуристов (Д. Бурлюк «ПЛАТИ – покинем НАВСЕ-ГДА...», Б. Лившиц «Гибрида»).

В отношении к слову как живому организму с собственной внутренней жизнью, силой и динамикой усматривается и запечатлевается специфический тип мировоззрения. Он характеризуется эсхатологичностью, пессимизмом и субъективизмом: «Никогда не было такого времени, потрясенного таким ужасом, таким смертным страхом. Никогда мир не был так мертвенно нем. Никогда человек не был так мал. Никогда ему не было так жутко. Никогда радость не была так далека и свобода так мертва. Нужда вопит, человек зовет свою душу, время становится воплем нужды. Искусство присоединяет свой вопль в темноту, оно взывает о помощи, оно зовет дух» (Г. Бару) [цит. по: Швецова, 1975, с. 258–259]. Следовательно, всё то, что характеризует напряженную психическую жизнь человека первых десятилетий XX века – ощущение безумия и галлюцинирующей реальности (В. Нарбут «Тиф») и бреда (Ф. Сологуб «Мелкий бес», В. Маяковский «Облако в штанах», «Про это»), всё устойчиво фиксируется в структуре языка и построении художественного слова.

Биологическое начало художественного слова как вместилища психофизиологического опыта

человека раскрывается в программных высказываниях русских авангардистов. Н. Бурлюк в своих «Поэтических началах» прямо говорит об отношении к слову как к живому организму, отмечая его «чувственность». Он видит в слове нечто большее, чем просто знак: почерк, пластика и настроение передают живую силу слова, а словесная жизнь подчиняется законам естественной жизни, включая борьбу за существование и эволюцию.

В. Хлебников приравнивал язык и слово к природным телам с физической и нравственной структурой. В русле своей философии языка он считал, что слово, умирая, рождает миф, и наоборот, словно семя, которое переживает циклы рождения и смерти. Поэт-авангардист рассматривал словотворчество как живой процесс, который не должен быть застывшим и книжным. Его назначение – постоянно возрождаться из природных корней языка.

В. Маяковский воспринимал слово как живой организм с ароматом, цветом и душой. Он был новатором в создании новых слов и неологизмов, которые отражали динамику современного мира. В. Маяковский считал слово самовитым и живым поэтическим средством, способным быть выразителем жизненной энергии и духа перемен, противостоящим застывшим законам языка. В своих стихах и статьях он подчеркивал, что слово – это не просто знак, а субъект с собственной жизнью и силой.

А. Крученых и другие футуристы также поддерживали идею «само-витого слова», в организации которого язык – это нечто живое, подвижное и творчески активное, что реформирует мир через слово. Их поэтика была направлена на преобразование реальности через живое слово и создание новых языковых форм. Таким образом, для русских авангардистов слова были не абстрактными символами, а живыми организмами, обладающими своей энергией, внутренними законами роста и смерти, способными изменять и оживлять художественную картину мира через творческое преобразование языка.

СЛОВО КАК МИФ

Итак, слово в авангардистской эстетике телесно и чувственно воспринимаемо, и в нем есть элемент неожиданности и странности, что, согласно учению А. Лосева, вполне соответствует мифическому сознанию и мифу, которые «суть нечто чувственно-явленное и физически осязаемое» [Лосев, 2023, с. 68]. Слово выступает как мифологический и творческий элемент, обладающий способностью не просто обозначать, а преображать мир. Авангардисты рассматривали слово как особый знак, который не

отсылает к его внешнему содержанию, а действует акустически и оптически, создавая новое восприятие языка и реальности. Это отражено в «заумной» поэзии В. Хлебникова, А. Крученых, Д. и Н. Бурлюков, где работа со словом связана с философией языка и мифотворчеством, превращая слово в «первозвук», «первослово» – основу нового мира: «слово связано с жизнью мифа и только миф создатель живого слова, – писал Н. Бурлюк. – В связи с этим выясняется второй ответ: критерий красоты слова – миф» [От символизма ..., 1924, с. 104].

Миф в авангарде – не только сюжет или образ, но и космический архетип, связанный с идеями смерти и возрождения, хаоса и порядка. Их взаимная сменяемость символизирует обновление мира через разрушение. Миф, воплощенный в авангардистском слове, фундируется на «демонтаже понятий», разного рода «сдвигах», на расшатывании системы связей между понятиями и предметами, на поиск внеязыкового в языковом. Указанные процессы позволили вывести новую поэтику с особой «аурой» произведения, основанную на связи предметов «не по правилам рассудка, не в предположении единства сознания, а в предположении отсутствия такого единства, то есть по правилам воображения. Например, можно связать «плечо» и «четыре». Эти слова связываются не предметным смыслом, не рассудком, а шипящим звуком «ч». А это значит, что предмет существует не потому, что мы мыслим. Он может быть дан чувствам независимо от мышления» [Философия русского..., 2023, с. 100]. Следовательно, в авангардистском мифе отвергается рассудочная беспредметность сознания и утверждаются разновидности связей, продиктованных субъективным воображением творческой личности.

Авангардистский «принцип случайного» (В. Марков), воплотившийся именно разрыве связей и отказе от формальной логики, как раз обусловлен указанной выше невозможностью рационального воссоздания целого, Абсолюта. Словотворчества («слово-новшество», «словство» (И. Игнатьев), «речетворчество» (А. Крученых) нашло отражение в следующих моделях – «слово-ткань / слово-лен / слово-пальцы». «Слово-миф», проявляющий себя в лирическом «я» авангарда, сподвигает язык «сказать то, что неуловимо умом». Так, например, в словотворчестве А. Крученых Т. Толстая выделяет две группы окказионализмов – «усеченные (с выжатой серединой) и мохнатые, притягивающее ряд соседних слов. «Мохнатое слово» – беден, как церковная крыса (притягивает крысу), печка (мягкое, круглое, пенистое), «с выжатой серединой» – сно (вместо сон), «троичные в брюхе» – зло-стеболь (злость и боль),

брендень (бред, дребень, раздробленный день), вчимдела» [Боровская, Спесивцева, 2016, с. 84–85]. Образование новых слов в авангардистской поэтики происходило на основе разных моделей: производящей основы могли выступать старославянские слова (В. Хлебников), разрывание их рифмой (В. Маяковский), неправильного ударения (А. Крученых), особого сочетания корней и аффиксов (В. Хлебников), однако, цель подобных языковых инновации – формирование особого рода слова как мифа: «Словотворчество враг книжного окаменелого языка, и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем» [там же, с. 86]. Таким образом, слово в поэзии русского авангарда – это одновременно миф и творческое начало, средство трансформации языка и мира, переплетение новаторства с глубокой традицией мифа и фольклора. Сочетание этих, на первый взгляд, несовместимых компонентов создает уникальную поэтику эпохи авангарда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен русского поэтического авангарда, воплощенный в художественном слове, заключается в радикальном обновлении языка и лирической формы, что выразилось в синтезе индивидуально-авторского, субъективного представления и монолитности, самоценности слова. В условиях данного синтеза сложилось новое «самовитое слово». Эта поэтическая революция характеризовалась словотворчеством, свободным синтаксисом, включением в структуру образа звуковых и визуальных элементов, а также поиском универсального вселенского языка. Особое значение имело противопоставление футуризма с его новой видоизмененной предметностью слова традиционным формам, а также творческий эксперимент с семантическими сдвигами и комбинированием разных искусств, что расширяло выразительные возможности поэтического слова.

Слово в авангардистском дискурсе перестает быть символом, указывающим на внешний мир. Слово становится особым знаковым полем, устремленным на трансцендентное выражение и преобразование реальности. Поэтическое слово в авангарде воспринимается как живая материальная сущность, включающая элементы мистики и иррационального («заумь»), что делает его выражением духовной трансформации личности в культуре и новизны. Эстетика авангардного слова основывается на провокативном начале и сознательном нарушении привычных норм восприятия,

призванных вывести читателя из состояния инерционной рецепции, тем самым продуцируя активный художественный жест, направленный на «расшатывание вещного мира, высвободив из-под шелухи «несущественного» глубинный каркас явлений» [Дранов, 1980, с. 13–14].

Авангард не просто менял поэтический язык, но и отражал новые культурные коды и мировоззренческие установки начала XX века, становясь своеобразным культурно-историческим феноменом, объединяющим разные виды искусства и множества идей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бройтман С.Н. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 2. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Тамарченко Н.Д. Типология реалистического романа: на материале классических образцов жанра в русской литературе XIX века. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988.
3. Брик О. М. Мы – футуристы // Взял. Барабан футуристов. 1915. С. 50.
4. Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932: в 3 т. СПб.: Новое литературное обозрение, 1996. Т. 1. Кн. 1: Боевое десятилетие: [1907–1917].
5. Философия русского авангарда: коллективная монография / под ред. Н. Н. Ростовской. М.: РГ-Пресс, 2023.
6. Крученых А. Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный (трактат обижальный и поучальный). Книга 121-ая. М.: Московская ассоциация футуристов (МАФ), 1922.
7. Горожанов А. И. Стратегии интерпретации художественной реальности экспрессионистского дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 560. С. 88–95.
8. От символизма до «Октября»: сборник / сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924.
9. Бобринская Е. Русский авангард: Истоки и метаморфозы. М.: Пятая страна, 2003.
10. Швецова Л. К. Творческие принципы и взгляды, близкие к экспрессионизму // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX века: сборник статей / ред. Б. А. Бялик. М., 1975. С. 258–259.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Издательство АСТ, 2023.
12. Боровская А. А., Спесивцева Л. В. История русской литературы конца XIX – начала XX века: учебно-методическое пособие. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2016.
13. Дранов А. В. Немецкий экспрессионизм и проблема метода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

REFERENCES

1. Broytman, S. N. (2004) Teoriya literatury: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij = Theory of Literature: A Textbook for Students of Philology Faculties in Higher Educational Institutions: in 2 vols. (Vol. 2. Historical poetics). Moscow. Izdatel'skij centr "Akademiya". (In Russ.)
2. Tamarchenko, N. D. (1988) Tipologiya realisticheskogo romana: na materiale klassicheskikh obrazcov zhanra v russkoj literature XIX veka = Typology of the Realistic Novel: Based on Classical Examples of the Genre in 19th-Century Russian Literature. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta. (In Russ.)
3. Briks, O. M. (1915). My – futuristy = We are Futurists. Vzyal. Baraban futuristov, 50. (In Russ.)
4. Kusanov, A. V. (1996). Russkii avangard: 1907–1932 = Russian Avant-garde: 1907–1932: in 3 vols. (Vol. 1. The Fighting Decade: [1907–1917]). St. Petersburg: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
5. N. N. Rostova. (Ed). (2023). Filosofiya russkogo avangarda = Philosophy of the Russian Avant-garde: kollektivnaya monografiya / Moscow: RG-Press. (In Russ.)
6. Kruchenykh, A. (1922). Sdvigologiya russkogo stikha. Trakhtat obizhal'nyi (trakhtat obizhal'nyi i pouchal'nyi) = Shiftology of Russian Verse. An Offensive Trait (An Offensive and Instructive Treatise). Book 121. Moscow. (In Russ.)
7. Gorozhanov, A. I. (2009). Strategies of interpretation of the fictional reality of expressionist discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 560, 88–95. (In Russ.)
8. Brodsky, N. L., Sidorov, N.P. (Eds.). (1924). Ot simvolizma do «Oktyabrya» = From Symbolism to «October». Moscow: Novaya Moskva. (In Russ.)
9. Bobrinskaya, E. (2003). Russkii avangard: Istoki i metamorfozy = Russian Avant-garde: Origins and Metamorphoses. Moscow: Pyataya strana. (In Russ.)

10. Shvetsova, L. K. (1975). Creative principles and views close to expressionism. In Literaturno-ehsteticheskie koncepcii v Rossii konca XIX – nachala XX veka (pp. 258–259): collection of papers. Moscow. (In Russ.)
11. Losev, A. F. (2023). Dialektika mifa = Dialectics of Myth. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)
12. Borovskaya, A. A., Spesivtseva, L. V. (2016). History of Russian literature of the late 19th – early 20th centuries. Astrakhan: Astrakhan State University. (In Russ.)
13. Dranov, A. V. (1980). Nemetskii ekspressionizm i problema metoda = German Expressionism and the Problem of Method: abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перевертова Ксения Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
докторант Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perevertova Ksenia Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor
Doctoral Candidate
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.08.2025
25.09.2025
06.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Формирование культурной идентичности в пространстве современных образовательных коммуникаций

Ч. Б. Далецкий

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dcb0059518@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье ставится и решается проблема формирования культурной идентичности в условиях современных социально-экономических и культурных трансформаций: процесса глокализации, а также устойчивой тенденции цифровизации образования. Цель исследования – рассмотреть современное цифровое пространство в контексте становления ценностных ориентиров молодого поколения и формирования его гражданской ответственности. Материал исследования – современные образовательные медиа, цифровые проекты и виртуальные сообщества. Методы исследования – диалектический, системный, структурно-функциональный. Согласно результатам исследования выявлен аксиологический потенциал цифровой составляющей образовательной среды.

Ключевые слова: культурная идентичность, образовательные коммуникации, искусственный интеллект, цифровая образовательная среда, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Далецкий Ч. Б. Формирование культурной идентичности в пространстве современных образовательных коммуникаций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 152–162.

Original article

Cultural Identity Formation in the Space of Modern Educational Communication

Cheslav B. Daleckiy

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dcb0059518@mail.ru

Abstract. This study examines the formation of cultural identity in the context of contemporary socioeconomic and cultural transformations: the simultaneous processes of globalization and glocalization, as well as the persistent trend of digitalization of education. The study's objective is to examine the contemporary digital space in the context of the development of value orientations and the formation of civic responsibility in the younger generation. The study's material includes contemporary educational media, digital projects, and virtual communities. The research methods are dialectical, systemic, and structural-functional. The study revealed the axiological potential of the digital component of the educational environment.

Keywords: cultural identity, educational communications, artificial intelligence, digital educational environment, intercultural communication

For citation: Daleckiy, C. B. (2025). Cultural Identity Formation in the Space of Modern Educational Communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 152–162. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Межкультурный диалог и сохранение культурного разнообразия в условиях постглобализации требуют особого внимания к формированию у обучающихся уважения и понимания других культур. Эти качества необходимо прививать обучающимся, поскольку в диалоге с иными культурами, с иными ментальностями они сохраняют и свою собственную культурную идентичность. Изучение процесса формирования культурной идентичности обучающихся в пространстве образовательных коммуникаций чрезвычайно актуально. Понимание условий сохранения и роста культурной идентичности учащихся способствует решению практических задач в сфере культуртрегерства. Оно необходимо в условиях социально-технологических изменений. Анализ этнокультурных феноменов позволяет выделить образовательные стратегии и методы. Они, в свою очередь, способствуют гармоничному развитию личности в глобальном и цифровом мире.

Актуальность исследования обусловлена интенсивным процессом интеграции цифровых технологий в образовательную среду и трансформацией ландшафта образовательных коммуникаций, которые, в свою очередь, детерминируют процесс формирования культурной идентичности студентов.

Задачи настоящего исследования:

- 1) рассмотреть цифровизацию образования с аксиологических позиций;
- 2) описать последствия цифровизации образования, включая изменения форм коммуникации между преподавателем и студентами;
- 3) выявить трансформацию самого образования в связи с утерей преподавателем статуса единственного источника знаний.

Поставленные задачи решались диалектическим, системным, структурно-функциональным методами.

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и основывается на работах в области культурологии, цифровой педагогики, философии. В данной работе мы опираемся на определение идентичности И. В. Малыгиной [Малыгина, 2023; Малыгина, 2019]; вслед за О. Н. Астафьевой [Астафьева, 2016] рассматриваем признаки культурной идентичности именно в аспекте государственной культурной политики.

В вопросах цифровой среды и цифровой культуры мы опираемся на работы Д. А. Фурсовой. Она исследует цифровую коммуникационную среду в современной России [Фурсова, 2020а; Фурсова, 2020б]. В решении вопросов цифрового образования мы руководствуемся трудами А. В. Анищенко,

А. И. Горожанова, И. А. Гусейновой, Е. Ф. Косиченко. Они подробно осмысливают опыт реализации виртуального и цифрового образования [Анищенко, Горожанов, 2012; Gorozhanov, Kosichenko, Guseynova, 2018].

Практическая значимость исследования обусловлена запросом со стороны государства на формирование гармонично развитой личности, способной к существованию в многокультурном обществе, понимающей необходимость сохранения культурного наследия.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Представление основ формирования культурной идентичности предполагает уточнение содержания понятия «культурная идентичность» в образовательном коммуникативном пространстве. Мы полагаем, что под культурной идентичностью следует понимать, во-первых, осознание индивидом своей принадлежности к определенной культурной группе; во-вторых, четкое представление о наборе ценностей, традиций, обычаев и символов, которые отражают культурную самобытность страны, где он вырос и сформировался как личность.

В контексте формирования культурной идентичности обучающихся в высшем учебном учреждении интерес представляют новые технологии. С ними сопряжен вопрос о том, какую роль интернет, мультимедиа и искусственный интеллект играют в создании единого культурного и образовательного пространства. С одной стороны, эти технологии создают возможности для беспрецедентного обмена знаниями и опытом между людьми разных культур и следовательно, способствуют формированию глобального общества. С другой стороны, существует риск культурной стандартизации и потери уникальности отдельных культур. В связи с этим нам представляется важным всесторонне рассмотреть вопрос о том, какие новые формы культурного взаимодействия возникают в цифровой среде, каковы их преимущества и недостатки и как в учебном процессе их потенциал может использоваться для развития межкультурной компетентности.

Вслед за А. В. Анищенко и А. И. Горожановым мы разделяем идею о необходимости использования веб-инструментов с целью оптимизации учебного процесса [Анищенко, Горожанов, 2012]. Исследователи выделяют следующие преимущества применения технологий в образовательном пространстве:

- 1) реализация личностно-деятельностного подхода,
- 2) возможности применения моделей дистанционного или смешанного обучения

Использование этих моделей, в свою очередь, приводит к созданию условий для формирования гармоничной и успешной личности. В то же время, рассматривая спектр коммуникационных процессов в университете, мы не можем не отметить, что далеко не все может быть перенесено в цифровое образовательное пространство. В частности, образовательные события и мероприятия, направленные на формирование культурной идентичности, на наш взгляд, лишь частично могут быть переведены «в цифру».

Важным аспектом коммуникации становится определение особенностей взаимодействия всех участников образовательного процесса: студентов, преподавателей, административного персонала. Необходимо учитывать, как разные культурные группы взаимодействуют в образовательной среде, какие конфликты могут возникать между ними и как эти конфликты можно предотвратить или разрешить. Образовательное пространство – это микрокосм общества, его анализ обеспечивает понимание тенденций развития общества в целом. Общение в цифровой среде детерминировано рядом специфических особенностей, которые накладываются на традиционную «офлайн» коммуникацию. К таким специфическим особенностям можно отнести формирование цифровой идентичности, информационную перегрузку, трансформацию ролей участников образовательной коммуникации, определенные изменения когнитивных процессов при работе с информацией [Фурсова, 2020а]. Иными словами, коммуникационные процессы в цифровом образовании опосредованы этнокультурной и культурной идентичностью, с одной стороны, цифровой идентичностью – с другой.

Моделирование рекомендаций по эффективному использованию потенциала цифровизации в образовательных процессах предполагает формирование устойчивой культурной идентичности у студентов. Эта идентичность обретается посредством развития стратегий межкультурной коммуникации. Вышеозначенные рекомендации должны быть практичными, реалистичными и учитывать специфику различных культурных контекстов. Определение наиболее эффективных стратегий и практик, позволяющих сохранять культурное наследие и одновременно способствующих развитию толерантности и взаимопонимания, является ключевой задачей данного исследования. Только глубокое понимание влияния постглобализации и цифровизации на образовательные коммуникации позволит создать образовательную систему, которая будет готовить студентов к успешной жизни в сложном и постоянно меняющемся мире.

Реализация этих задач обеспечивает получение комплексного представления о механизмах и условиях формирования культурной идентичности в современных образовательных коммуникациях, а также определение практических направлений для их совершенствования.

Формирование культурной идентичности через образовательные коммуникации является фундаментом для гармоничного развития личности, социального единства и устойчивого развития общества в условиях современной глобальной среды.

Определение культурной идентичности мы встречаем у И. В. Малыгиной – «как социально-психологический феномен, обладающей сложной внутренней структурой, свидетельствующей о неразрывном единстве рациональных, бессознательных, чувственных и поведенческих компонентов в идентификационных процессах» [Малыгина, 2023, с. 47].

Динамика социокультурного феномена предполагает интегральное ощущение и осознание субъектом собственной принадлежности к определенной этнокультурной общности. Оно проявляется в восприятии своих традиций, ценностей и норм как уникальных феноменов. Таким образом, Родина являет свои неповторимые черты, которые отличают ее от иных стран. Осознание этого различия этнокультурных общностей, в конечном итоге, определяет культурную идентичность субъекта.

Интерес представляет упорядоченный и организованный процесс формирования идентичности посредством системы образования. И. В. Малыгина рассматривает процесс формирования культурной идентичности в контексте исторической эволюции и современных трансформаций. Культурная идентичность – это сложное и многослойное понятие, отражающее внутреннее ощущение индивидом своей принадлежности, основанное на исторических, языковых, ценностных и символических характеристиках, формируемых на пересекающихся уровнях образовательного пространства [Малыгина, 2019].

Основные признаки культурной идентичности с позиций государственной политики определены О. Н. Астафьевой при интегрирующем факторе регулирования правил межкультурного взаимодействия и общения [Астафьева, 2016]. Набор коллективных идентичностей – это совокупность социальных и культурных характеристик, которые определяют принадлежность человека к определенной группе или сообществу. Такие идентичности могут включать: национальную, этническую, религиозную, профессиональную, гендерную и другие формы самоопределения. Они формируют у индивида чувство и осознание его принадлежности к более крупному

целому. В рамках этого целого вычленяются следующие ценностные категории:

- 1) принадлежность индивида к конкретной этнокультурной группе;
- 2) непосредственное участие говорящего субъекта в развитии языка своей страны;
- 3) влияние этнокультурных норм и ценностей на социальное поведение субъекта;
- 4) эмоциональная привязанность человека к своему Отечеству и многое другое.

Все перечисленные качества индивида, включенного в патриотический контекст, существуют в динамичности и изменчивости. Эти, на первый взгляд, полярные величины сосуществуют и в условиях сохранения национальных устоев, и в параметрах их развития.

Межпоколенческий диалог в процессе образования осложняется избыточностью информации, перегруженностью учебных материалов и дефицитом времени для осмысления происходящего. Участник образовательного диалога зачастую остается одинок в своих размышлениях и теряется в потоке разнообразных мнений. Для обеспечения эффективного взаимодействия между поколениями необходимо сохранять привлекательность и значимость образования. Пространство культуры создается с помощью институциональных методов. Они используются в ходе регулятивного диалога, в свою очередь, нацеленного на социализацию, сохранение и развитие культурных ценностей в исторических судьбах различных поколений. Как отмечает Э. Орлова, в культурологических рамках центральной исследовательской задачей является постижение генезиса культурных феноменов и событий. Данная дисциплина направлена на выявление повторяющихся (инвариантных) и уникальных элементов в культуре, а также на установление причин их существования. Кроме того, в ее задачи входит анализ вектора и детерминант, определяющих направление и характер культурных процессов [Орлова, 1994, с. 12].

В условиях динамично меняющегося информационного пространства и развития технологий образовательные коммуникации приобретают новую, более многоаспектную роль. Современная концепция образовательных коммуникаций зиждется на интегративном подходе, объединяющем традиционные методы взаимодействия и инновационные средства передачи и обмена знаниями, а также предполагает активное участие всех субъектов образовательного процесса. Современные коммуникации в образовании ориентированы на создание условий для активного диалога, обмена мнениями и совместного конструирования знаний, что способствует развитию критического мышления

и самостоятельности обучающихся. Доверие к тексту (печатному, устному, визуальному) как источнику информации утеряно в связи с отсутствием регулирующей функции цензуры или этических ограничений. Подвергается также сомнению информация, предъявляемая собеседнику даже в процессе образовательного диалога. Этому способствуют образовательные, возрастные и статусные различия. В результате снижается эффективность образования, а позже – и желание получать университетское образование. Образовательные процессы сегодня предполагают использование как структурированных образовательных платформ, так и неформальных способов взаимодействия, что расширяет возможности для обучения и социализации.

Особенность «всестороннего сотрудничества и безальтернативность диалоговых коммуникативных стратегий в любых исторических обстоятельствах» находит отражение в исследованиях Московского государственного лингвистического университета, где сложилась система современных методических технологий. И. А. Краева констатирует, что «в процессе межкультурной коммуникации на первый план выдвигается проблема не только знания языка как такового, но также, что не менее важно, знание национальной специфики различных этнокультур» [Краева, 2024, с. 5].

Внедрение технологий, позволяющих индивидуализировать образовательный процесс, способствует эффективному усвоению материала и развитию мотивации у студентов с использованием цифровых платформ, социальных сетей, интерактивных средств и традиционных методов. Всё перечисленное обеспечивает гибкость и доступность взаимодействия между преподавателями и студентами, а также между учащимися.

Современный процесс обучения необходимо динамично развивать и совершенствовать, поскольку в связи с неуклонным ростом объема знаний, накопленных человечеством, а также с возникновением новых социальных и научных задач, перед современным студентом стоит задача освоения все более обширных массивов информации. При этом студент вынужден ее воспринимать за сокращенные временные интервалы. В условиях быстрого технологического прогресса и постоянных изменений в мире, обучение должно становиться более эффективным и адаптивным, позволяя студентам не только усваивать значительные объемы данных, но и развивать критическое мышление, навыки обработки информации, аналитические способности и умение применять знания на практике. Решение обозначенных задач требует внедрения современных методов и технологий обучения, таких как цифровые платформы, интерактивные средства,

индивидуализированные программы и обучение на основе проектов. Надежное техническое оснащение образовательных программ позволит подготовить специалистов, способных успешно функционировать в условиях динамично меняющегося мира.

В направлениях развития современной концепции образовательных коммуникаций выделяются следующие основные тенденции:

- 1) внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и искусственного интеллекта для адаптивного обучения, анализа образовательных данных и формирования индивидуальных образовательных траекторий;
- 2) развитие дистанционного и гибридного обучения, которое расширяет географические и социальные возможности доступа к качественному образованию;
- 3) создание сообществ образовательных участников с целью обмена опытом, совместной работы и формирования профессиональных сетей;
- 3) формирование компетенций медиаграмотности и умения критически воспринимать информационные потоки, что важно в условиях информационной эпохи.

Современная концепция образовательных коммуникаций характеризуется междисциплинарным, технологичным и диалогичным подходом к решению задач цифровизации в образовании. Ее развитие направлено на создание условий для более эффективного, инклюзивного и персонализированного обучения, способствующего формированию активных и компетентных участников образовательного процесса в условиях цифровой трансформации общества.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Метафорически афоризм «если б молодость знала, если б старость могла» может представить сложность гармоничного объединения энергии молодых и мудрости пожилых, а также проиллюстрировать то, что современная молодежь зачастую пренебрежительно относится к ценным советам старших, игнорируя их жизненный опыт и накопленные знания. Этот разрыв идентичности взаимного уважения и понимания ставит под угрозу развитие гармоничного и сбалансированного общества, в котором каждый возрастной слой мог бы дополнять друг друга, создавая общую стратегию преодоления трудностей и достижения целей¹. Вслед за нигилистическим от-

ношением к авторитету учителя в эпоху просвещения сложно сохранить уважительное отношение к педагогу в современных условиях доступности информации. Истина в условиях постоянно меняющейся информации не воспринимается на веру, истина становится предметом обсуждения и индивидуального поиска.

Освоение мультимедийных технологий и использование разработанных мультимедийных средств обучения требуют от педагога высокого уровня профессионализма и умения эффективно организовать учебный процесс. Внимание учеников при использовании мультимедийных ресурсов напрямую зависит от умения преподавателя правильно структурировать занятие, определить приоритетные и второстепенные элементы информации. Для этого педагог должен ясно установить, что является основной целью урока, а что – дополнительной, и при этом отдавать предпочтение наиболее важным аспектам современного образования. Необходимым шагом к изменению форм коммуникации является постановка конкретных задач, позволяющих студентам понять, что именно они должны освоить в ходе занятия, а также четкое определение конечной цели занятия и ее разбиение на последовательные этапы. Адекватное целеполагание обеспечивает системный и логичный подход к обучению.

Растет объем научной информации, но количество часов на изучаемые дисциплины сокращается. Да, наши обучающиеся умеют читать, но понимать тексты способны далеко не все. Контактное общение со студентом дает возможность преподавателю установить уровень понимания изучаемого предмета и определить дальнейшую стратегию оптимизации процесса межкультурной научной коммуникации. В данном случае мы осознаем различие в уровнях научной, да и обыденной, культуры профессора и студента. Выравнивание осуществляется в процессе взаимодействия молодого преподавателя (вчерашнего выпускника магистратуры) и студента-бакалавра. Следующий уровень выравнивания осуществляется в процессе научного руководства аспирантом со стороны профессора. На всех этапах мы ценим возможность научного и образовательного взаимопонимания.

Кроме того, педагог должен способствовать осмысленности и содержательности деятельности студентов, стремясь к тому, чтобы обучающиеся активно участвовали в учебном процессе, развивали критическое мышление и аналитические навыки. Не менее важно создавать условия для активизации мыслительной деятельности учащихся, поощряя самостоятельное мышление, обсуждение проблем и поиск их решений. В процессе работы следует предоставлять студентам

¹Этьен А. Первые шаги. URL: <https://cityw-tsh.org/shablons/ru/comm.php?pg=129&ct=1> (дата обращения: 08.06.2025).

рекомендации по возможным ошибкам и их профилактике, помогая им избежать распространенных просчетов и повысить качество выполнения заданий. Опыт проведения занятий в дистанционном формате выявил наиболее эффективные методы достижения идентичного осмысления материала – обязательной составляющей является контроль за своевременным и правильным выполнением учебных заданий, что обеспечивает эффективность обучения и достижение поставленных целей на каждом этапе. В совокупности, продуманная и дифференцированная организация мультимедийного обучения помогает сделать занятия интересными, содержательными и результативными, способствуя формированию у студентов навыков работы с современными информационными технологиями [Фомичев, 2012].

Успешное первое впечатление от выступления преподавателя перед аудиторией – это результат продуманной самопрезентации. Ее основу составляет четкая структура занятия, которую следует подготовить заранее. Самопрезентация может включать следующие элементы: информация об образовании, опыте работы, ключевых компетенциях, личных качествах и интересах.

Эволюция образовательных ценностей в России демонстрирует выраженную динамику, детерминированную социокультурными и политическими трансформациями аксиологических позиций. В индустриальную эпоху доминировала парадигма знаниевого подхода, в рамках которого ключевой целью образования являлась трансляция готовых знаний. Доминирование знаниевого подхода на операциональном уровне выражалось в преобладании лекционных методов и конспектирования.

С наступлением эпохи цифровизации акценты сместились в сторону формализованной оценки результатов через внедрение стандартизированных testing-процедур (ЕГЭ, тестирование). В настоящее время, к сожалению, намечается переход от индивидуальной к «событийной» («мероприятийной») модели воспитания, характеризующейся высокой интенсивностью организуемых событий. Однако, как показывают исследования, кратное увеличение количества мероприятий может приводить к когнитивной перегрузке реципиентов и отрицательному результату, связанному с невосприятием избыточной информации. Параллельно наблюдается идеологический сдвиг: курс на деполитизацию сменился активной реализацией программ государственно-патриотического воспитания. Данная трансформация направлена на формирование у индивида осознанной этической позиции на уровне моральных принципов и нравственного поведения.

Ключевую роль в процессе образования играет гуманитарная составляющая, которая обеспечивает формирование целостного мировоззрения и ценностных ориентаций, включая готовность к альтруистическим действиям. Опыт последних десятилетий подтверждает системную сложность и многогранность процесса нравственного становления гражданина. Эта сложность, в частности, рефлексирована в публицистической сфере, где отмечается недостаточная готовность средств массовой информации к адекватному освещению новых, регулярно возникающих воспитательных задач.

Специфическую проблему гуманитарного образования составляет абстрактность его категориального аппарата. Отсутствие наглядности («безобразность») фундаментальных морально-этических concepts усложняет мотивацию обучающихся, поскольку успех в данных дисциплинах (например, в юриспруденции) часто является отложенным и «загоризонтным». Данную особенность еще в античности филигранно выразил древнегреческий педагог Исократ в своей сентенции: «Корень учения горек, но плоды его сладки». Эта максима имплицитно предполагает длительный период напряженной интеллектуальной работы («скучной учебы») для последующей реализации потенциала образовательных компетенций в виде успешной профессиональной карьеры.

Н. К. Крупская подчеркивала, что педагогу необходимо обладать умением воздействовать на эмоциональную сторону ученика посредством обращения к ярким образам и риторическим приемам [Крупская, 1957]. Этот принцип, на наш взгляд, уместно распространить и на работу с обучающимися высшего учебного заведения. Всегда возникают «острые» вопросы со стороны студентов. Гражданская ответственность и мировоззренческая искренность, ценностная устойчивость профессора в каждом звучащем слове отзываются в сознании и нравственности тех «кого приручили». Авторитетное слово профессора детерминирует отношение молодых людей к обсуждаемому вопросу – от преподавателей университетов зависит, сформируется ли чувство гордости за свою страну и гражданское достоинство, или зародится сомнение в искренности наставника, которое затем распространится и на отношение к государству в целом.

Обилие новой научной лексики, особенно в гуманитарной сфере, предполагает ассоциативное осмысление звучащих текстов, их синхронизации с имеющимся объемом знаний. Невыполнимо модальное требование в адрес студентов: «После каждого занятия вы должны запоминать

около 25–30 слов»¹. Понимание текстов достигается посредством содержательного порождения чувств и возникновения ассоциаций, формирования образов. Понимание текстов гуманитарного содержания сродни процессу становления музыки – пространство наполняется содержанием синхронно по времени звучания. Мы уповаем на память, но времени на воспроизводство звучавшей музыки текстов нет. Пространство уже заполняется новым настоящим, которое вызывает новые впечатления. Высокая скорость подачи учебного материала (смена слайдов презентации) посредством мультимедийных устройств (схема, график, образ в отличие от последовательного формирования изображения на учебной доске или листе бумаги предъявляются получателю в готовом виде) скрывают процесс формирования образа или суждения обеспечивают синхронизацию мыслительной деятельности говорящего педагога и слушающего обучающегося.

В образовательных учреждениях повсеместно возрождается практика осмысленного чтения текстов с обязательным пересказом и записью на видео. Такой риторический навык обеспечивает непрерывный процесс порождения и формирования высказывания с постепенным наращиванием объема лексических единиц.

Риторический авторитет профессора достигается через:

- 1) разработку цикла устно-речевых воспитательных мероприятий которые коррелируют с основными образовательными программами и досуговой деятельностью обучающихся;
- 2) участие в молодежной проектной деятельности, координируемой с основными направлениями молодежной политики, а также с планами научной деятельности вуза. Всё перечисленное целесообразно рассматривать с учетом научных направлений образовательной организации высшего образования.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Авторитет слова учителя, доверие к слову педагога, обязательность слова профессора связаны общей территорией речевых смыслов. Они реализуются в форме з устной речи. Риторика, как устно-речевое искусство убеждения и выражения мыслей, становится особенно актуальной в контексте взаимодействия между представителями разных уровней

образования. В содержательном плане рассматриваемой проблемы представляют интерес ключевые риторические элементы (лексика, логика, синеотика, эстетика устной речи), которые способствуют взаимопониманию и эффективному обмену информацией.

Одним из важнейших аспектов межкультурной риторики является учет контекста коммуникации. Каждый культурный контекст имеет свои нормы, ценности и ожидания, которые влияют на восприятие информации. Преподаватели всегда должны быть готовы адаптировать свой стиль общения к аудитории.

Эта адаптация включает в себя не только изменение словесного оформления, но и готовность к открытым диалогам и обсуждениям.

Риторические аспекты (учет контекста, выбор аргументационных стратегий, этические соображения, невербальная коммуникация и кросс-культурная адаптация) – играют ключевую роль в налаживании эффективной коммуникации преподавателя и обучающегося на лекциях и семинарах. В зависимости от состава аудитории предпочтение отдается логическому обоснованию и фактам, в то время как в других случаях более значимыми могут быть эмоциональные обращения к слушателям и отсылка к личному опыту. Эффективная педагогическая риторика включает в себя использование гибридных подходов, которые комбинируют эти стратегии, обеспечивая тем самым большую убедительность и привлечение внимания аудитории [Далецкий, 2024].

Пространство лингвистического университета предполагает особый «ракурс» диалога культур – образование посредством слова, диалог в процессе педагогического общения, диалог преподавательской цивилизации и студенческой культуры. Преподавателю с самого начала занятия известен объем предлагаемого цивилизационного знания, но как важно сохранить интригу становления культуры самого знания и обеспечить эстетику последовательного превращения культуры в цивилизацию отдельно взятым студентом. Описать и перечислить все культурные факты взаимодействия и взаимовлияния культур не представляется возможным в силу обилия материала, разных точек восприятия происходящего, многоуровневости и многослойности проявлений культуры – обыденной, специализированной, массовой [Флиер, 2017].

Однако примечательны основные риторические стратегии и приемы, способствующие успешному межкультурному диалогу. Первой, и самой главной риторической стратегией, является демонстрация уважения к собеседнику и его культуре. В коммуникации важно не только знать, каковы традиции

¹Юсупова Л. Л. Как запоминать слова. URL: <https://www.informio.ru/publications/id7038> (дата обращения: 17.09.2025).

и обычаи другой культуры, но также искренне уважать их. Это может проявляться в использовании корректной терминологии, избегании стереотипов и предвзятостей, а также в признании ценности различных точек зрения.

Активное слушание предполагает не только восприятие слов, произносимых оппонентом, но и понимание скрытых смыслов и эмоций, стоящих за этими словами - понимание не только текста, но и подтекста. Эта стратегия включает в себя перефразирование, уточнение и задавание вопросов. Все эти педагогические методы работы с аудиторией создают атмосферу открытости и готовности к диалогу. Такой подход помогает избежать недопонимания и способствует более глубокому проникновению в ментальное поле собеседника.

Метафоры и аналогии могут служить мощными инструментами в межкультурном диалоге, так как они позволяют доступно и наглядно иллюстрировать отвлеченные. Кроме того, использование образных выражений, знакомых обеим сторонам, может создать общую основу для понимания и снизить барьеры коммуникации.

Построение диалога на основе общих ценностей и интересов является еще одной эффективной образовательной стратегией. Выявление и акцентирование моментов, которые объединяют культуры, помогает создать чувство солидарности и взаимопонимания педагогов и студентов. Это может быть актуально для решения социальных, моральных или этических вопросов, которые волнуют представителей разных культур.

Гибкость в подходах к общению и готовность адаптировать свою риторику к культурному контексту собеседника также являются важными риторическими стратегиями. Это может проявляться в выборе формата общения, тем обсуждения и стиля изложения мыслей, а также в умении корректировать свои высказывания в ответ на реакцию собеседника.

Эмпатия как способность чувствовать и понимать эмоции других людей также играет критическую роль в межкультурном диалоге. Отдавая дань уважения чувствам и переживаниям собеседника, коммуникатор может создать безопасное и доверительное пространство для обмена мнениями. Эмпатия способствует снижению конфликтности и укреплению связей между культурами.

В силу негативного исторического опыта, который сложился в эпоху просвещения и заключался в нигилистическом отношении к авторитету учителя, в современных условиях доступности информации сложно сохранить уважительное отношение к педагогу. Истина в условиях постоянно меняющейся информации не воспринимается на веру,

истина становится предметом обсуждения и индивидуального поиска. Современное образование использует инструменты искусственного интеллекта для обеспечения глубокой фундаментальности знаний и повышения эффективности обучения, а также для персонализации образовательных программ с учетом индивидуальных особенностей каждого обучающегося. IT-технологии значительно улучшили структурирование образовательных процессов по вертикальному направлению, оптимизируя управление учебным контентом и методиками. Однако в контексте параллельного развития взаимоотношений между преподавателем и студентами возможности искусственного интеллекта остаются ограниченными, поскольку они в основном сосредоточены на синхронизации речемыслительных процессов. В будущем необходимо развивать не только технические инструменты, но и методики межличностного взаимодействия, чтобы интегрировать ИИ в педагогическую практику более гармонично и эффективно. Правильное использование возможностей ИИ обеспечит личностное развитие обучающихся и укрепление коммуникации в образовательной среде.

Воспитательная составляющая академического пространства становится более актуальной благодаря возможностям искусственного интеллекта в развитии критического мышления, эмоционального восприятия окружающей действительности и навыков командной работы. Она осуществляется через высокоскоростные интерактивные платформы и симуляции. Такие технологии способствуют не только усвоению теоретического материала, но и формированию дисциплины, ответственности, а также помогают подготовить учащихся к вызовам современного мира. Интеграция искусственного интеллекта в образование обеспечит педагога гибкими, доступными и инклюзивными формами обучения, которые будут способствовать раскрытию потенциала каждого учащегося и укреплению образовательного пространства как социального института. В этом уверен Сергей Владимирович Кабышев, Председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, утверждая, что «модели искусственного интеллекта, востребованные в системе образования, могут (и, очевидно, должны) служить выражением, средством реализации и развития данной идентичности»¹.

Динамика социокультурных и образовательных процессов требует достоверного учета и всестороннего анализа процессов, возникающих при взаимодействии структурно изменяющихся

¹Кабышев С. В. Идентичность России – идентичность образования.
URL: <https://www.pnp.ru/top/identichnost-rossii-identichnost-obrazovaniya.html> (дата обращения: 10.07.2025).

разноскоростных факторов. Изменения на уровне межкультурного дискурса проистекают по-разному в традиционно-консервативной педагогической и постинформационной студенческой среде. Научно-административный авторитет профессора диссонирует с его нравственно-имиджевым восприятием со стороны обучающихся. Информация из альтернативных источников, тиражируемая медийными средствами в условиях уплотнения аудиторного времени, частотно преобладает над информационными возможностями педагогов в регламентированное расписанием время. Воспитательно-образовательная деятельность современного педагога обеспечивает координирующее профессиональное и межличностное общение, ожидаемую результативность и эффективность посредством освоения цифровых коммуникативных технологий и риторизации научной лексики в контактном образовательном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, раскрывающих специфику формирования культурной идентичности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства.

1. Выявлен амбивалентный потенциал цифровой образовательной среды. С одной стороны, цифровизация создает риски культурной унификации и эрозии традиционных ценностей. С другой – цифровизация открывает беспрецедентные возможности для межкультурного диалога, доступа к культурному наследию и формирования глобального гражданского сознания.

2. Установлена трансформация роли преподавателя. В условиях, когда преподаватель перестал быть единственным источником знания, его авторитет формируется не через монополию на информацию, а через риторическую компетентность, личностно-профессиональные качества и способность к конструктивному диалогу с обучающимися. Ключевыми становятся функции наставника, модератора и интерпретатора культурных ценностей.

3. Обоснована необходимость синтеза традиционных и цифровых форматов. Несмотря на эффективность цифровых инструментов (искусственный интеллект, образовательные платформы, мультимедиа) для оптимизации учебного процесса, формирование глубокой культурной идентичности требует непосредственного контактного общения, участия в образовательных событиях и живом межпоколенческом диалоге, которые не могут быть полностью перенесены в цифровую среду.

4. Определены риторические стратегии эффективной межкультурной коммуникации. В качестве основных механизмов преодоления культурных барьеров в образовательном процессе выделены: демонстрация уважения к культурным различиям участников образовательного процесса, активное слушание, апелляция к общегуманитарным ценностям, эмпатия и гибкость коммуникативных тактик.

5. Сформулирована практическая значимость культурной идентичности субъектов академического пространства для государственной культурной и образовательной политики. Результаты исследования свидетельствуют о том, что современная система высшего образования является ключевым агентом в реализации задачи по формированию гармоничной личности. Полноценная личность сочетает национальную самоидентификацию с готовностью к продуктивному взаимодействию в многокультурном мировом сообществе.

Таким образом, формирование культурной идентичности в современном образовательном пространстве представляет собой сложный, многомерный процесс, успешность которого зависит от сбалансированного сочетания технологических инноваций и сохранения гуманистической, личностно-ориентированной составляющей образования. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных методик интеграции искусственного интеллекта в воспитательную работу и оценку их эффективности¹.

¹Путин В. В. Поздравление выпускникам 2025 года. URL: <https://school31.uodinskoi.ru/item/2261157> (дата обращения: 07.07.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малыгина И. В. Феномен идентичности в контексте историко-культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. 2023. № 2 (51). С. 44–55. EDN PGFRTS.
2. Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 173–185. EDN YSHLMF.
3. Астафьева О. Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 32–41. EDN XSBXVX.

4. Фурсова Д. А. Информационно-коммуникативная среда как пространство экзистирования digital-номада // Культурное наследие России. 2020а. № 3 (30). С. 41–46. EDN RDTTUO.
5. Фурсова Д. А. Информационно-коммуникативная среда современной России как культурный фактор детерминации детства: дис. ... канд. культурологии. М., 2020б. EDN MIDHFQ.
6. Анищенко А. В., Горожанов А. И. Способы оптимизации управления учебной деятельностью с использованием веб-инструментов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 610. С. 52–61. EDN NXMKBP.
7. Горожанов А. И., Косиченко Е. Ф., Гусейнова И. А. Обучение письменному переводу онлайн: теоретическая модель, разработка программного обеспечения, промежуточные результаты // Актуальные вопросы лингвистики и дидактики: Междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках (CILDIAH-2018), Волгоград, 23–28 апреля 2018 года. Волгоград: ЭП РАН, 2018. С. 01062. DOI 10.1051/shsconf/20185001062. EDN YMWANB.
8. Орлов А. Э. Динамика культуры и целеполагающая активность человека. М.: Начало-Пресс, 1994.
9. Краева И. А. Приветственное слово участникам // Диалог культур и цивилизаций: сборник научных трудов Международного научного форума: Москва, 11–14 апреля 2024 года / отв. ред. Ч. В. Далецкий, А. Ю. Платко / рецензенты И. В. Малыгин, В. И. Аннушкин. 2024. С. 4–6.
10. Фомичев Д. С. Проектирование и использование современных образовательных ресурсов с использованием мультимедийных и веб-технологий // Молодой ученый. 2012. № 4 (39). С. 478–481.
11. Далецкий Ч. Б. Филология в высшей школе. Эстетика устной речи: риторика, словесность и искусственный интеллект в условиях современной коммуникации. Русская словесность. 2024. № 1. С. 51–58.
12. Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957.
13. Флиер А. Я. Морфология культуры: новое осмысление. М.: Согласие, 2017.

REFERENCES

1. Malygina, I. V. (2023). The phenomenon of identity in the context of historical and cultural dynamics. *International Journal of Cultural Studies*, 2(51), 44–55. (In Russ.)
2. Malygina, I. V. (2019). Identity in the space of post-culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(829), 173–185. (In Russ.)
3. Astafieva, O. N. (2016). National and cultural identity in the context of globalization: a complex vector of development. *Vestnik of Moscow State University of Culture and Art*, 5(73), 32–41. (In Russ.)
4. Fursova, D. A. (2020a). Information and communication environment as a space of existence of a digital nomad. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 3(30), 41–46. (In Russ.)
5. Fursova, D. A. (2020b). *Informatsionno-kommunikativnaya sreda sovremennoi Rossii kak kul'turnyi faktor determinatsii detstva* = The information and communication environment of modern Russia as a cultural factor in determining childhood: PhD thesis in Culturology. Moscow. (In Russ.)
6. Anishchenko, A. V., Gorozhanov, A. I. (2011). Ways of optimizing learning process management by using web-based instruments. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 610, 52–61. (In Russ.)
7. Gorozhanov, A. I., Kosichenko, E. F., Guseynova, I. A. (2018). Teaching Written Translation Online: Theoretical Model, Software Development, Interim Results. In *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDIAH-2018)* (p. 01062). Volgograd: EDP Sciences. DOI 10.1051/shsconf/20185001062.
8. Orlova, E. N. (1994). *Dinamika kul'tury i tselepolagayushchaya aktivnost' cheloveka* = Dynamics of Culture and Goal-Setting Human Activity. Moscow: Nachalo-Press. (In Russ.)
9. Kraeva, I. A. (2024). Welcome speech to the participants. *Dialog kul'tur i tsivilizatsii* (pp. 4–6): collection of scientific papers of the international scientific forum. Moscow: MSLU. (In Russ.)
10. Fomichev, D. S. (2012). Designing and using modern educational resources using multimedia and web technologies. *Young scientist*, 4(39), 478–481. (In Russ.)
11. Krupskaya, N. K. (1957). *Pedagogicheskie sochineniya* = Pedagogical essays. Moscow: APN RSFSR. (In Russ.)
12. Daletskii, Ch. B. (2024). Philology in Higher Education. *Aesthetics of Oral Speech: Rhetoric, Literature, and Artificial Intelligence in the Context of Modern Communication. Russian Literature*, 1, 51–58. (In Russ.)
13. Flier, A. Y. (2017). *Morfologiya kul'tury: novoe osmyslenie* = Morphology of Culture: A New Understanding. Moscow: Soglasie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Далецкий Чеслав Брониславович

доктор философских наук, профессор
директор Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daletsky Cheslav Bronislavovich

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor
Director of the Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	22.08.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	27.09.2025	
	06.10.2025	

Духовный образ человека в аксиологической перспективе будущего

А. В. Маслова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
an_maslova@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена внерациональным основаниям ценностного мышления в контексте осмысления духовного образа человека будущего. Цель исследования состоит в экспликации духовного кода русской культуры из мистической практики православия. Таким образом, в статье обосновывается связь религиозного опыта с культурной традицией. С помощью герменевтического, гипотетико-дедуктивного и сравнительного методов обосновывается идея связанности аксиологического и гносеологического измерения в процессе формирования ценностного мышления с опорой на духовную традицию. На материале работ русского философа С. С. Хоружего, а также античных философов и работ в области неоантропологии аргументируется тезис о том, что духовная практика является ядром ценностного мышления. В соответствии с результатами сопоставительного анализа когнитивных оснований мистического опыта и уровня нравственного самосознания обосновывается идея необходимости развития внерациональных когнитивных способностей для формирования ценностного мышления.

Ключевые слова: духовная традиция, внерациональные когнитивные способности, исихазм, человек будущего, воображение, ценностное мышление, идентичность

Для цитирования: Маслова А. В. Духовный образ человека в аксиологической перспективе будущего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 163–170.

Original article

Spiritual Image of Human in the Axiological Perspective of Future

Anastasia V. Maslova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
an_maslova@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to the extra-rational foundations of value thinking in the context of understanding the spiritual image of a person of the future. The purpose of the work is to explicate the spiritual foundation of Russian culture from the practice of mystical Orthodoxy, substantiating the connection of religious experience with cultural tradition. The aim of the study is to clarify the spiritual foundations of Russian culture drawn from the practices of mystical Orthodoxy, substantiating the connection between religious experience and cultural tradition. Using hermeneutic, hypothetico-deductive, and comparative methods, the article argues for the interconnectedness of axiological and epistemological dimensions in the process of forming value-based thinking, grounded in spiritual tradition. Based on the works of Russian philosopher S. S. Khoruzhy, as well as ancient philosophers and research in neo-anthropology, the thesis is advanced that spiritual practice constitutes the core of value-based thinking. As a result of the analysis, the article substantiates the necessity of developing non-rational cognitive capacities for the formation of value-based thinking.

Keywords: spiritual tradition, extra-rational cognitive abilities, Hesychasm, human future, value thinking, imagination, identity

For citation: Maslova, A. V. (2025). Spiritual Image of Human in the Axiological Perspective of Future. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 163–170. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет в России как стране, которая находится в состоянии кризиса самоопределения в меняющемся социально-политическом мировом пространстве измерение аксиологии приобретает особую значимость. Возрастающая роль аксиологии определяет актуальность обращения к духовным основаниям русской культуры.

Для достижения поставленной цели решаются такие задачи, как

- 1) обоснование связанности аксиологии с гносеологией;
- 2) описание духовной практики исихазма;
- 3) обоснование связи исихазма с ценностным мышлением в контексте русской духовной культуры
- 4) обоснование корреляции степени развития внерациональных когнитивных способностей с проживанием религиозного, мистического опыта;
- 5) обоснование необходимости тренировки сострадания, интуиции, воображения как необходимых составляющих ценностного мышления для сохранения человеческого в человеке в условиях формирующегося будущего.

Данные задачи требуют применения системного анализа античного философского наследия, герменевтического метода, гипотетико-дедуктивного метода в обосновании центральных гипотез, которые соответствуют задачам статьи, а так же метода сравнительного анализа. На основании данного метода проводится параллель между исихазмом и духовными основаниями ценностного мышления.

Вопрос о ценностях как внутренних индикаторах, направляющих человеческую жизнь и создающих «вектор» развития индивидуальности в условиях ее связанности с носителями разных ценностных установок является актуальным. Причем значимость указанного вопроса возрастает в условиях современного антропологического кризиса. В качестве примера, демонстрирующего связанность степени развития внерациональных когнитивных способностей с высоким уровнем нравственности субъекта мы рассматриваем опыт православных мистиков, воплощавших живую духовную традицию в России.

Для этого применяются монографии и статьи русского мыслителя С. С. Хоружего, который сформулировал понятие синергийной антропологии и считается ведущим специалистом в области духовной философии исихазма и русской философии. Кроме исследования С. С. Хоружего применяются первоисточники основателей традиции исихазма Г. Паламы, А. Сурожского. Также используются работы

в области неоантропологии, которая стремительно развивается. Так, для реализации целей настоящей работы мы обращаемся к книге «Разговор на песке» Т. Янкапорта. Ученый анализирует духовные основания того, что мы можем назвать ценностным мышлением аборигенов Австралии. Для формирования аргументативной базы мы опираемся на наследие античности, на Платона и исследования этики Сократа, для чего обращаемся к работам самого Платона, его диалогу «Федон», а также к работам антиковедов, таких как П. Адо, автор знаменитой монографии «Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и И. Дэвидсоном», к работе российского антиковеда Протопоповой «Анти-этика Сократа. Платон vs Аристотель» [Адо, 2005]. Таким образом, применяя сравнительный анализ и герменевтический подход, опираясь на имеющиеся данные о мистической православной практике и новые исследования в области неоантропологии, а так же опираясь на античные представления о ценностях, автор статьи аргументированно утверждает, что внерациональный фактор является ключевым в усвоении и реализации в обществе духовной традиции, на основании которой возможно сохранить образ человека в будущем.

Впервые духовная практика исихазма рассматривается в ракурсе современной неоантропологической дискуссии о будущем в качестве конкретного основания ценностного мышления.

С опорой на православную исихастскую традицию автор делает вывод о необходимости прояснять и эксплицировать глубинные экзистенциальные смыслы исконных православных ценностей, заложенные в духовную практику исихазма в качестве иммунной системы русской культуры. Такой ракурс просвещения важен в выборе ценностных ориентиров для воспитательной практики и формирования будущего общества, которое неизбежно столкнется с противостоянием *homo digitalis* и *homo spiritualis*.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ, ИЛИ БУДУЩЕЕ ВНУТРИ НАС

Внерациональные способности предстают в двояком равноценном смысле. Они предстают и как условие возможности заглянуть в будущее через дивинапию, и как путь к постижению сущного ядра человека в его возможности быть открытым бытию (эта открытость понимается в смысле хайдеггеровского *Dasein*).

В первом случае мы говорим о самом видении, угадывании, обнаружении будущего как явленного здесь и сейчас в интуитивном акте предвидения. Дар предвидения, возможность заглянуть в будущее

коррелирует с циклическим представлением о времени. Во втором случае речь идет о когнитивной составляющей человеческой жизни среди других людей через проявление со-переживания, со-чувствия, со-страдания, сим-патии, со-бытия.

Говоря о будущем положении человека в выстраиваемом мире из настоящего, мы одновременно используем дивинапию и подвергаем анализу саму способность предугадывать, заостряя внимание на возможные изменения ее в будущем.

Кризис человека настолько очевиден и определен, что он уже стал привычным фоном научной и обыденной жизни, на который мы изредка обращаем внимание, сталкиваясь с его проявлениями, вынося из этого опыта очевидность антропологического кризиса и отчаяния от кажущейся неизбежности его углубления. Тем не менее рассмотрим методы, с помощью которых человек способен преодолеть эффекты расчеловечивания и дегуманизации. Для этого обратимся к основаниям ценностного мышления, модификация которого связана с рисками потери человечности и отчуждением.

Для обоснования приемлемости использования понятия ценностного мышления мы будем опираться на интуиции платоновского Сократа с опорой на современные исследования внерациональных когнитивных способностей. Сократ впервые ввел этическое в сферу эпистемологии, что вызывает трудности в понимании его этической доктрины. Тем не менее именно соединение добродетели и знания прокладывает путь к пониманию сущности ценностного мышления.

В размышлении о любви Платон подходит к слиянию эпистемологического и этического, когда устами Сократа описывает истинные стремления влюбленных к постижению истинно прекрасного или блага. Феномен истины лежит за пределами эпистемологии, поскольку является идеалом любого знания, которым не может обладать ум человека в силу ограниченности субъективного восприятия. В этом смысле истина попадает в сферу этического, определяя и организуя деятельность исследователя, ищущего эту истину. Однако любовь скорее частный случай проявления такого синтеза, тем более в определенном, платоновском смысле. В выстраивании концептуальной модели ценностного мышления будем опираться на платоновско-сократовскую этическую доктрину.

«Он [Платон – *прим. автора*] говорит в “Федоне”, что добродетели – нечто вторичное: «между тем, истинное – это действительно очищение от всего [страстей], а рассудительность, справедливость и мужество – средство такого очищения»» [Протопопова, 2023, с. 358]. Данная максима соответствует

идеалу, к которому внутренне стремился носитель греческого способа существования [Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2016]. В эллинистический период она будет звучать отчетливее в призывах стоиков к обретению состояния апатии и атараксии. Добродетельный человек тот, кто способен очистить свой ум от аффектов и способом такого очищения является обретение знания о добродетельной, праведной жизни.

Пересечение гносеологической природы знания с аксиологической природой добродетелей заставляет углубиться в источник как знания, так и добродетели. Для этого мы обратимся к практической составляющей духовного опыта, каковой отчасти является философия в Античности. Адо назвал античную философию образом жизни или духовной практикой: «... она (античная философия – *прим. автора*) является духовным упражнением, потому что она есть образ жизни, форма жизни, жизненный выбор» [Адо, 2005, с. 149]. Сократ своим опытом жизни и в большей степени опытом смерти манифестировал ценностное мышление, посредством которого трансформируется не только один человек, но и традиция в целом. Смысл, обнаруженный Платоном в ситуации смерти Сократа, составил основу будущей антропологии христианства, из которого возникли такие практики, которые вне христианской традиции кажутся ужасающими, поскольку средневековому способу существования, когда такие практики возникли (самобичевание, самоумаление и т. д.) соответствует отношение к телу у Плотина, понимаемое им как темница души, могила, лишь знак (σῆμα). Подобные практики себя помогают человеку преодолеть ужас кризиса в эпоху перемен. Таким философским, практико-ориентированным направлением, несомненно, являлся стоицизм в эллинистический период.

Можно ограничиться тем утверждением, что знание делится на теоретическое и практическое и что этика сама по себе является практической философией, однако, механизм трансформации такого знания в мощный инструмент преобразования человека, его личности останется до конца не проясненным.

Риски антропологической реальности в будущем состоят в потере культурной и духовной идентичности на протяжении безграничного информационного пространства, где позитивный смысл открытия инаковых культур, способов восприятия реальности оборачивается для человека потерей самого себя. Невозможность быть соучастником ни одной из доступных антропопрактик является причиной потери связи со своим историческим, генуинным духовным ядром, корнящимся в межпоколенческой репликации ценностей.

Тайсон Якапорта, описывая знак на песке, нарисованный его собеседником, представителем австралийских аборигенов, пишет: «Вокруг центрального круга есть три дуги (или лепестка, как лично я их воспринимаю), которые показывают, как в паттерн творения вписывается наша социальная система, где каждого ребенка окружают три поколения сильных женщин – родные / двоюродные сестры, матери / тети, бабушки. Мать бабушки возвращается в центр и становится ребенком, и все они вечно вращаются вокруг этих ролей, а дух ребенка снова рождается на земле» [Янкапорта, 2022, с. 43]. В таком сочувственном восприятии времени через поколенческую связь, рождается особый тип ценностного мышления, в центре которого стоит ответственность не за будущие последствия своих поступков, но за всю ткань времени, где роль человека встроена в связанный с поколениями канат. Здесь можно обнаружить кантианский посыл, и именно в контексте архаического восприятия времени через персонификацию поколений этика Канта может быть не просто понята, но воспринята через диалектику поколений. Если категорический императив требует от человека быть ответственным перед абстрактным человечеством, то в восприятии самого себя как встроеного в поколенческую взаимосвязь всего человеческого рода (мы экстраполируем архаическую модель поколенческих временных связей на все человечество) ответственность становится персонифицированной. Имеется в виду понимание межпоколенческой справедливости, о котором говорит представитель Первых народов¹ и одновременно исследователь-антрополог: «В жизненном мире, где твои правнуки становятся твоими родителями, ты крайне заинтересован в том, чтобы вместе с другими создавать стабильную систему и гарантировать хоть немного межпоколенческой справедливости» [Янкапорта, 2022, с. 52].

Отсюда выстраивается иная система ценностей, которая позволяет пролить свет на техники возделывания собственного сознания (души) для человека будущего в отличие от человека настоящего (Вторые народы², носители европейского мышления).

Для того чтобы наше исследование приобрело ценность для отечественного читателя, мы будем опираться на духовную традицию русского

православия в рамках демонстрации ценностного мышления и его трансформационных аспектов.

Описывая путь очищающейся души через познание истинной добродетели, подлинного блага, Платон рассматривает человека как потенциально совершенное существо, способное очиститься от страстей и обрести свою собственную истинность в человечности. В контексте православной традиции такая практика относится к обожению, поскольку через приобщение к Божественным энергиям можно обрести самого себя, стать подлинным человеком. Особенность русской духовной традиции состоит в ее исторической преемственности греческой традиции с уникальными, особыми чертами [Хоружий, 2000].

Ключевым аспектом духовной практики является вера и осознание необходимости в духовном преображении. Внерациональные когнитивные способности развиваются в процессе выполнения духовных упражнений, человек становится более чувствительным, осознающим себя соучастником мирового целого, сочувствующим, поскольку на пути восхождения к Богу он синхронно становится единым со всеми людьми, что проявляется в феноменах «сильной любви» и «сердечной теплоты» [Гордеева, Соленов, 2015, с. 84–85].

В связи с возросшим поиском смыслов будущего, становятся актуальными мистические практики на почве аутентичной культурной традиции, которые не отрывают человека от своих духовных корней. Преодоление духовной неприкаянности возможно в вере в духовную трансформацию человека в условиях становящейся картины цифрового будущего, что на первый взгляд трудно представить.

АУТЕНТИЧНОСТЬ МИСТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ НА СТРАЖЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

Об энергиях, которые наполняют человека, можно говорить, ссылаясь на восточные традиции, но это чуждо русской духовной традиции, в русле которой формировалась энергийная антропология, как ее назвал С. С. Хоружий. Человек является сгустком организованных энергий, но он не был бы человеком, если бы в него не было бы заложено стремление к энергиям высшего порядка, нетварным или божественным энергиям, поскольку «религиозное измерение в человеке существует и не денется никуда, куда человек есть человек» [Хоружий, 2005b, с. 127].

В контексте необходимости возрождения аксиологической модели на почве русской духовной истории и формирования внутренней устойчивости перед натиском переменчивых, клиповых образов массовой культуры, обращение к духовным

¹Термином «Первые народы» в книге Т. Якапорта обозначаются народы-аборигены или туземцы, которые сохранили свою аутентичность сначала в эпоху физической колонизации, потом в эпоху цифровой колонизации и глобализации.

²Термин «Второй народ» называет народы, которые пришли на землю, населенную Первым народом, то есть переселенцы и колонизаторы открытой земли.

практикам православия расширяет смысловой горизонт для реализации полноценного человека будущего. Феноменология духовной практики дает знания, которые способствуют не только обретению идентичности, но и преодолению страдания, вызванного аффектами и желаниями. Если в контексте проблемы искусственного интеллекта, трансгуманизма, а так же неоантропологии говорят о границе человеческого и не-человеческого (искусственно созданный и природный миры) в терминах физической и смысловой реальности, то в исследовании духовной практики речь идет о пределах самого человеческого или, как ее называет С. С. Хоружий, *антропологической границы*. Подобные практики есть в индийской духовной традиции, в тибетском буддизме, и даже шаманизм отчасти можно отнести к духовной практике испытания этой границы. Особенность исихастского пути трансформации человека состоит в его персоналистском основании. Личность человека преобразуется с помощью восхождения к личности более высокого порядка, определяющей границу человеческого и предоставляющей субъекту выход к сверхчеловеческому. Именно в этом смысле Ницше описывал феномен сверхчеловека как диалектический процесс преодоления «человеческого слишком человеческого» и выход за пределы добра и зла как освобожденный дух, соединяющийся с божественной энергией сверхличности, воплощая мета-антропологическую стратегию. В этом прослеживается выход за пределы обыденного, привычного образа существования к истинной человеческой сущности. Человек становится творцом самого себя через аутотрансформацию [Хоружий, 2005а].

Восхождение в духовной практике исихазма происходит постепенно, через ступени, формирующие лестницу преображения человека. Подобные техники применяются в йогических практиках, в буддизме, о чем в последние годы пишется особенно активно. В этой связи показателен пример популярности ашрамов Ошо (Бхагаван Шри Раджниш) в Америке в 80-е годы XX века, являющийся попыткой адаптации восточной духовной традиции к ценностям западной цивилизации в условиях капитализма. Означенная практика способствует появлению волны *new age*. Насколько успешна такая адаптация, в данной статье мы рассуждать не будем, только отметим, что любая традиция извне воспринимается либо как объект исследования (в случае философии религии, антропологии и других наук), либо как изначально чуждое, дикинное и, в лучшем случае, интересное явление иной культуры.

В условиях мира BANI, когда устойчивость или иллюзия устойчивости принципов, ценностей, целей рушится, захватывая личностную идентичность,

обращенность к аутентичным, исторически сложившимся на почве русской духовной культуры практикам, является ценностным основанием для выстраивания гармоничной системы ценностей. Она способствует реализации развитой личности.

Рассмотрим этапы духовного подвига в исихазме.

Православная духовная практика состоит из нескольких ступеней, первая из которых есть покаяние. Оно, в свою очередь, стимулирует процесс преобразования. Парадоксальное опустошение своего сознания от груза аффектов возможно через сильные, экстремальные эмоции. Ярким примером такого преображения является трансформация или метанойя (μετάνοια), описанная бл. Августином в «Исповеди»¹.

Вся духовная практика пронизана концентрацией внимания и собиранием себя воедино, иначе это звучит в исихастской максиме «собрать в любовь ко Господу рассеянное по всей земле сердце» [Хоружий, 2005а, с. 269].

На протяжении всего духовного пути практикуется личная молитва, а первый этап также относится к «невидимой брани», которая ярко манифестирована в «Исповеди» бл. Августина [Августин, 2019]. Кульминацией практики покаяния является обретение смиренномудрия, осознания себя самого как единого со всеми людьми в грешной природе и одновременно наличие намерения в иисусовой молитве преодолеть страсти души. В этом смысле происходит глубокое проникновение к страданиям других, наступает состояние «великого милосердия».

Далее следует непосредственно практика исихии, т. е. молчание и уединение (ἡσυχία – с греч. *тишина, молчание*). На этом этапе осуществляется отрешение от социума и речь, обращенная к другому естественным образом останавливается, остается только непосредственное общение с Богом в молитве. Но молчание имеет и другой смысл как остановка внутренней речи или потока мыслей, направленных на мирские дела, что на практике становится сложнее.

Перманентно на каждом этапе происходит работа над удержанием внимания, сосредоточенность на цели практики – достижение обожения или соединения с Богом. Данный этап имеет название «сведение ума в ум», требующий колоссальной концентрации внимания, и, как правило, это длительный период тренировки собирания внимания, переход сознания из рассеянного состояния в плотный интенциональный поток.

¹Переживания отчаяния, предельного психологического состояния отрицания себя прошлого для преодоления явленных в экстатическом состоянии озарении подлинного бытия человека в его связанности с высшим субъектом, с Богом. См. подробнее: Рабинович В. Л. Человек в исповедальном жанре // О человеческом в человеке / Под общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 298–326

Далее происходит процесс «сведения ума в сердце», во многом связанный с успокоением ума и прислушиванием к внутреннему голосу, который в исихазме исходит из сердца. На этом этапе ум обращает внимание на деятельность сердца, превращаясь в целостность «ум-сердце». Это, пожалуй, самый трудоемкий этап практики, включающий работу с дыханием и телесные техники, направленные на корреляцию ритмов жизни тела с трансформационными духовными процессами, о чем подробно говорится в трудах основателей и теоретиков исихазма [Палама, 1995; Сурожский, 2012; Хоружий, 1998].

Следующий этап, который составляет цель всей практики – это синергия. Соединение энергий человеческих и божественных, тварных и нетварных, в котором происходит глубочайшая трансформация личности человека. Если в стоицизме состояние атараксии, бесстрастия является конечной целью духовной практики, преимущественно, опирающейся на рациональные методы то в процессе духовного, умного делания в исихазме ключевую деятельность роль играет энергия благодати. В этом смысле человек не самовольно преобразуется в восхождении по духовной лестнице, но осознает силу намного большую, чем его собственная воля. Тем не менее, деятельность составляющая данной духовной практики лежит на свободной воле человека, а преобразующая сила пребывает вне его.

Последняя стадия духовного опыта в исихазме состоит в созерцании Фаворского света, подлинного божественного образа, с помощью которого метафорично обозначается интуитивное созерцание истины, подлинного бытия «лицом к Лицу», что означает реализацию обожения.

Исихия во всей своей полноте также имеет практическую ценность для развития внерациональных способностей, что исследовано с помощью методов нейрофизиологии. «Созерцательная практика стимулирует активность поясной извилины, тем самым, помогая человеку быть более восприимчивым к чувствам окружающих. Действительно, медитирование на любви, в любом ее виде, в том числе на Божьей любви, укрепляет те же самые цепочки, которые позволяют нам испытывать сострадание ко всем людям» [Ньюберг, Олдман, 2012, с. 100]. Здесь мы находим научное обоснование состоянию «великого милосердия» на первых этапах практики исихазма, которую мы кратко описали выше.

В частности, на основании изучения показателей ЭЭГ как индикатора работы сознания тибетских монахов во время медитации¹, было выявлено, что

¹В 2020 году исследовательская группа нейрофизиологов под руководством доктора биологических наук А.Я. Каплана изучала ЭЭГ медитирующий монахов в тибетском монастыре Гьюдмед,

на протяжении осуществления духовной практики активизируется работа воображения, одного из основных инструментов реализации мистического опыта. Мы позволим себе высказать следующую гипотезу: результаты подобных исследований на православных монахах, практикующих исихию, с большой долей вероятности, были бы схожи с показателями исследований на тибетских монахах.

Сведение ума в сердце в исихазме невозможно без концентрации внимания с привлечением образа самого ума как некоего потока, силы, нисходящей через ритмы дыхания в само сердце. Удержание долгих дум, сохранение сосредоточенности на внутренней работе сознания связано с активизацией внерациональных когнитивных способностей. Они создают естественную виртуальную реальность духовной, внутренней жизни. В противовес готовым образам, которые предлагает медиаиндустрия, такая реальность несет в себе неизменно творческое начало. В этом смысле человек, который практикует духовные упражнения, требующие высокой концентрации внимания, имеет более развитое воображение, абстрактное мышление и способность визуализировать возможные ситуации в будущем, что приводит также к психической устойчивости (данный факт подтвержден психологической практикой [Лазарус, 2000]). Также духовная практика связана с творчеством, в рамках исихазма происходит сотворчество человека и Бога.

Духовные практики развивают интуицию как одну из внерациональных когнитивных способностей. Интуиция предвидения, предчувствия развивается в большей степени у тех, кто имеет опыт духовного восхождения, кто смог очистить свое сознание от информационного шума, отвлекающего от внутреннего голоса сердца. Случаи Откровения, полученного во сне или во время экстатического состояния, или при погружении в глубокое медитативное состояние описаны в истории множество раз, в Ветхом Завете, в Библии, в житии святых, в преданиях буддизма и т.д.

Представление о времени как потоке, базирующееся на представлениях о мире, сформированном в Новое время, на идее прогресса препятствует пониманию необходимости замедлить темп мышления. Если для Декарта субъект является закономерным следствием процесса критического

о которой можно прочитать подробнее: URL: <https://iz.ru/1019356/anna-urmantseva/dver-est-no-lish-v-voobrazhenii> (дата обращения: 26.02.2024). 27 сентября 2023 г. в монастыре Тубтен Шедруб Линг в г. Кызыле прошла конференция «Традиционная медицина и духовные практики в современном мире: тенденции и развитие» прозвучал доклад о новых открытиях в области нейрофизиологических исследований медитации, что указывает на высокий интерес научного сообщества к тому, что раньше считалось исключительно ненаучным, выходящим за пределы рационального объяснения.

мышления, то в предельном духовном опыте это не очевидно, поскольку сам субъект расширяется за пределы *ratio*, в буддизме до пустоты и растворения в ничто, в христианстве до соединения с Богом, в следствие которого время останавливает свой стремительный поток.

Восхождение к предельному состоянию сознания посредством очищения от аффектов, страстей, симулякров возвращает человека к практике смыслополагания, через которую он обретает ценностные основания как руководство к действию, благодаря чему способен осуществить самого себя в бытии.

В таком случае противопоставить служебному человеку, *homo digital* можно *homo spiritus* в качестве альтернативного образа человека будущего. Такая *практика себя* способна на уровне личности повернуть колесо времени в единичном опыте духовного делания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения приведу рассуждение о пророчестве Ницше в связи с идеей вечного возвращения: «...У индивида имеются два возможных пути – на Восток или на Запад: “сбросить свой субъект, чтобы в солнечной системе безвременных и безличных интересов наслаждаться вечной

юностью” или, напротив, “растянуть вширь влияние и потребности своего субъекта”, своего “я”. В последнем случае, замечает Ницше, вечность, к которой стремится индивид, призрачна. Подлинным выходом является путь отказа от индивидуальности и эго» [цит по: Петров, 2015, с. 778]. В этом смысле православную духовную традицию можно рассматривать как удержание субъекта в его онтологической открытости и подлинности, не впадая в крайности ни западной, ни восточной видов сотериологии.

Исихастские и другие духовные практики активизируют внерациональный ансамбль когнитивных способностей человека, таких как симпатия, интуиция, сопереживание, воображение. Благодаря этим особым способностям ценностное мышление обретает свой *modus vivendi*, манифестированный в поступках и намерениях. Таким образом, у человечества прорисовываются два вектора развития: самоуменьшение (кенозис) в техническом, цифровом совершенствовании, которое можно назвать экстериорным вектором, ведущим к *homo digitalis* и открытие новых возможностей духовного преобразования личности, которое можно назвать интериорным вектором, ведущим к сохранению *homo spiritualis*. Эти два вектора, вовне и внутрь являют собой напряжение будущей антропологической реальности, в которой флуктуирует субъект.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и И. Дэвидсоном / пер. с фр. В. А. Воробьева. М.: СПб.: Степной Ветер; Коло, 2005.
2. Протопопова И. А. Анти-этика Сократа. Платон vs Аристотель // СХОЛН. 2023. Vol. 17. С. 351–360.
3. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Тревога как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 66–77.
4. Янкапорта Т. Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир. М.: Ад маргинем Пресс, 2022.
5. Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Гордеева О. В., Соленов И. В. Мистико-религиозные состояния сознания в исихазме: влияние на их характеристики целей и техник религиозной практики // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 74–92.
7. Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005.
8. Хоружий С. С. Очерки синергетической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
9. Августин А. Исповедь. М.: РИПОЛ классик, 2019.
10. Палама Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих / пер., послесловие и комментарии В. Вениаминова. М.: Канон, 1995.
11. Сурожский А., митрополит. Труды: в 2 кн. 2-е изд. М.: Практика, 2012. Книга первая.
12. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
13. Ньюберг Э., Уолдман М. Р. Как Бог влияет на ваш мозг / пер. с англ. У. Сапциной. М.: Эксмо, 2012.
14. Лазарус А. Мысленным взором: образы как средство психотерапии / пер. с англ. Е. В. Курдюковой. М.: Класс, 2000.
15. Петров В. В. Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли: сборник статей / под общ. ред. Г. В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 773–835.

REFERENCES

1. Ado, P. (2005). *Filosofiya kak sposob zhit': Besedy s Zhanni Karlie i I. Devidsonom* = Philosophy as a way of life. Moscow; St. Petersburg: Steпноj Veter ; Kolo. (In Russ.)
2. Protopopova, I. A. (2023). *Anti-etika Sokrata: Platon vs Aristotel'* = The anti-ethics of Socrates: Plato vs Aristotle. *ΣΧΟΛΗ*, 17(1), 351–360. (In Russ.)
3. Lyzlov, A. V., Seravina, O. B., Kovalevskaya, O. F. (2011). The anxiety as a nuclear affect: an experience of structural-psychological analysis. *Voprosy psichologii*, 4, 66–77. (In Russ.)
4. Yankaorta, T. (2022). *Razgovory na peske. Kak aborigennoe myshlenie mozhet spasti mir* = Sand Talk. How Indigenous Thinking Can Save the World. Moscow: Ad marginem Press. (In Russ.)
5. Horuzhij, S. S. (2000). *O starom i novom* = About the old and the new. Saint Petersburg: Aleteja. (In Russ.)
6. Gordeeva, O. V., Solenov, I. V. (2015). *Mistiko-religioznye sostoyaniya soznaniya v isihazme: vliyanie na ih harakteristiki celej i tekhniki religiozno praktiki* = Mystical religious states of consciousness in Hesychasm: Effect of goals and techniques of the religious practice on the states characteristics. *Lomonosov Philology Journal*, 3, 74–92. (In Russ.)
7. Horuzhij, S. S. (2005). *Opyty iz russkoj duhovnoj tradicii* = Experiences from the Russian spiritual tradition. Moscow: Parad. (In Russ.)
8. Horuzhij, S. S. (2005). *Ocherki sinergeticheskoy antropologii* = Essays on synergetic anthropology. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. (In Russ.)
9. Avgustin, A. (2019). *Ispoved'* = Confession. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)
10. Palama, G. (1995). *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchih* = Triads in defense of the sacredly silent. M.: Kanon. (In Russ.)
11. Surozhskij, A., mitropolit (2012). *Trudy* = Works (book 1): in 2 books. 2nd ed. Moscow: Praktika. (In Russ.)
12. Horuzhij, S. S. (1998). *K fenomenologii askezy* = About the Phenomenology of Asceticism. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. (In Russ.)
13. N'yuberg, E, Uoldman, M. R. (2013). *Kak Bog vliyaet na vash mozg* = How God changes your brain. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
14. Lazarus, A. (2000). *Myslennym vzorom: obrazy kak sredstvo psihoterapii* = In the mind's eye. The Power of Imagery for Personal Enrichment. Moscow: Klass. (In Russ.)
15. Petrov, V. V. (2015). *Fridrih Nicshe i vechnoe vozvrashchenie* = Friedrich Nietzsche and the eternal return. In *Mera veshchej. Chelovek v istorii evropejskoj mysli* (pp. 773–835): collection of papers. Moscow: Akvilon. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Анастасия Владиленовна

кандидат философских наук, доцент
 заведующий кафедрой философских наук
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslova Anastasia Vladilenovna

PhD in Philosophy, Associate Professor
 Head of the Department of Philosophical Sciences
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

20.08.2025
 21.09.2025
 06.10.2025

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

Традиционные ценности в культурософском диалоге искусств

Н. Б. Литвинова¹, В. Ю. Пустовит²

^{1,2}Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, Луганск, Россия

¹lgaki_litvinovanb@mail.ru

²v.pustovit2022@yandex.ru

Аннотация. Актуальные проблемы российской государственности могут успешно решаться на основе междисциплинарных связей. Они способствуют формированию целостной системы духовно-нравственных ценностей и прежде всего, патриотизма – фундамента в развитии гражданина России. Цель исследования – проанализировать тему Великой Отечественной войны в произведении «Симфония № 7 “Ленинградская”» Дмитрия Шостаковича в контексте видов искусства – музыки, литературы и кино – через призму репрезентации в них патриотизма как ведущей составляющей художественного целого. Методы исследования – описательный метод, дискурс-анализ. Материал исследования – прецедентные высказывания о симфонии в искусстве. В результате исследования показано, что синтез визуальных образов способен усиливать значимые духовно-ценностные смыслы.

Ключевые слова: традиционные ценности, патриотизм, диалог искусств, музыка, кинолента, литература

Для цитирования: Литвинова Н. Б., Пустовит В. Ю. Традиционные ценности в культурософском диалоге искусств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 171–179.

Original article

Traditional Values in the Culturosophical Dialogue of Arts

Natalia B. Litvinova¹, Valeria Yu. Pustovit²

^{1,2}Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia

¹lgaki_litvinovanb@mail.ru

²v.pustovit2022@yandex.ru

Abstract. The current issues of Russian statehood require consideration based on interdisciplinary connections, which contributes to the formation of a holistic system of traditional spiritual and moral values, specifically the sense of patriotism as a foundation for the development of a citizen of Russia. The aim of the work is to analyze the theme of the Great Patriotic War in the work “Symphony No. 7 ‘Leningrad’” by Dmitri Shostakovich in the context of types of art – music, literature, and cinema – through the lens of their representation of patriotism as a leading component. The research methods include descriptive method and discourse analysis. The material of the study consists of precedent statements about the symphony in art. As a result of the research, it is shown that the synthesis of visual images can enhance significant spiritual and value meanings.

Keywords: traditional values, patriotism, dialogue of the arts, music, film, literature

For citation: Litvinova, N. B., Pustovit, V. Y. (2025). Traditional values in the culturosophical dialogue of arts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(906), 171–179. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной парадигме гуманитарного знания искусство является исключительно эффективным средством решения стратегически важных государственных задач. Речь идет, прежде всего, об укреплении национальной идентичности. Она обусловлена ролью произведений искусства как репрезентантов ценностных доминант нынешней эпохи. Будучи инструментом рефлексии общественных процессов, искусство позволяет деконструировать исторический и культурный опыт страны через призму литературных, художественных, музыкальных и кинематографических произведений, формировать критическое мышление посредством анализа архетипических образов и этико-философских концептов, создавать ценностные ориентиры, осмысливать категории «патриотизм», «гражданственность», «милосердие», «историческая память» и др.

В круг задач нашего исследования входят:

- 1) методологическое обоснование аксиологической интерпретации произведения искусства посредством отдельных положений теории «диалога искусств» с использованием описательного метода;
- 2) извлечение необходимых ценностных смыслов произведения искусства с помощью приемов дискурс-анализа, что неизбежно включает произведение искусства в изучение семантического поля отечественной художественной культуры.

В качестве объекта исследования избрана «Симфония № 7 “Ленинградская” до мажор соч. 60» Дмитрия Шостаковича. Это музыкальное произведение стало культурным знаком, ярким гуманистическим образом-символом Великой Отечественной войны и получило широкое художественное толкование в других видах отечественного искусства, в частности, – в литературе и киноискусстве. Так, «Ленинградская Симфония» Дмитрия Шостаковича отчетливо способствовала появлению поля прецедентных дискурсивно-оценочных высказываний. Они отображают ценностное значение «Симфонии № 7» Шостаковича. В современной социокультурной ситуации звучание и интерпретация «Симфонии № 7 “Ленинградская” до мажор соч. 60» Дмитрия Шостаковича предстают как процесс смысловой трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Такой подход к вышеозначенному музыкальному феномену актуален и, более того, практически значим в рамках культурологической триады: «знак – образ – символ». Она актуализируется

в отечественной культуре посредством «диалога искусств», поскольку раскрывает ценностное содержание произведения, способствует методологическому обоснованию его осмысления в междисциплинарном контексте. Этими парадигмальными аспектами аксиологической интерпретации произведения искусства обусловлена новизна нашего исследования.

ТЕОРИЯ «ДИАЛОГА ИСКУССТВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЕ

Современное обоснование теории «диалога искусств» междисциплинарно по своей сущности. Оно осуществимо в трех основных направлениях – культурософском, искусствоведческом и педагогическом. Культурософское толкование «диалога искусств» как средства постижения мира через высказывание другого человека представлено в работах М. Бахтина [Бахтин, 1979]. Диалог в искусстве также рассматривается в качестве средства социальной коммуникации [Бекбосынова, 1992; Левченко, 2008]. В искусствознании диалог трактуется как форма бытия совокупности произведений и традиции, создаваемой ими на разных структурно-семантических уровнях во взаимосвязи с запросами времени [Искусство в искусстве, 2024]. В искусствоведческом направлении теория «диалога искусств» раскрыта, в частности, через художественные практики синтеза разных видов искусства [Азизян, 2001], а также – через взаимодействие литературы и живописи в визуализации литературных образов [Поташова, 2021].

Педагогическая концепция «диалога искусств» в школьном образовании рассматривается в контексте изучения произведений художественной литературы (Г. Ачкасова), кинематографа (М. Дорофеева) и др. Ряд работ посвящен функциям «диалога искусств» в формировании культурной идентичности средствами визуального искусства в системе высшего творческого образования (М. Козьякова). Вызовы начала нового века требуют соответствующих постановки и решения проблем, назревших в отечественном культурно-образовательном пространстве в условиях тотальной глобализации. Необходимую информацию об этом находим в коллективной монографии «Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании» [Культурология в условиях вызовов XXI века ..., 2024].

Мы живем в условиях глобализации. Как мир в целом, так и отдельные государства в XXI веке испытывают на себе нарастающее воздействие внешних и внутренних противоречий. Происходит

значительное усиление деструктивных явлений в социокультурной сфере. Наблюдается также активное распространение молодежных поведенческих аномалий. На этом негативном фоне от противного на всех уровнях образования актуализируются вопросы сохранения и популяризации в среде молодежи традиционных российских духовно-нравственных ценностей, позитивно-значимых норм и форматов социального поведения. Налицо социальный запрос на созидательную деятельность во благо страны. Культура и искусство в своем историческом развитии являются системообразующими факторами воспитания личности, методологической основой формирования и развития гражданственности и жизнеутверждающих смыслов, которыми наполнен мир современного молодого человека. Ценности традиционной русской культуры живут в настоящем, внушают современникам социальный опыт прошлого, обеспечивают духовное общение поколений, целостно влияют на развитие молодой личности, воспитывают патриотизм как высшую духовно-нравственную ценность гражданина России.

Произведение искусства обладает имманентным аксиологическим смыслом. Поэтому его изучение в системе «диалога искусств» ориентировано на сохранение и укрепление традиционных российских ценностей. Они зафиксированы в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Эти непреходящие ценности сопровождаются высшим целеполаганием: стимулировать обращение обучающихся к творческому наследию известных деятелей искусства прошлого и настоящего, посвятивших свое творчество России как великой и единственной Родине.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА В РАМКАХ ТЕОРИИ «ДИАЛОГА ИСКУССТВ»

Приобщение современного человека к миру искусства сопровождается, с одной стороны, влиянием массовой культуры, а с другой – воздействием системы образования, в рамках которой актуализируются глобальные аксиологические функции искусства. Они направлены, в частности, на развитие культуры личности. Пространство отечественной культуры представляет собой цельбоносную среду, способную преодолеть деструктивные факторы в духовном становлении личности [Культурология в условиях ..., 2024].

Исходя из терминологического определения¹, произведение искусства есть «духовно-материальная реальность», создаваемая и постигаемая человеком. Художественная деятельность позволяет ему воплощать свое мировидение посредством знаковых, образно-символических форм, которые входят в ценностное пространство художественной культуры, становятся частью целого, гармонизируя тем самым духовную жизнь человека. Создавая произведение искусства, автор творит реальность, наполняя ее ценностно-эстетическими смыслами, которые раскрываются в многостороннем процессе восприятия произведения другими людьми, диалогически перекликаются в пространстве культуры [цит. по: Бахтин, 1979].

Далее остановимся на основных смыслополагающих фактах, обуславливающих включенность музыкального произведения «Симфония № 7 “Ленинградская” до мажор соч. 60» Дмитрия Шостаковича, самой личности композитора в ценностное пространство отечественной художественной культуры. История создания симфонии Д. Шостаковичем в годы Великой Отечественной войны является источником глубоких ценностно-образующих духовных смыслов для русского человека, выступая высшим образцом патриотизма и мужества.

Известно, что сам Д. Шостакович находился в блокадном Ленинграде; в начале Великой Отечественной войны принимал активное участие в обороне города: работал на строительстве противотанковых укреплений, был в рядах добровольной противопожарной команды по тушению зажигательных бомб. Как человек искусства, композитор глубоко воспринимал весь трагизм положения блокадного города, поэтому всецело проникся предложением по созданию музыкального произведения, которое должно было вызывать патриотические чувства, поднимать дух бойца, способствовать вере в победу над врагом.

Д. Шостаковичу удалось и в симфонической концепции, и в структуре «Симфонии № 7 “Ленинградской” до мажор соч. 60» символически воплотить хронику военных лет, запечатлеть историю героической борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Патриотические интенции Д. Шостаковича нашли отражение в 4 частях симфонии, для которых композитором изначально были запланированы названия – «Война», «Воспоминание», «Родные просторы», «Победа». Премьера Седьмой симфонии состоялась 9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии, трансляция велась не только на Ленинград, Москву и другие города Советского Союза, но и

¹Бачинин В. А. Эстетика: энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. С. 196.

на страны-союзицы, и через линию фронта – в немецкие окопы [Кантор, 2024].

В 1985 году на стене Филармонии была установлена мемориальная доска с текстом: «Здесь, в Большом зале Ленинградской филармонии, 9 августа 1942 года оркестр Ленинградского радиокомитета под управлением дирижера К. И. Элиасберга исполнил Седьмую (Ленинградскую) симфонию Д. Д. Шостаковича». В 2006 году часть Рабочей улицы в Самаре, где Дмитрий Шостакович жил в эвакуации и завершил партитуру Симфонии № 7, была переименована в улицу Шостаковича. Двумя годами ранее была открыта мемориальная доска, посвященная завершению симфонии.

ЦЕННОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕДЬМОЙ СИМФОНИИ Д. ШОСТАКОВИЧА В ЛИТЕРАТУРЕ

Произведение искусства как одна из форм существования художественной культуры объективно выступает знаком, который существуя в ее пространстве, в процессе вовлечения в толкование другим человеком во временном измерении становится образом-символом¹, запечатлевая тем самым устойчивые ценностные смыслы этого произведения, приобретая многозначность в «диалоге» с реципиентом [Гуренко, 2015]. В широком понимании эта смысловая многозначность произведения искусства, процесс его символизации, достигаются в «диалоге искусств», восходя к сложившейся культурной традиции в его восприятии и одновременно способствуя ее ценностно-смысловому приращению [Кучерук, 2023].

В истории русской литературы творческая рецепция «Седьмой симфонии» Д. Шостаковича связана с глубинным постижением писателями ее патриотического значения. Оно нашло воплощение в создании художественного образа-символа звучащей музыки, ее непобедимой силы, олицетворяющей силу и стойкость народа. Это образ, который с помощью художественного слова транслирует духовные смыслы восприятия человеком величайшего музыкального произведения. В литературе России восприятие Седьмой симфонии Д. Шостаковича восходит, прежде всего, к сохранению исторической памяти о стойкости и мужестве жителей блокадного Ленинграда, о событиях Великой Отечественной войны. Величественное прошлое страны проступает сквозь призму эмоционального переживания писателем как таковым музыки, созданной в героическое для всего Отечества время.

¹Аверинцев С. С. Символ // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6. Присказка. С. 829–830.

Впервые прозвучав, «Седьмая симфония» моментально стала грандиозным и историческим, и культурным событием, вызвав отклик у поэтов-современников композитора, а впоследствии – и у литераторов-потомков. Анна Ахматова одной из первых всецело восприняла патриотическую направленность этого музыкального произведения, дав ему подзаголовок «Ленинградская». В своеобразном ценностно-смысловом диалоге литературы и музыки она выразила чувство единения со всем народом в стремлении победить врага, защитить свою землю.

Основанием для того, чтобы напрямую соотносить Дмитрия Шостаковича с Анной Ахматовой является общность их судеб, их ревностное служение своему народу, т. е. их глубинное соответствие идеалам, исторически свойственным русской интеллигенции. Непосредственное знакомство поэтессы и композитора, их жизнь в блокадном Ленинграде и творческое отображение этой темы, а также хорошо известная увлеченность Анны Ахматовой историей мировой музыки, систематическое посещение ею концертов особо способствовали многоаспектному литературно-художественному осмыслению и нравственному проживанию поэтессой «Седьмой симфонии» Д. Шостаковича в лирике. Анна Ахматова воспринимала Седьмую симфонию Д. Шостаковича как непосредственное «созвучие» своему стихотворению «In memoriam» (в переводе с латинского название означает «В память», 1942), соответственно наделяя его строки созвучными произведению композитора мотивами исторической памяти:

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!²

Примечательно, что это стихотворение было написано поэтессой через год после создания Д. Шостаковичем легендарной симфонии – и получило в литературе образное название «Ленинградской симфонии» Анны Ахматовой. В нем силой художественного слова, диалогичного по отношению к музыкальному произведению, утверждается вечная память о подвиге жителей блокадного Ленинграда.

Образ «Седьмой симфонии» присутствует и в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. Поэтесса считала ее своим итоговым произведением, квинт-эссенцией всей своей поэзии. Творчески символично, что «Поэма» исполнена аллюзий на

²Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 2, Кн. 1: Стихотворения, 1941–1959. 1999. С. 30.

историю всей русской культуры. Отдельные строки из первоначального эпилога «Поэмы» обращены к истории блокадного Ленинграда. В те трагические дни «Седьмая симфония» Д. Шостаковича звучала по ленинградскому радио под постоянные обстрелы врагов. Но дух ленинградцев был не сломлен, и город устоял. В поэтических строках из поэмы Анна Ахматова утверждает духовную силу этого музыкального произведения Д. Шостаковича, вселившего веру в победу над врагом:

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя «Седьмая»,
На неслыханный мчалась пир...
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир¹.

В 1944 году фронтовой корреспондент М. Матусовский – позже всемирно известный поэт-песенник – написал стихотворение «Седьмая симфония в Москве», посвященное исполнению произведения Д. Шостаковича в Москве в Колонном зале Дома союзов. Примечательно, что в содержании стихотворения присутствует также образ блокадного Ленинграда, в котором композитор начинал писать свою великую «Симфонию». Это стихотворение – о значимости музыки, о ее влиянии на сознание и историческую память русского человека:

Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.
Была непогода скупа,
Снежком припущенная малость,
Как будто бы эта крупа
По карточкам нам выдавалась.

В наши дни воплощение теории «диалога искусств» путем трансляции традиционных ценностей в художественном произведении, на наш взгляд, демонстрирует поэма художника и писателя М. Погарского «Колокольный храм» (2018). В ней художественные образы личности композитора и его «Седьмой симфонии» являются центральными. Они несут и обширную культурологическую семантику. Так, само название этого литературного произведения отсылает современного читателя к истории России как государства-цивилизации. Автор отображает ее в традиционном для русского визуального искусства образе – образе

церкви с колокольной на фоне типично русской природы, неоднократно запечатленном художниками и писателями. Этот образ передает русскую культурную символику. Ею пронизана вся поэма. В означенном произведении через ряд ассоциативных микрообразов, – «осажденный город», «древний код», «метель над Невой» и др.², – представлен целостный экзистенциально-философский образ «Седьмой симфонии» Д. Шостаковича. Он вписан посредством восприятия музыки через стихотворные строки в русскую культурную картину мира. В этих строках явлены духовно-нравственные ценности российской цивилизации – вера, справедливость, соборность. Они отсылают к историческим основам формирования художественной культуры России.

АКСИОЛОГИЯ СЕДЬМОЙ СИМФОНИИ Д. ШОСТАКОВИЧА В КИНЕМАТОГРАФЕ

Героическому подвигу рядовых музыкантов города на Неве посвящен художественный фильм «Ленинградская симфония» (режиссер З. Аграненко, 1957). Успех киноленты заключается в том, что и режиссер, и исполнитель главной роли – коренные ленинградцы, оба блокадники. Они смогли воплотить трагические судьбы героев, так как они не играют, а вспоминают пережитое. Благодаря этому весь фильм соткан из микроэпизодов, пронизанных одной идеей – идеей человеческого подвига. Слишком мало времени прошло со дня Победы – 12 лет, поэтому фильм воспринимается как документальный, чему способствует еще и черно-белая кинолента. Полторачасовой фильм держит в эмоциональном напряжении, заставляет сопереживать, задуматься, осознать – благодаря чему сегодня продолжается жизнь.

В наши дни снят телесериал «Седьмая симфония» (режиссер А. Котт, 2021). Вопреки множеству негативных отзывов, исторических несоответствий, фильм неоднозначный, заслуживающий внимания и культурологического анализа.

С первых эпизодов слышен метроном, который оповещал жителей о налете немецкой авиации. Д. Шостакович намеренно включил этот звук в «Седьмую симфонию», был он отражен и в культуре, и в литературе как символ блокадного Ленинграда.

Сюжет фильма строится на событиях блокадного Ленинграда и задании, поставленном руководством страны перед Большим симфоническим оркестром Ленинградского радиокомитета по исполнению Седьмой симфонии Д. Шостаковича с целью поднятия боевого духа.

¹Ахматова А. А. Поэма без героя: в 5 кн. / вступ. ст. Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерера. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 61.

²Погарский М. ОМмажи: поэмы и очерки. М.: Русский Гулливер, 2020. С. 15–17.

Несмотря на бесконечные обстрелы города, ежедневно в эфире звучат произведения В. Моцарта, Л. Бетховена, стихи О. Берггольц – всё это напоминает, что город жив. Единственный симфонический коллектив, оставшийся в блокаду, дал более 200 концертов.

Дирижер Карл Элиасберг (исполнитель роли актер А. Гуськов) понимает, что техническое выполнение задания невозможно – весь прежний состав разбросан: кто-то пропал без вести, отправился воевать на фронт, вошел в состав агитбригад, умер от голода.

В помощь уцелевшим музыкантам направлен лейтенант НКВД А. Серёгин (А. Кравченко), который потерял всю семью. Он с пренебрежением относится к музыке, с подозрением к дирижеру Элиасбергу – полунемцу, полуеврею, не знает и не понимает очевидных вещей. На этих героях строится конфликт: по-петербургски холодный интеллигент до мозга костей Элиасберг и простой военный человек Серёгин, который в последней серии фильма при авианалете закрывает собой дирижера и сам погибает.

Многосерийность фильма оправдана историями личной жизни музыкантов, любовными треугольниками, воспоминаниями из мирной жизни. На протяжении всей киноленты проводится идея, так необходимая и в наши дни: на войне есть место музыке, вере, любви.

Сложно говорить, о чем фильм: о выдающемся дирижере, о подвиге музыкантов, о симфонии композитора? – нет, это фильм о людях, простых людях, которые, однажды избрав путь служения искусству, выполняли свой долг, своим мастерством вселяя в сограждан надежду на жизнь. Жена дирижера произносит знаковую реплику: «В музыке очень важно видеть перспективу»¹. Возможно, создатели фильма (6 сценаристов) специально упоминают эту фразу. Сила искусства, в частности музыки, вызывает чувственные переживания, способные пробудить

гордость за свой народ, страну, не только задуматься о происходящем, но и вывести человека на высшие духовно-нравственные аспекты.

Фраза «без памяти прошлого нет будущего» стала хрестоматийной. Не осознавая уроков истории прошлого – сложно воспитывать гуманизм, достоинство, милосердие, справедливость, патриотизм у современной молодежи. Эту идею режиссер фильма вкладывает в уста дирижера после концерта: «Исполнение музыки Шостаковича из блокадного, измученного города не забудут, не забудут наши дети, внуки, внуки их внуков будут помнить и знать: музыка сильнее смерти! Город жив!»²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ аксиологических смыслов «Симфонии № 7 “Ленинградская” до мажор соч. 60» Д. Шостаковича сквозь призму теории «диалога искусств» выявил включенность этого знакового для отечественной художественной культуры музыкального произведения в дискурсивное пространство, посредством которого транслируются традиционные духовно-нравственные ценности. Произведение композитора, оставаясь неотъемлемым художественным символом истории блокадного Ленинграда и Великой Отечественной войны, служит ярким примером взаимодействия музыки с другими искусствами. Музыка вступает в диалог с литературой, кинематографом, через визуальные образы, слова и фразы усиливая и подчеркивая, запечатлевая свои значимые духовно-ценностные смыслы. Интерпретативный опыт подобного перенесения эмоционального восприятия музыкального произведения в поэтические строки, кинематографические кадры транслирует ценности патриотизма и гражданственности, что позволяет рассматривать этот опыт в контексте перспективы его дальнейшего активного использования в воспитании духовно-нравственных ценностей молодежи на междисциплинарной основе.

²Там же.

¹Седьмая симфония : художественный телесериал / режиссёр А. Котт ; сценарий: А. Караулов, Г. Кесоян, А. Котт [и др.] ; оператор П. Духовской ; художник С. Иванов ; композитор Ю. Потеенко. М.: Нон-Стоп Продакшн, 2021. URL: <https://rseriali.net/1607-sedmaja-simfoniya-serial-2021.html> (дата обращения: 25.08.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бекбосынова Ж. Б. Проблемы герменевтики (Понимание и интерпретация в культурно-исторической коммуникации). М.: Луч, 1992.
3. Левченко Е. В. Искусство как вид познания: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. СПб., 2008.
4. Искусство в искусстве: сборник статей / ред.-сост. Г. У. Лукина, А. Н. Хахалкина. М.: Государственный институт искусствознания, 2024.
5. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
6. Потапова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: Флинта, 2021.

7. Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании: коллективная монография / научный редактор Н. Б. Кириллова, рецензенты О. Ю. Астахов, И. В. Малыгина, Н. А. Симбирцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024.
8. Кантор Ю. З. Ленинградская симфония. Партитура памяти. М.: РОССПЭН, 2024.
9. Гуренко Е. Г. Что такое произведение искусства (эстетический анализ). Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, 2015.
10. Кучерук И. В. Статус и особенности диалога в искусстве // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10. С. 170–174.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* = The Aesthetics of Verbal Creation. Moscow: Art. (In Russ.)
2. Bekbosynova Zh. B. (1992). *Problemy germeneytiki (Ponimanie i interpretatsiya v kul'turno-istoricheskoi kommunikatsii)* = Problems of hermeneutics (Understanding and interpretation in cultural and historical communication). Moscow: Luch. (In Russ.)
3. Levchenko, E. V. (2008). *Iskusstvo kak vid poznaniya* = Art as a Form of Knowledge: PhD in Philosophy. St. Petersburg. (In Russ.)
4. Lukina, G. U., Hakhalkina, N.A. (Eds.). (2024). *Iskusstvo v iskusstve* = Art in Art: collection of papers Moscow: State Institute of Art Studies. (In Russ.)
5. Azizyan I. A. (2001). *Dialog iskusstv Serebryanogo veka* = The Dialogue of the Arts in the Silver Age. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
6. Potashova K. A. (2021). *Traditsii i novatorstvo russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka v aspekte usvoeniya opyta zhivopisi* = Traditions and Innovation in Russian Literature at the End of the 18th – First Third of the 19th Century in Terms of Absorbing the Experience of Painting. Moscow: Flinta. (In Russ.)
7. Kirillova, N. B. (Ed.). (2024). *Kul'turologiya v usloviyakh vyzovov XXI veka: novye trendy v obrazovanii* = Cultural Studies in the Context of the Challenges of the 21st Century: New Trends in Education. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)
8. Kantor, Yu. Z. (2024). *Leningradskaya simfoniya. Partitura pamyati* = Leningrad Symphony. Score of Memory. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
9. Gurenko, E. G. (2015). *Chto takoe proizvedenie iskusstva (esteticheskii analiz)* = What is a work of art (aesthetic analysis). Novosibirsk: Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka. (In Russ.)
10. Kucheruk, I. V. (2023). Status and Features of Dialogue in Art. *Society: Philosophy, History, Culture*, 10, 170–174. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвинова Наталья Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин
Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

Пустовит Валерия Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин
Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Litvinova Natalia Borisovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines
Matusovsky Academy of Culture and Arts

Pustovit Valeria Yurievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines
Matusovsky Academy of Culture and Arts

Статья поступила в редакцию	19.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.09.2025	approved after reviewing
принята к публикации	06.10.2025	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 12 (906)**

**VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 12 (906)**

Ответственный за выпуск

О. А. Быкова

кандидат филологических наук, доцент

Executive editor

Olga A. Bykova

PhD in Philology, Associate Professor

Редакторы: В. А. Геронимус, М. М. Сингал

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editors Vasilii A. Geronimus, Marina M. Singal

Layout: Andrew V. Alymov

Layout design: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 25.12.2025

Усл. печ. л. 19,5

Формат 60х90/8

Заказ № 117/25

Signed for print: 25.12.2025

Conventional printed sheets: 19,5

Layout format 60x90/8

Order 117/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051

Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051

The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.

Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.

Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».